

**ШАХОДАТ
ИСАХАНОВА**

**ЗАВЕТНОЕ
ЖЕЛАНИЕ**

Повесть и рассказы

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1988

Рассказы и повести самобытной узбекской писательницы Шаходат Исакхановой уже давно привлекают пристальное внимание читателей. В ее творчестве заметно тяготение к глубинному художественному исследованию характера героя, и если порой писательница и стремится изучить героя в экстремальных обстоятельствах, то это, как правило, обстоятельства, связанные либо с душевным подъемом, либо с кризисной ситуацией, на оселке которой поверяется стойкость и мужество, готовность к самопожертвованию.

Узбекскому читателю хорошо знакомы ее сборники рассказов «Заповедное счастье», «Мечь» и другие. Книга на русском языке приходит к читателю впервые.

И 4702570200—73
356(04)—88

25—88

ISBN 5—633—00025—0

© Издательство «Еш гвардия», 1988 г.

ЭШИМ-МАКЛЕР ПОВЕСТЬ

ЭШИМ-МАКЛЕР

Повесть

Родители Улугбека собрались ехать на целину, а его решили до начала учебного года оставить у Нозик-буви, маминой матери. Мальчик обрадовался — бабушку он очень любил. И с дедом Эшимом давно хотел познакомиться. Ведь они не виделись ни разу в жизни — вот странно! Почему-то бабуля приезжала к ним всегда одна и к себе в гости не звала. Правда, мама ее навещала, но редко и тоже одна.

Об Эшиме-бобо разговоры велись осторожно. Но один раз мать не выдержала и произнесла в сердцах: «Так хочется домой, но как подумаю об этом... — она сделала паузу, — ...об отце — все, не могу!» Олма-буви, бабушка с папиной стороны, вздохнула, — видно, все поняла, — но маме выговорила:

— Не все к родным детям относятся так, как к тебе Нозик. Я-то видела, как она за тобой смотрела. Бедняжка из-за тебя только и согласилась выйти за этого нечестивца. Ни одна семья в махалле не решилась бы отдать за такого свою дочь. Маклер он и есть маклер. Об-

вести вокруг пальца человека ради своей выгоды ему ничего не стоит. Жадный, злой, коварный — сущий дракон. А у него не было другого выбора, вот и пришлось пойти на такой «благородный» шаг — воспитывать приемную дочь своей жены. Представить себе трудно, что пережила Нозик из-за этого «лишнего рта»... Так что Эшим Эшимом, а предавать дом, где ты выросла, грех. «Дому, в котором ты прожил один день, сорок дней кланяться должен», — говорится в народе. И потом, Нозик ведь тоже не вечна. Хоть изредка навещай ее...

По словам тетушки Хури, Ёдгора — мама Улугбека — приемная дочь Нозик-буви и Эшима-бобо. Но Улугбеку все невдомек, как это дочь может быть приемной?! Когда внук обратился к ней за разъяснением, Олма-буви ужасно осерчала на тетушку Хури за ее длинный язык.

Ёдгора же пояснила сыну так: «Моя мама была младшей сестрой Нозик-буви. Когда отец ушел на войну, мама заболела и умерла. И тогда Нозик-буви — моя тетька — забрала меня к себе и стала воспитывать».

Мальчик еще больше запутался. Он долгое время ломал голову: «Как же так получается: если воспитала — значит мать, не воспитала — тетка?»

Олма-буви теперь нет. Совсем-совсем нигде. Как сказала мама, она в прошлом году превратилась в птицу и улетела. А ему совсем не хочется в это верить. И правда, как может совсем взрослый человек превратиться в маленькую птичку?

Спросил у отца, а он ему: «У тебя тоже голова на плечах имеется, вот и подумай, пошевелил своими извилинами». Думал, шевелил, не сто — тысячу раз шевелил. Все равно представить себе этого не мог.

Спросил у Нозик-буви. Она повторила мамины слова: «К старости человек превращается в птицу и улетает...»

Почему же тогда другие не превращаются в птиц? Вот, к примеру, Хаким-бува, сколько уж лет как на пенсию вышел — ух-ху-у! Сам он точно пугало огородное — страшно глядеть на него. Ходит еле-еле: ступит два шага — передохнет, а дома усидеть не может. Постоянно ходит в чайхану, что возле школы. А разум и память все слабеют. Всякий раз, проходя мимо школы, непременно останавливает ребят и задает один и тот же вопрос: «Чей сын будешь?» Хотя тысячу раз уже говорил

ему, чей сын, все равно никак не запомнит. Стоит только попасть ему на глаза, как он тут же, упершись подбородком в перила чорпой¹ и поблескивая малюсенькими глазенками, кричит из чайханы насколько позволяют силы: «Эй, джигит, поди-ка сюда, ты чей будешь?» Другие мальчишки поступают так, как советует чайханщик Хамза-амаки: делают вид, будто не заметили его. Но Улугбек помнит слова Олма-буви: «Обижать стариков — большой грех» и никак не может переступить через это.

После того, как Олма-буви превратилась в птицу и улетела далеко-далеко, он долгое время обедал то у одних, то у других соседей. Потом по настоянию матери при школе организовали группу продленного дня, и Улугбек стал оставаться там. Мама — человек авторитетный, к ее мнению все прислушиваются. Даже сам директор школы не раз обращался к ней с просьбами, советовался. Потому что у мамы есть самый главный в мире орден. «Этот орден дается лишь тем, кто отлично трудится», — говорила ему Олма-буви. Вот потому-то ее с отцом и послали в степь.

— К началу нового учебного года там откроется школа. А до тех пор будешь жить у Нозик-буви, — сказала ему мама.

Бабушек своих Улугбек любил одинаково крепко — обе добрые, ласковые. Потому очень обрадовался, услышав слова матери. Наконец-то он увидит дом, в котором живет его Нозик-буви. А еще познакомится с Эшимом-бобо. Хоть он и не очень хороший, судя по разговорам, но все же любопытно.

Ах, как обрадовалась Нозик-буви, когда увидела своих родных... «Не сон ли это, Ёдгораджан? Мой Улугбек вырос и приехал навестить свою бабушку?» — постоянно повторяла она, то и дело обнимая и целуя внука.

Родители с явным смущением начали было объяснять цель своего приезда, однако Нозик-буви сразу же перебила их: «Как можно, что вы такое говорите, зятек? Я для своего любимого внука душу готова отдать. Можете спокойно ехать и ни о чем не беспокоиться». Даже расплакалась под конец.

С улицы донесся чей-то голос, и все как по команде разом смолкли. Мать Улугбека встала с места, второпях

¹ Чорпойя — топчан с низкими перильцами.

шепча на ухо сыну: «Дедушка идет, поздоровайся и поцелуй его».

Улугбек представлял деда таким же высоким, седобородым и улыбчивым старцем, как, к примеру, Уринбай-бува из их кишлака. А когда в комнату вошел человек смуглый до черноты, с крупным носом и маленькими, хищными, как у ястреба, глазами, руки Улугбека, готовые было раскрыться для объятия, сами собой сжались, и он, отступив назад, в растерянности оглянулся на мать.

Та тихонько подтолкнула его: мол, поздоровайся. На этот раз он бросил быстрый взгляд на отца и бабушку. Отец опустил глаза. Нозик-буви чуть слышно, почти одними губами, еле выдавила из себя: «Поздоровайся с дедушкой, Улугбекджан».

Улугбек, с трудом переставляя ноги, словно его тянули на аркане, направился вперед.

— Ассалом алейкум, дедушка!

— Ваалейкум ассалом! Ну как, джигитом стал, а? — дед похлопал толстенной рукой его по плечу.

«Ой, какие руки тяжелющие!» — Улугбек даже покачнулся. Дед засопел и прошел на самое почетное место, кивнув остальным в знак приветствия.

Улугбек впервые видел такого толстого человека. Даже дяде Тимуру, отцу Шакира, ох, как далеко до него! Если б не борода, ну точь-в-точь один из «Трех толстяков»! Да и вообще он какой-то необычный, угрюмый: сидит и молча исподлобья поглядывает на всех. А когда Улугбек увидел, как он ест, так и замер, остолбенев от удивления. Зачерпнув, словно ковшом экскаватора, огромной ладонью плов и сунув гору риса в рот, он начал так усердно двигать челюстями, что его до этого почти невидимые малюсенькие глазки, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Мать Улугбека, наблюдавшая за его реакцией, едва слышно произнесла: «Иди, поиграй немножко во дворе».

Улугбек, конечно же, обрадовался такому предложению и быстренько выбежал во двор. Он уже собирался обойти виноградники и направиться в сад, как вдруг до его слуха донесся какой-то странный урчащий звук. Он замер на месте и огляделся: огромный кот, придерживая лапами кусок мяса, расправлялся со своей добычей. Заметив направившегося в его сторону Улугбека,

кот недовольно заурчал, но, почуяв опасность, бросил мясо и припустил в сторону хлеба.

— Бабушка, кот мясо утащил! — закричал во весь голос Улугбек, подбежав к двери.

Нозик-буви, босая, опрометью выбежала из дома. За это время кот вновь оказался у тандыра, возле недоеденного куска. Услышав шум, он опять дал деру. Вскочил на соседний забор, аппетитно облизнулся, вытер лапами усы и мордочку и важно взмахнул хвостом, словно ничего не произошло и он ни в чем не виновен.

За обеденным столом тоже не обошлось без происшествий. Эшим-маклер уже успел ополовинить касу кислого молока для лучшего усвоения пищи, когда раздался крик Улугбека. Старик поперхнулся и резко вскочил с места. Қаса, выскользнув из рук, опрокинулась на него. Экая напасть! Одной потери было мало, так и эта еще прибавилась! Он был вне себя от ярости.

Ёдгора впопыхах стала вытирать пролитое молоко с его чапана, жестом указывая мужу, чтобы оставался на месте. В глазах его, обращенных к жене, застыл немой вопрос: «В чем дело?»

— Сейчас такое начнется... — сказала Ёдгора, как только за дверью скрылась неуклюжая туша Эшима-маклера.

— Да ну, неужто из-за какого-то кусочка мяса?

Ёдгора не ответила, а чуть погодя сказала с сожалением:

— Надо было все же оставить Улугбека у вашей сестры...

— Разве она отпустила бы его, если бы не больная нога? Как будто не знаешь, что другого выхода у нас не было. И потом, если сейчас повернуть назад, мать обидится, всякое ведь подумать может.

— Лишь бы Улугбек не натворил чего по глупости...

— Не надо так терзать себя. Старики говорят: «В береженный глаз соринка попадает, а брошенного ребенка камень минует».

— Вы просто не представляете, что за характер у этого человека!

— А раз так, зачем же надо было привозить его сюда?

Ёдгора какое-то время молчала, боясь принять окончательное решение.

— Ладно. Пусть остается, а дней через десять-пят-

надцать приедете и сами посмотрите, как быть дальше,— решила она чуть погодя и, выложив из сумки гостиницы и одежду сына, последовала за мужем во двор.

...Заслышав разгневанный голос, Нозик-буви вся как будто съежилась, осторожно предостерегла внука: «Беги быстрее и на глаза ему не показывайся». Затем направилась в сторону виноградника — вид у нее был такой, словно не кошка, а она утащила тот злосчастный кусок мяса.

Увидев перекошенное от гнева лицо Эшима-маклера, Улугбек испугался и счел за благо воспользоваться разумным советом.

Маклер, брызгая во все стороны слюной, на чем свет стоит поносил бедную старушку. Даже замахнулся, но ударить ее все же не посмел.

— Сто раз тебе говорил, уничтожь этого дармоеда. Вот тебе и результат! Теперь всю неделю будешь сосать свой палец! — зашипел он по-змеиному — видно, глотку надсадил.

— Свежее мясо в холодном ящике (Нозик-буви так называла холодильник), а это старое, засоленное,— скороговоркой произнесла она, обрадовавшись своей находчивости: нашла-таки причину, хоть чуточку смягчающую ее вину.

Маклер пронзил ее испепеляющим взглядом.

— Ну и что же?! Засоленное мясо на деньги твоей мамы куплено, что ли?!

Нозик-буви, ничего не ответив, опустила голову.

— Ну ничего, попадетсЯ он мне в руки! — маклер запрокинул голову и чихнул.— Пусть меня не зовут Эшимом, если я не разделаюсь с ним, как он заслужил!

Ёдгора заторопилась.

— Мы, наверное, тронемся. Завтра в дорогу, а вещи еще не уложены. Дней через десять-пятнадцать кто-нибудь из нас приедет за Улугбеком...

Старушка с мольбой глянула на Ёдгору.

— Дочка, ты ведь сказала, что он «до лета останется»... Если...— старая Нозик бросила ненавидящий взгляд в сторону мужа, — если ты из-за него, то можешь быть спокойна — в обиду малыша не дам. Не тревожься, поезжай с богом...

Печальный голос матери сдвинул сердце Ёдгоры, к горлу подступил тугой комок. Обняв старушку, она ласково поцеловала ее, затем направилась к отцу.

Эшим-маклер все еще никак не мог прийти в себя после случившегося. В ответ на слова Ёдгоры: «Оставляем у вас Улугбека на три-четыре недели», он лишь зло сверкнул на нее глазами: дескать, вы меня-то спросили? Но промолчал.

Ёдгора не стала ничего больше объяснять, распросалась и направилась к воротам. Улугбек побежал было ей вдогонку, но его остановила бабушка — обняла внука за плечи и что-то шепнула на ушко — видимо, кое-что посулила. Глаза Улугбека радостно засияли, он с интересом спросил: «Какой?»

Ёдгора с мужем вышли на улицу — на душе было беспокойно.

— Принеси-ка из холодного ящика кусочек мяса! И еще прихвати бельевую веревку, — все еще продолжая хмуриться, но явно что-то задумав, велел маклер Нозик-буви. Затем подозвал Улугбека и приказал:

— А ты сиди здесь и не двигайся с места! Я сейчас вам такое зрелище устрою — ни в одном цирке не увидите!

Нозик-буви, предчувствуя недоброе, однако не в силах возразить, подчинилась.

Улугбек присел на корточки, с интересом наблюдая за действиями деда.

Маклер проткнул гвоздем дырку в куске мяса, пропустил в нее веревку, на конце завязал узелок. Эту наживку он подвесил возле тандыра, откуда кот утащил мясо, другой конец веревки обмотал вокруг сваи. Убедившись в прочности узла, жестом велел старой Нозик вернуться в дом.

Нозик-буви в растерянности поглядывала то на внука, то на подвешенный кусок мяса, затем скрылась внутри дома.

Маклер, решив, видимо, понаблюдать за происходящим издали, присел на огромный тополиный пенёк в тени персикового дерева.

Улугбек не знал, сколько времени просидел он в ожидании. Видимо, долго: его так сморило на солнышке, что даже задремал чуть-чуть. Но от кошачьего мяуканья он сразу встрепенулся. Старый знакомый — пушистый кот, задрав колечком хвост и лениво потягиваясь, поглядывал на Улугбека. «Ну что, ябеда, чего ты добился» — будто говорил его хитрый взгляд. Кот, по всей вероятности, не был голоден и с ленцой поглядывал на подве-

шенный кусок мяса, словно бы раздумывая: скушать, не скушать. Наконец, решив все же не отказываться от такого подарка судьбы, оглянулся и направился к приманке.

Опасливо,— как бы кто не заметил,— облизнув пару раз и почти не разжевывая, кот проглотил кусок. Известно, что обжорство до добра не доведет.

Улугбек, обрадованный, что обещанное зрелище началось, окликнул деда и подбежал к коту.

Маклер вскочил с места, крича на ходу:

— Не тронь! Я сам как следует проучу этого дармоеда!

Лишь проглотив наживку, кот понял, что это не лакомый кусочек, а ловушка, но было уже поздно. Захрипев, кот в отчаянии взобрался на виноградные шпалеры.

Улугбек не ожидал, что «зрелище» будет таким страшным. Сердце бешено застучало — вот-вот выскочит из груди,— и он что есть силы закричал: «Бабушка!»

Нозик-буви, словно ошпаренная, выскочила из дому и замерла на месте, увидев обезумевшего кота. Ей показалось, что кот в предсмертных муках вот-вот набросится на Улугбека, остолбенело стоявшего неподалеку. Ноги ее подкосились, и она чуть не потеряла сознание. Пересилив себя, Нозик-буви подбежала к внуку и потянула за собой.

— Быстрее... быстрее зайди в дом, детка!

Лишь прикрыв за собой дверь, она перевела дух.

— Чтоб ты подох вместе со своей проделкой! — суеверно поплевала она за ворот платья и глянула через окно во двор.— Вот зверь! Пока не убьет бедолагу кота, не успокоится!

От слов бабушки сердце Улугбека ушло в пятки.

— Ой! — в изумлении воскликнул он.— Ведь тогда у Эшима-бобо совсем-совсем не будет детей!..

Из глаз старой Нозик градом полились слезы.

— Правду говорю, бабушка, это не я сочинил.— И он поклялся в знак подтверждения своих слов:— Хлебом клянусь! Так говорила Олма-буви: кошку убивать нельзя, потому что она желает, «чтоб у хозяина было больше детишек, которые будут ласкать ее и делиться с ней хлебом». Потому у того, кто убьет кошку, детей не бывает. Олма-буви все-все на свете знала.

Надрывный кошачий вой прервал рассказ Улугбека.

Нозик-буви, воскликнув «о аллах!», бросилась к ок-

ну. Улугбек не стерпел и, преодолевая свой страх, кинулся вслед за бабушкой.

— Не смотри-и-и! — закричала в отчаянии старая Нозик, отвернувшись от окна и судорожно прикрывая ладонями лицо внука.

Длинные тонкие пальцы ее совсем заледенели и мелко дрожали.

Улугбек громко плакал и надрывно вскрикивал:

— Домой уеду! К Олма-буви... Нет, я тоже в степь поеду! Эшим-бобо плохой, совсем плохой...

* * *

— Все, наелся, больше не могу. Даже подобрел! — «пошутил» Эшим-маклер и, громко рыгнув, вытер жирные пальцы об угол лоскутной скатерти. Затем, облокотившись о подушку и расслабив мешковатое грузное тело, возлег по соседству с Киемом-аксакалом. Когда Эшим переступил порог этой мехманханы, он не стал разглядывать присутствующих — так был голоден. Теперь, насытившись и отпивая маленькими глотками чай из протянутой ему аксакалом пиалы, он внимательно изучал собравшихся за дастарханом. Добрая половина из них была ему совсем незнакома: судя по одежде, да и по манерам можно было без всякого сомнения сказать — начальство. Причем, «чужое», ведь все начальство соседнего кишлака он знал хорошо. Значит, гости были то ли из района, то ли из области, кто знает, может, даже из самой столицы. «Этот каналья Абдулла оказался еще проворнее своего отца. Такое никому и в голову не придет: устроить поминки по отцу, чтобы завоевать себе авторитет. Ох и бестия! Правду говорят, птенец делает то, что видит в гнезде! На кой дьявол этим людям было ехать сюда, в такую даль, да еще в этакое пекло? Ну и что с того, что покойник героем был? Чего-чего, а героев сейчас хватает! Какой расчетливый, каналья: преследуя корыстную цель, пригласил на поминки высокопоставленных лиц. Этот попусту не позовет. Услышал, видно, от кого-то, что на могилу героев памятники ставят, вот и пригласил. Возможно, сам отец ему и завещал, все заранее рассчитав: «Если умру, позови начальство с тех мест. Чтобы показать свое благородство и великодушие, председатель и парторг все расходы, связанные с установкой памятника, возьмут на себя. Остальное пусть тебя не волнует. Главное, чтобы дело было сделано».

В кишлаке не было равных по хитрости Хакиму-тихоне. Именно потому он и стал героем. Мало, что ли, таких, как он, умеющих управлять трактором? Каждый второй в колхозе — тракторист. Но этому Хакиму постоянно во всем везло. Черт бы его побрал, это везение, слепое оно, что ли? Награды счастливчик получал одну за другой. Не один — два костюма сразу имн украсил. Свадьба ли, похороны — самое почетное место его. Нельзя сказать, чтоб покойный чрезмерное рвение проявлял, всю силу в работу вкладывал. Со всеми наравне в поле уходил, вместе со всеми и возвращался. А авторитетом почему-то пользовался большим. Что-то за этим все же кроется. Не зря говорят: не подмажешь — не поедешь. Щедро, видать, благодарил. А потом, председателю попросту нужны такие, как Хаким-тихоня — беспрекословные и безропотные. Тот же председатель и задержал на почте письма, которые он, Эшим, когда-то в высокие инстанции посылал, хотел кое-кому глаза открыть. «Факты не подтвердились» — вот и весь сказ!

— Достопочтенный раис, пусть будет благословенным этот стол. Просим вас сказать несколько слов, — от этих слов Салима-кусы¹, сидящего у самой двери, Эшима-маклера всего передернуло. «Тебе-то кто слово дал, а, Куса-бородач? Сидел бы себе спокойно да помалкивал. Ишь, проявил уважение к раису! Ну что с того, что раис? Как будто здесь нет старейшин».

Словно намереваясь передать свои мысли, маклер пристально уставился на Салима-кусу. Тот, заметив это, лишь нахмурился. Затем, почесав голый, совершенно гладкий подборок, еще раз учтиво обратился к раису.

На сей раз Эшим-маклер не вытерпел. Наклонившись поближе к Киему, во всеуслышание бросил в адрес Кусы: «Чтоб ты провалился».

Окружающие хоть и услышали брань, однако сделали вид, что ничего не произошло.

— Нет-нет, что вы, спасибо, — раис, в знак благодарности приложив руку к груди, указал на сидящих: — Среди нас и постарше люди сидят. К тому же и гости здесь присутствуют. А гость в доме почетнее отца родного.

После слов раиса «и постарше люди сидят» Эшим-

¹ К у с а — безбородый; имеющий жидкую бороду.

маклер просветлел лицом и, возмнив, что взоры всех сейчас устремлены на него, скромно опустил прищуренные глаза.

— Мы просим вас, Киём-бобо,— продолжал раис, обращаясь к аксакалу,— завершить эту трапезу. Похоже, старше вас здесь никого нет.

Эшим-маклер, уверенный, что это высокое доверие будет оказано непременно ему, с трудом совладал с собой. Он тут же придал своему лицу благообразное выражение:

— Так, именно так, никого старше Киёма нет!

Никто, кроме самого Киёма-аксакала, не понял, сколько ехидства вложил маклер в свои слова. Неспроста он произнес лишь одно имя, подчеркивая тем самым, что всего-навсего на год младше аксакала. Обычно при разговоре он постоянно обращался к нему, прибавляя к имени почтительное «аксакал», или же проще «ошна» — «приятель». Если бы сейчас Киём-аксакал смог заглянуть в душу Эшима, он бы ужаснулся.

«Ух, подлый, хоть бы слово сказал обо мне,— думал Эшим-маклер.— Ну погоди, придешь еще за насваем! Каждый божий день ко мне таскается, вечно клянчит щепотку! Отраву теперь будешь жевать, а не насвай!»

Почетные гости встали. В знак уважения к ним один за другим стали подниматься и остальные. Улугбек, которого Эшим взял с одной лишь целью — задаром накормить — приподнялся и бросил быстрый взгляд на деда. Увидев его мрачное лицо, мальчик, как по приказу, снова тихонечко опустил на свое место.

Киём-аксакал подтолкнул приятеля в бок, приглашая последовать за гостями. Маклер пронзил его уничтожающим взглядом. Аксакал растерянно засуетился и, не оглядываясь больше, побрел вслед за выходящими.

Пока стихали возбужденные голоса во дворе, маклер собрал яства с дастархана, связал узелок и протянул его Улугбеку:

— Положи все это в хурджун и отвяжи осла!

С великим трудом поднявшись с места, маклер направился во двор.

Здесь негромко беседовали несколько человек, образовав тесный круг. Заметив, что маклер направляется к ним, Абдулла — хозяин дома, оповестил, видимо, об этом собравшихся, потому что круг разом распался, люди разошлись в разные стороны. Маклер, от которого не

укрылась неприязнь Абдуллы, нарочно последовал за ним: «Ах ты недотепа! Чтоб тебя оплакивали обезьяны! Поглядим, долго ли продержишься после своего героя-отца. Бригадир выискался! Эх, какая досада!» Позавчера, не сообразив что к чему, он по просьбе Абдуллы вышел в поле на прополку. «Ну погоди, ты еще попросишь у меня помощи, ни за что не выйду в поле, хоть убей!»— давал себе клятву Эшим.

— Мулла Абдулла! — просипел маклер, пристально уставившись в запавшие глаза на бледно-желтом лице Абдуллы и стараясь скрыть внутреннее волнение.— Погляди-ка на себя, совсем ведь из сил выбился за эти два дня. Так, чего доброго, и извести себя недолго.

Абдулла опустил голову. Ужасно хотелось отвернуться от этого ненавистного ему человека, но долг хозяина дома обязывал выслушивать и лицемера. С тайным злорадством разглядывая новую расшитую тюбетейку на голове Абдуллы и впервые надетый им по случаю траура новый чапан, маклер заговорил со «скорбным» видом:

— Кстати, мулла Абдулла, сам знаешь: твой покойный отец не простым смертным был. Если в нашем районе было десять героев...— произнося эти слова, маклер умышленно звучно сплюнул насвай. «Плевал я на твоего отца-тихоню, понял?»— мысленно произнес он и продолжил: — ...то среди них он был первым. За хлопотами, конечно же, ты об этом не подумал. А ведь это важнейшее дело, о котором необходимо было подумать в первую очередь. Я считал, что мы сообща все сделаем...

Абдулла, зная хитрую натуру Эшима-маклера, насторожился: к чему же тот клонит?

— Может, кое-кто и думал об этом, но, как видишь, каждый промолчал. Кстати сказать, сам раис — председатель наш — сидел сегодня за твоим дастарханом. Его прямая обязанность была сказать о главном. Сам знаешь, слово должностных лиц — закон! «Сделать то-то и то-то — и баста!» Да, хотел вот о чем тебя спросить — гости-то не из наших мест, а? Что-то я их не припомню...

Абдулла, будучи не в силах разгадать намерений маклера, вначале еле сдерживал себя, чтобы не бросить тому открыто в лицо: «Я что, должен у тебя спрашивать, кого звать?» Но, услышав последние слова, наконец сообразил, что на самом деле мучило этого пройдоху.

— Да, из области приехали,— сказал он вслух, а мысленно подумал с болью: «Живому покоя не давал, вечно грязью обливал, и после смерти все копаешься — дурное выискиваешь».

Эшим-маклер прочел в глазах Абдуллы откровенную ненависть и презрение. Однако Эшима это не обидело, напротив — обрадовало. С тайным ликованием отметил про себя: «Погоди, эти глаза еще не так будут сверкать!»

Смахнув рукавом чапана прилипшие к бороде крупинки насвая, он спокойно, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Поставить памятник Хакиму — долг и обязанность для всех нас, мулла Абдулла!

Абдулла чуть не задохнулся от удивления и негодования. Надо же было уродиться такому человеку! Ну и ну! Стреляный воробей! Ладно бы я своими собственными глазами не читал его грязные анонимки на отца: «Звание Героя за деньги купил...» Сам же виновник всех его несчастий — и надо же так повернуть разговор!..

Абдулла, с большим усилием сдерживая раздражение, как можно спокойнее произнес:

— Спасибо, этим уже занимаются.

Зависть змеей шевельнулась в груди. Эшим улыбнулся, стараясь выйти из затруднительного для него положения. «Ах ты, лиса! Скажи лучше — занялся, а не занимаются, это будет правильнее», — подумал он, а вслух сказал:

— Ну тогда другой разговор. Молодец, хвала тебе — настоящий сын своего отца таким и должен быть!

Неоднократно повторив похвалу в адрес Абдуллы, маклер направился к выходу.

Улугбек давно уже поджидал его, приготовил ослика к дороге. Попрошавшись с хозяином и пожелав ему доброго здоровья, а про себя проклиная его, маклер пыхтя взобрался на осла. Улугбек, передав уздечку деду, устроился сзади.

Как только они выехали на большую дорогу, маклер, полуобернувшись к внуку, с усмешкой произнес:

— Ну, мулла Улугбек, вот теперь поглядим, каково придется этому гордецу Абдулле. Не дотянешься — так себя держит высокомерно. И все из-за Хакима-тихони! — громко рассмеялся маклер, словно разговаривал по душам со своим приятелем.

«Ну и странный же этот дед,— думал мальчик.— В лицо всех хвалит, а за глаза — ругает. Такие слова расточал, сидя в доме Абдуллы-ака, под конец даже прослезился: «Ах, этот преходящий мир! Такой друг, такой хороший человек нас покинул!» А теперь вот ругает хозяина на чем свет стоит. Услышь это Олма-буви — в пух и прах разнесла бы его. Потому что она всегда говорила: «Никогда не ругай человека за глаза, даже перед страхом смерти не будь двуличным!» Дед хоть и взрослый, а как нехорошо поступает...»

— Нужно жить жизнью своего врага, быть внутри его, мулла Улугбек,— словно угадав его мысли, полубернулся к нему маклер, — такова философия жизни!

Улугбека смутило не столько умное слово, сколько суть. «Странно, как же можно быть внутри своего врага? Что это — дом, чтобы войти внутрь? И потом, почему это Абдулла-ака — враг? Враг — это Гитлер! Он начал войну. Убил дедушек моих друзей — Кутлуг-мурада, Назарджана, Хонимоя. Может, враг — сам дед? Он плохой человек, это ясно. Какой мучительной смертью убил кота! А осла, осла? День-деньской пинает его. Э-эх... Знал бы дорогу к маме — точно бы сбежал от него.

Вот только Нозик-буви жаль оставлять — сильно огорчится она, одна останется. Потом плакать будет. Потому что она постоянно повторяет: «С твоим приходом дом наполнился радостью». Эх, быстрее бы родители приехали!..»

* * *

Узнав о приезде Улугбека, соседские ребяташки столпились возле ворот. Вначале они окликали его по имени. Затем кто-то трижды свистнул.

Улугбек, сидевший во дворе и наблюдавший за тем, как Нозик-буви взбивает масло, поглядывал через плечо в сторону ворот, но не отвечал на зов. Стеснялся чужих ребят.

Вдруг створка ворот приоткрылась, и во двор заглянула кудрявая девчонка.

— Эй, мальчик!

Она скрылась так же стремительно, как и появилась. Через секунду с улицы донесся дружный крик ребят: «Улугбек, Улугбек!»

— Иди,— сказала бабушка, ласково хлопнув его по плечу,— тебя зовут, хорошие ребята.

Улугбек, отмахнувшись, спрятался за спиной бабушки.

«Ну, выйду я к ним и что скажу? Смотрите, вот я пришел, да? Раз свистят, наверное, хотят посмеяться над мной — это точно». Нормунни из их кишлака всегда так делает. Стоит только кому-то из ребят приехать в гости к родным — все: заманит на улицу — идем, мол, поиграем, — а потом выставит на посмешище.

— Эй... — в воротах вновь показалась девочка.

— А, Шахноза, это ты? — бабушка отвлеклась от работы. — Позови, милая, своих друзей, пусть сами войдут, а то Улугбекджан стесняется!

Первой во двор вошла девочка. Следом за ней показались трое мальчишек — двое рослых и один коротышка — со странными, из лоскутов, сумками на плечах. Шествие замыкал «боксер» — так мысленно назвал Улугбек самого плотного мальчика. Глядя на то, как они гуськом входят во двор, Улугбек улыбнулся: «Ой, надо же, так растерянно смотрят, будто в чужой сад лезут...»

Бабушка, подстелив атласные курпачи, рассадила ребят на топчане. Потом вынесла из дому касу, наполненную сушеным урюком, и поставила перед ними на дастархан.

Одного из рослых мальчишек, как выяснилось, звали Рустам — рыжеволосый, он, как и Улугбек, закончил первый класс. Второй — Эркин, в этом году перешел в третий. Самый маленький и плотный из ребят — Шакир, по возрасту был старше всех, вот чудеса! Эркин тут же прокомментировал: «Не в росте дело, а в силе».

Шахноза — сестренка Шакира. Когда бабушка спросила, что за странные сумки у них на плечах, Шакир важно ответил:

— Началась операция «зеленая аптека». Мы собираем целебные травы и растения. Ими лечат различные болезни. Так нам сказала учительница Халима-апа.

Оказалось, что Улугбека они тоже звали для этого. Бабушка вначале было запротестовала, неуверенно возразив, что ее внук еще не был в горах. Вот если б не сегодня, а через неделю-другую... Но Улугбек успокоил ее, сказав, что он уже ходил в горы с одноклассниками, и бабушка промолчала.

Улугбек чуточку солгал: ходить-то в горы ходили, но только старшеклассники, ученики младших классов собирали травы в самом кишлаке.

Едва он уговорил бабушку, как в воротах выросла фигура деда... Улугбек поначалу не понял, в чем дело. Не успела скрипнуть калитка, как бабушка быстро кинулась к ребятам, собрала в подол косточки и высыпала их между грядками лука-барашка, посаженного недалеко от топчана. Торопливо свернув скатерть, спрятала ее под курпачу.

Глаза Эркина забегали, словно у воришки, застигнутого врасплох. «Бежим!» — на ходу крикнул он ребятам, миг домчался до ворот и шмыгнул мимо хозяйки на улицу.

Улугбек хотел остановить ребят, успокоить: «Чего вы так испугались, это же мой дедушка!», но их уже и след простыл.

Осталась лишь одна Шахноза, она никак не могла слезть с топчана. Дрожа от страха, девочка ступила на приставную лестницу, ее тут же подхватила Нозик-буви и, опустив на землю, тихонько шепнула на ушко: «Не бойся, милая, иди, тебе он ничего не скажет».

Улугбек от удивления опомниться не мог.

«Вот так да! Деда здесь ребята боятся точно так же, как у нас Саттара-амаки. Его-то понятно почему: стоит только схватить насморк или кашлянуть, как Саттар-амаки тут как тут — руки у него, что ли, чешутся? Схватит самую большую иглу и, как бы вы не трепыхались, не моргнув глазом, всадит ее куда следует. А после еще потирает руки да со смехом приговаривает: «А я-то думал, чего это у меня сегодня руки чесались...» В такие минуты Саттар-амаки становится прямо-таки ненавистным. Ну сами посудите, разве можно радоваться, когда другому больно? У Саттара-амаки есть сын Асрор — ровесник Улугбека. Сколько раз он уговаривал: «Ребята, ну пойдите к нам, я скажу папе, и он не будет никому делать укол». Но и арканом туда никого не затащишь. Странно, почему же ребята так испугались Эшима-бобо? А может, и он раньше был доктором?»

В это время дед, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, подскочил к топчану, а потом стал с остервенением шарить рукой в грядке. Обнаружив злополучные косточки, он отер грязные пальцы о полы чапана и приблизился к бабушке. Та продолжала молча взбивать масло.

— Это что еще за приемы вы здесь устраиваете? — ехидно спросил он.

— Ребята приходили... к Улугбеку... — тихим и очень усталым голосом проговорила бабушка.

Когда Эшим-бобо, обернувшись, глянул на него, Улугбек аж похолодел — выпученные, словно у лягушки, глаза сверлили его насквозь. Не выдержав, мальчик поспешно отвел взгляд.

Дед явно собирался выяснять подробности:

— Что за приятели, мулла Улугбек?

— Станный вы какой... В дом, где есть ребенок, конечно же, придут дети, — не дав Улугбеку проронить и слова, сказала бабушка. — И потом, не чужие ведь, а дети Султана и Норпулата. Халима, их учительница, устроила сбор лечебных трав. А чтобы Улугбек не скучал, они и его зовут с собой.

— Экая умница! — воскликнул дед, тряся чалмой, глаза его засверкали пуще прежнего. — Выходит, корова Халимы будет сено жевать, а у других кизяк — так, что ли? Нашему бычку трава тоже не помешает — и чем больше, тем лучше. Вон, мычит уже от голода!

— Да не такую траву, а целебную, — стала растолковывать Нозик-буви, — а потом уже директур съест ее в аптеку!

— Знаю я, что это за аптека! И директура твоего тоже! Пусть сказку эту он детям рассказывает. Мало того, что он школу доит, теперь решил детей эксплуатировать для своей выгоды?! Ладно, мы с ним еще разберемся.

Видимо, бабушка здорово рассердилась: лоб сильно сморщился, губы нервно задергались. А ведь добрая!

Улугбек испугался. Вдруг сейчас всерьез они разрушаются?! Ой, что это, бабушка плачет? Да, так и есть — вон что-то заблестело в ее запавших безрадостных глазах, скатилось и исчезло в морщинках.

— Бабулечка...

Та поспешно провела рукавом по лицу и через силу улыбнулась. Затем повернулась к деду.

— Хотя бы на старости лет побойтесь бога, — тихо промолвила она и, выгребая масло из маслобойки, продолжила: — у вас и без того грехов предостаточно. Так неужто вам еще Турдыкула не хватало?

Эшим поднял на нее тяжелый взгляд. Громко сопя, он стал наступать на Нозик, готовый испепелить ее взглядом:

— Выходит, я змею на своей груди согрел, да? Поглядите-ка на нее! А можно полюбопытствовать, чего это

ты так печешься за директура Турдыкула? — маклер в сердцах швырнул свой чапан на самую середину двора. Прошелестев в воздухе, он упал, накрыв растянувшегося и разомлевшего под горячими лучами солнца пса. Поджав от испуга хвост и жалобно скуля, пес пустился наутек. Пробегая мимо тандырханы, он задел горшок с маслом, который с грохотом опрокинулся наземь, разбрызгивая во все стороны содержимое.

— У, проклятый! — вне себя от злобы заорал старик и, метнув полный ненависти взгляд сначала на бабушку, а потом на Улугбека, неуклюже проковылял на улицу.

— Улугбек, родимый мой, поди сюда... — глаза бабушки опять наполнились слезами, подбородок задрожал.

Перепуганный насмерть свирепым видом деда, мгновенно вспомнив и про кота, Улугбек подбежал и прильнул к Нозик-буви. «Возьмет и убьет меня с бабушкой», — молнией пронеслось в голове мальчика. Колени его бесильно подкосились, будто ватные...

* * *

Эшим-маклер возлежал на топчане, установленном под виноградником. Он собирался пить чай, но, увидев направляющегося к нему Киема, недовольно поднялся с места. Старые доски топчана жалобно заскрипели под его тяжестью. «Ах ты, тряпка, неблагодарный!» Маклер выплеснул на землю только что налитый в пиалу свежесваренный чай и быстро свернул дастархан. С трудом спустившись с топчана, он торопливо сунул свои латаные-перелатаные ичиги в калоши с разорванными пятками и направился к хлеву. «Небось чилим¹ захотелось выкурить? Или насвай кончился? Обычно к пятнице кончался. А сегодня какой день? Вчера был четверг. Да, и вправду пятница! Выкуришь! Как же! Навоз от моего ишака выкуришь!»

Недавняя история, точно заноза, впиалась в сердце маклера: стоило только вспомнить случившееся, как начинала душить злоба. «Хоть бы слово обо мне сказал, подлец! А растерялся, растерялся-то как! Воистину, выпало плешивому богатство!»

¹ Чилим — курительное приспособление.

Вошедший во двор Киём-аксакал, заявляя о себе, громко кашлянул. Пес, высунув от зноя язык, лежал, растянувшись в тени под забором; заслышав шаги, он вскочил с места, но, увидев знакомую фигуру, тут же успокоился и, заняв прежнее положение, завилял хвостом, приветствуя гостя.

Маклер изо всей силы старался сделать вид, что не замечает гостя. Не повернулся! Нарочито неторопливо стал отвязывать от колышка осла, жующего свой заработанный тяжким трудом корм — с утра уже было сделано пять-шесть ходок с мешками влажной травы. Эшим оседлал его. У бедняги чуть хребет не переломился под неимоверной тяжестью хозяина, и он заревел во всю мочь. Маклер, и без того не знающий, на кого бы излить свою злость, будто того и ждал. Представляя, что это не осел, а Киём, он начал нещадно избивать животное отточенной палкой с тупым гвоздем на конце.

— Непочтительная скотина! Тебе бы только жрать даром! (Намек на Киёма-аксакала был достаточно прозрачным. Этот выпад должен был означать: «Знаешь только как дармовой насвай клянчить!»). Сколько ни делай тебе хорошего — так скотиной и останешься.

— Эй, поосторожней! Осла загубишь, приятель!

Маклер, увидев гримасу боли на худощавом лице подбежавшего к нему Киёма-аксакала, был на верху блаженства. В голове пронеслось: «Такой же осел, как и ты — вот и получает по заслугам».

— Остановись! Ну разве так можно? В чем вина этого бедного животного? — спросил Киём-аксакал.

Эшим-маклер рукавом чапана вытер пот со лба, сморщил нос, трубно высморкался в сторону приятеля и только после этого подчеркнуто раздельно ответил:

— В чем вина, спрашиваешь? Вина — в глупости. Из-за этого бог и создал его ослом: кто бы что ни сказал, он исполняет, потому как своего ума у него не хватает!

Киём-аксакал намека не понял. Откровенно говоря, он и не стремился к этому. Все его внимание теперь поглотила тыквянка. Маклер впопыхах оставил ее поверх подушки, на самом виду. У Киёма-аксакала аж слюнки потекли от предполагаемого удовольствия и он невольно облизнул губы. Эшим-маклер все никак не мог успокоиться, продолжая на чем свет стоит поносить осла. Но краешком глаза он следил за каждым движе-

нием Киема-аксакала — вот-вот, сейчас... Тот мелкими шажками приблизился к топчану. Маклер незаметно последовал за ним. Пока Кием-аксакал, сняв галоши, с трудом взбирался на топчан, Эшим, обойдя с другой стороны, быстренько спрятал тыквянку под курпачу.

Кием-аксакал, подтянув валиковую подушку, облокотился на нее и не глядя, на ошупь провел рукой по поверхности в надежде завладеть тыквянкой. Однако не найдя ничего, в недоумении уставился своими подслеповатыми глазами на подушку. Но тыквянки там действительно не было. Глянул под подушку — и там нет. Старик растерялся. Что за чертовщина! Куда же она могла деться? Ведь только что здесь лежала. А может, Улугбек спрятал? Да нет, его во дворе нет. «Эх, совсем ослепли глаза», — горько посетовал Кием-аксакал.

Вдруг его взгляд остановился на самодовольно ухмыляющемся лице приятеля, облокотившегося на поручень топчана. Гость догадался — это его проделка.

— Когда же ты успел? Я-то сижу, голову ломаю, куда же подевалась тыквянка, только сейчас видел — вот тут лежала... Неужто, думаю, Улугбек-постреленок спрятал или какой злой дух утащил? Смотрю, ищу кругом...

— Долго еще тебе искать придется! — резко оборвал маклер приятеля и, вытянув из-под подушки свой полинялый, выдавший виды сатиновый бельбаг¹, перепоясался и направился в сторону хлева.

Опешив на какой-то миг, Кием-аксакал понял, что остался на сей раз без насвая. Понял также, что никакими уговорами теперь не растрогать маклера. А расположить к себе, разжалобить можно; для этого пужно лишь льстить ему. Киему-аксакалу уже приходилось это делать. Единственное, о чем не мог себя заставить говорить Кием-аксакал — это о военных годах. Старик начинал что-то невнятно мямлить, постоянно терялся, потому что это самая темная сторона в жизни маклера: когда почти все мужчины из их кишлака ушли на войну или отправились строить военные заводы на Урал и в Сибирь, Эшиму каким-то непонятным образом удалось остаться. За глаза каждый по-своему строил догадки на

¹ Бельбаг — поясной платок.

этот счет. Одни говорили, что отец его большую взятку дал, другие — с фронта сбежал. Как объяснял сам Эшим, машина, на которой он ехал на фронт, потерпела аварию. Что правда, а что ложь — никому не известно. Во всяком случае, не сбежал. Иначе бы все равно его поймали и судили за дезертирство. Но как бы там ни было, совершенно здоровый мужчина, ушедший на войну, возвратился через два месяца, слегка прихрамывая на одну ногу. Когда разговор касался этой темы, супруга Киема-аксакала, старая Адолат, начинала сыпать длинными проклятьями: «Чтоб провалиться этому толстяку Эшиму! Чем он занимался в то время, когда все настоящие мужчины были на войне? Работал счетоводом в колхозе и хапал чужое добро, вдовью долю себе прикарманивал! Если восемьдесят процентов заработанного нами мы отсылали в помощь фронту, то оставшиеся двадцать прошли через глотку этого ненасытного дракона! Пусть скажет спасибо — не до того тогда было, а не то за все свои делишки точно бы схлопотал тюрьму. Когда начались проверки, дядя тут же перевел его на другую работу. Хорошо, на наше счастье, морковь да репа уродилась — только благодаря этому и выжили. Будь он неладен!»

Кием-аксакал, будучи человеком простодушным, бесхитростным, верил всем на слово. Верил также и Эшиму. Правильно говорят: «Беда приходит всегда из-за угла». Все может случиться в жизни. И авария тоже могла произойти в действительности. А баба и есть баба — язык-то без костей, вот и болтает всякую всячину. Особенно такая, как его Адолат.

Кием-аксакал, используя неоднократно испытанный прием, произнес шутливым тоном:

— Эшим, дружище, душа из меня вон, дай понюшку своего насвая!

Эшим-маклер, обрадовавшись, что наконец-то нашлась причина и он сейчас расквитается со своим обидчиком, быстро повернул назад. Заговорил неторопливо, явно довольный:

— Известно ли тебе, сколько стоит эта понюшка, а? Вон, Кудрат продает — поди да купи! Деньги-то небось целы, еще не сгорели!

— Запроси хоть сотенную, только не отказывай, дай мне своего насвая!

— Если ты и за предыдущие разы заплатишь, то я

сразу миллионером стану!— Эшим прямо-таки праздновал победу.

— Сам знаешь, Кудрат совсем недавно научился готовить насвай. А твой — что надо, ни с чьим не сравнится!— Кием говорил уже неуверенно.

— Ишь ты, какой бай! У самого ровным счетом ничегошеньки нет, а поди ж ты — выбирает! Не поленись да приготовь сам! Никто за руки не держит!— отрезал маклер.

— Так-то оно так, но для этого знание да умение необходимы. У меня, сам знаешь, таких способностей, как у тебя, нет,— сделал Кием последнюю попытку.

— Так и помрешь со своей глупостью,— Эшим-маклер, наслаждаясь тем, что как следует проучил аксакала, горделиво выпятил грудь и уже собрался было подняться на топчан, но старая Нозик испортила все дело.

— Нурмамат!— окликнула она мужа по имени старшего сына.¹— О, Нурмамат! Я чай заварила, принести?

Лицо маклера мгновенно преобразилось: лоб наморщился, глаза сощурились и снова стали невидимыми. Уже ступив одной ногой на вторую ступеньку, он резко и со злостью обернулся:

— Кто тебя просил об этом?! Или, кроме чаепития, у меня других дел нет? Вон слышишь, бычок от голода не перестает мычать! Сейчас только Улугбека послал, чтоб хоть напоил, утихомирил немного. Видела же, что с утра я уже пять раз съездил на осле за травой, но корма все равно не хватит.

— Откуда же мне это знать? Вижу, приятель ваш пришел, вот я и подумала, не попьете ли с ним чаю,— уже вполголоса произнесла привыкшая ко всему Нозик и снова скрылась из виду.

— Ну и что с того, что приятель? Чего-чего, а приятелей у меня хватает. Если со всеми сидеть да чай распивать, целый день уйдет и для работы времени не останется. Что я, такой же бездельник, как некоторые другие, что ли?

У Киема-аксакала чуть не сорвалось с языка: «Да кроме меня к тебе ведь никто и не заглядывает!»,— но он вовремя остановился. А ведь и правда: он еще ни разу не слышал, чтобы кто-то из кишлачных стариков

¹ По узбекским обычаям жена может обращаться к мужу, называя его именем старшего сына.

когда-либо рассказывал, что пил в доме маклера чай. И чего Эшим так распетушился?!

Кием-аскакал понял, что все надежды получить насвай рухнули. Нехотя поднялся. Высиживать теперь все равно нечего. Уговорить сейчас маклера — все равно что иглой колодец копать.

Эшим-маклер ликовал в душе, наблюдая за аксакалом, все еще копошащимся на сури: «Так тебе и надо, теперь научишься учтивости и уважению!»

Сам он, собравшийся было снова расположиться на отдых, раздумал и повернул к хлеву. Испугался, что Кием-аксакал в любой момент может повернуть назад. «Ишь ты, оборачивается! Такому ничего не стоит повернуть с полпути. Нет уж, я лучше еще один мешок травы привезу — все больше пользы», — решил маклер и, отвязав осла, кликнул Улугбека. Со стороны сада слышался перезвон ведер, вслед за этим донесся мальчишеский голосок: «Иду».

Нозик с неожиданной для ее возраста прытью выскочила из дома:

— Нурмамат! Улугбек ведь еще не завтракал.

Маклер бросил хмурый взгляд в ее сторону:

— Надо же такое выдумать — завтрак! Сунь в руки кусочек хлеба — вот и весь завтрак!

— Такого малыша заставляете работать как взрослого, — чуть не плача, проговорила старая Нозик, — так ведь и надорваться можно. Заболеет — что родителям скажу?

— Я что — даром обязан кормить их ребенка? Сами небось в степь за длинным рублем поехали!

— Не бойтесь, не оставят они его. Вот только начнутся занятия — и его сразу же заберут. И не ради денег поехали они — им и здесь неплохо жилось! Степь осваивать, целину поднимать. Нуркабул из нашего кишлака тоже туда подался.

— Знаем мы, что они там осваивают! Им не ребенок, а награды, ордена нужны! — продолжал ораторствовать Эшим.

— Я здесь, дедушка! — прервал их спор подошедший Улугбек.

— Садись-ка быстро на осла, сделаем еще одну ходку!

Маклер с несвойственной ему легкостью вскочил на осла и посадил Улугбека. От непомерной тяжести спи-

на бедняги-осла прогнулась, ноги подкосились, но страх перед палкой с острием на конце был сильнее, и он покорно пошел вперед. На протяжении почти всего пути осел громко ревел, по-своему «браня» обидчика. Ему ужасно захотелось сбросить с себя этого грубого, отвратительного толстяка — тяжелого, словно мешок, набитый доверху камнями. Сбросить прямо в пыль! Но потом, видимо, вспомнил, что раньше попытки сбросить хозяина ничем хорошим не кончались — напротив, от злости он чуть ли не до смерти колотил животное дубиной. Если бы не добрая старуха, которая вовремя отвязывала безвинное существо, не бывать бы ему сейчас в живых.

— Ассалом алейкум, Эшим-буви. Ой-ой-ой, чтоб не сглазить! Над вашей головой не то что прутик — бревно стоит разломать. Неужто на подмогу прибыли?! Да еще внука с собой прихватили! — высокий женский голос раздавался рядом с ними.

Получив крепкий тычок в бок, ослик понял, что надо остановиться, и замер певдалеке от очень смуглой и худощавой женщины, которая, бросив охапку травы в общую большую кучу, подбоченясь, с иронической улыбкой поглядывала на старика.

В последние годы маклер чувствовал, что зрение у него стало ухудшаться. Сегодня он точно убедился в этом. Находясь на расстоянии пяти-десяти шагов от заговорившей с ним женщины, он не мог признать ее. Оказалось, что это была невестка Малика — Сора, которую Эшим вообще недолюбливал. Всюду сует свой нос: свадьба, похороны — вперед всякого мужчины встрянет. Вечно командует: «Ты делай то, а ты — это!» Азимбека, ее мужа, не отличишь от скотины. «Такой уж человек моя жена», — только и скажет, растянув рот до ушей. А эта кошка про всякий стыд забыла! Разве пристало женщине садиться за трактор, бегать по собраниям и всяким там правлениям? Прикрывается разными совещаниями, а сама чем только не занимается. Иначе разве избрали бы ее депутатом по району? Не с простыми смертными дружбу водит. «Жующий рот да молчит», — гласит пословица. Стало быть, и раис, и бригадир Абдулла вынуждены держать свои языки за зубами!

Маклер, с неприязнью глянув на женщину, промолвил:

— Душенька, мы уже отработали в свое время. Те-

перь очередь за такими, как ты,— сильными да выносливыми!

Мысленно бранясь изо всех сил и отводя тем душу, Эшим-маклер тронул ослика. Однако ему было очень жаль оставлять эти богатые травой места. Проехав примерно шагов десять, он решил подождать, пока Сора удалится на своем тракторе, и тогда набить мешок. Перейдя на противоположную сторону дороги, маклер потянул осла за уздечку и ссадил Улугбека на землю.

— Притворись, что ты пьешь воду из арыка!

Улугбек, обрадовавшись, побежал к арыку: «Ура, стрекоз буду ловить!»

Сора, словно угадав эту хитрость, тоже стала вонзиться около трактора.

Солнце сильно припекало голову маклера — в глазах вдруг потемнело. От злости он не мог найти себе места: «Пропадите вы все пропадом! Откуда на мою голову свалился этот Кием!»

— Улуг, а ну, садись на ишака. Она, видать, еще не скоро уедет на своем проклятом тракторе.

Улугбек, так и не успев поймать ни одной стрекозы, со вздохом взобрался на осла. Дед только открыл рот для новой ругани, как вдруг заметил чью-то длинную фигуру, направляющуюся в их сторону.

— Ассалом алейкум, Эшим-бува! Куда путь держите?

Маклер весь передернулся от этого голоса: муж этой вертихвостки!.. Не муж — тряпка, курица мокрая! Взгляд маклера упал на маленький узелок, который тот бережно нес в руках. Обрадовавшись возможности поиздеваться, Эшим воспрял духом.

— Ваалейкум ассалом! Ваалейкум ассалом! — он дважды с умыслом повторил ответное приветствие и, козырьком ладони прикрыв глаза от солнца, с улыбкой приблизился к Азимбеку. Ноздри его раздулись, малюсенькие прищуренные глазенки ехидно засверкали:

— А вы куда путь держите, если не секрет? Ах, да! Своей хозяйшкe обед несете, не так ли? Хи-хи-хи! — маклер с особым удовольствием сделал ударение на слове «хозяйшка».

Смуглое лицо Азимбека вмиг зарделось; попеременно поглядывая на узелок в руке и в сторону жены, боронившей землю, он стал оправдываться:

— Собралась прийти домой на обед, да, видно, так

заработалась, что и забыла про него. Гляжу, мать сама собирается нести ей еду прямо в поле. Девочки из школы еще не вернулись. «Не утруждайте себя,— сказал я ей,— сам отнесу, мне по пути. Около кладбища, что у палван-арыка, работаю...».

— Какое там забыла, голубчик мой,— резко перебил его маклер,— твоя жена — да чтобы про обед забыла? Наверняка уж забежала кой-куда, перекусила. Приходил недавно раис, говорил: «Пора и о животе подумать»... Так что не беспокойся и не носись с узелками, а будь мужчиной. Твоя жена своего не упустит, сама выбирает, что ей покушать, а главное, с кем...

Ехидная физиономия маклера, его уничтожающие слова сравнивали Азимбека с землей. Он растерялся, не зная, идти ли ему вперед или же повернуть назад.

Улугбек, не все понявший, тем не менее проникся к Азимбеку жалостью.

А маклер на радостях, что наконец-то отвел душу, кольнул палкой осла и, глядя на свою тень, попытался определить время.

— За полдень перевалило,— заключил он и, повернувшись к внуку, заявил, словно сообщнику:— Самое время!

Он дернул осла за поводок, и они двинулись по направлению к саду старой Эрки-кампыр. Обычно в это время она, собрав возле себя трех-четырёх таких же, как сама, дряхлых подружек, начинала судачить. По этой причине Эрку-кампыр в кишлаке открыто звали «Последнее известие». Она несколько на это не обижалась, напротив — испытывала гордость. В то, чего не знает Эрка-кампыр, даже если эта история и подлинная, никто не верил, во всяком случае, относился с сомнением. Считалось, что она знает все — в чьей семье что происходит, кто поругался с мужем, к чьей дочери и откуда пришли сваты, кто кого любит — обо всем Эрка-кампыр узнавала как бы между прочим, мимоходом. Люди просто диву давались, откуда у нее берутся такие подробные сведения: кто и за какую взятку устроил своего ребенка в институт, кто из продавцов кому что продал, кто друзья-приятели председателя, на кого он опирается, сколько припрятано денег в доме у кассира, который вот уже десять лет как ходит в одной и той же одежке; о шифере, выделенном инвалидам войны и пушенном «налево»; кому раис на

этот раз доски подбросит. Некоторые строили догадки, что в роду Эрки-кампыр, видимо, кто-то занимался ворожкой. Слыша это, старушка усмехалась. Потому что все, о чем она знала, и близкого отношения к ворожке не имело. Все сведения она получала от самих же людей. Молчать в наше время умеют немногие. А уж додумать самой, что скрывается за полунамеком, неясным слушком, для старухи, прожившей в одном кишлаке всю жизнь, труда не составляло.

Однажды после ее стычки с райсом все решили, что теперь старушке недобровать. Недаром в народе говорят: «Если надосло мышке жить, она с кошкой игру затевает». Однако вышло все наоборот.

Райс, шествующий по направлению к строящемуся детсаду (своими глазами хотел убедиться, как продвигается дело), увидев старушек, повернул в их сторону.

Приблизившись к старушкам, райс вежливо поздоровался с ними; те, сидя на овчине в тени старой яблони, стегали одеяла, готовясь к свадьбе внука Хакима-аксакала.

— А, Лукманджан! Неужто и мы дождались, наконец, шифера и досок?— задала вопрос Эрка-кампыр.

Резкий тон, открытый выпад в его адрес неприятно поразили райса. Хотя ему были известны властный характер и прямолинейность Эрки-кампыр, однако он не думал и не ожидал, что она позволит себе подобное в отношении к нему. На какой-то миг он опешил. Идти наперекор этой старушке было опасно — все равно что расшевелить осиное гнездо. Будет спокойнее промолчать. И потом, к чему пустословие? Оставив при себе все, что он намеревался высказать Эрке-кампыр, райс лишь отпарировал:

— Зачем вам сейчас шифер, тетушка Эркатош¹, с вас достаточно и четверти кубометра досок!..

Уловив злой намек райса, Эрка-кампыр не спасовала. Зорко оглядев его с головы до ног, она с насмешкой произнесла:

— Жизнь — странная штука, Лукманджан! Она не смотрит на возраст — стар ты или молод... Человек деять подобных тебе хвастунов своими руками обмыла,

¹ Тош — камень; булыга (в смысле — железный характер).

голубчик. Поэтому трудно что-либо предугадать наперед. Может статься, что четверть кубометра досок тебе самому и пригодится, милоч!

От их словесной перестрелки у старушек дух захватило. Ханифа-кампыр попыталась направить разговор в другое русло. Однако на нахохлившуюся, словно на седка, упрямую Эрку-кампыр не то что слова, даже толчок в бок не подействовали — она гнула свою линию.

Конец дуэли положил сам раис, иначе неизвестно еще, чем бы все это кончилось.

Во всяком случае, он решил дальше не связываться. Дружелюбно похлопав Эрку-кампыр по плечу, поднялся с места:

— Молодчина, тетушка Эркатош, сдаюсь! Одиноль в вашу пользу! С вашей шутливой натурой жить вам сто лет!

— Будем уповать на небо, голубчик, — довольная, Эрка-кампыр окинула победным взглядом своих подруг.

После этого случая вера в Эрку-кампыр еще более укрепилась. Ценность ее сведений, по сравнению с теле- и радионовостями, с уверенностью можно сказать, выросла. Те люди, которые раньше старались обходить ее стороной, а если и заговаривали, и то по большой нужде, стали теперь ее ревностными защитниками и частыми собеседниками.

...Еще издали увидев Эшима-маклера, старушки сморщили носы.

— При виде его мне так и мерещится ангел смерти, — Ханифа-кампыр до самого запястья опустила закатанный выше локтя рукав.

— Постарел, а глаза так и бегают! Смотрю, как этот старый черт на молоденьких девушек глаза пялит, прямо сквозь землю провалиться готова! — в свою очередь высказалась Саломат-кампыр.

— Это еще что! А как он с бедняжкой Турсуном поступил?! — воскликнула Ханифа-кампыр.

— Ой, неужели? — недоуменно спросила Робия-кампыр: она совсем забыла, кто такой Турсун.

— Ей-ей, своими глазами видела! — Ханифа-кампыр поспешно накрыла марлей пшеницу, которую перебирала, бормотнув: «Чтоб глаз этого мерзавца не попал.

А не то сумалак¹ испоганит». — О аллах, как вспомню, так до сих пор дрожь по телу проходит. Кажется, в то время маклер работал сторожем магазина, точно уж не помню. В общем, день был дома, день на работе. Ужас какой жадный! Тогда как раз гранаты созрели. Вы когда-нибудь слышали, чтобы гранаты на деревьях поштучно считали? А он считал! То ли десять, то ли пятнадцать гранатовых деревьев у него было — все плоды до единого знал наперечет!

— О боже!

— Да! В тот день, когда он снова их пересчитал, не помню точно, кажется, пяти гранатов не досчитался. Сначала избил бедняжку Нозик. Та плачет: «На что мне гранаты, отец? Провалиться мне на месте, если я хоть зернышко съела! Турсунджан, может, и съел! Ну и что за беда!» Если бы она знала, чем это кончится — хоть убей ни за что не сказала бы! Из всех родившихся у нее детей только Турсун один и выжил. Но, видно, от смерти не уйдешь, и надо же было Турсуну явиться именно в это время! Маклер подозвал его к себе. Бедная Нозик распласталась на земле, кричит-умоляет: «Турсунджан, беги, сынок! Не подходи к нему!» А несчастный ребенок перепугался да от страха наоборот пошел навстречу этому извергу. Боже мой! Ну что бы ему не убежать, а?! Как вспомню, так все еще сердце сжимается! Очень сильно избил он сына! После этого мальчик заболел. А через месяц умер в больнице. Как Нозик убивалась...

— Разве Нозик пара этой свинье? Да я бы не то это день — часу бы с таким не жила!

— Что поделаешь, судьба! Говорят же: «От судьбы не уйдешь!»

— Гори синим пламенем такая судьба!

— Тс-с, тихо, идет! Слух у каналы острый.

Старушки склонили головы над работой.

— Ассалом алейкум, уважаемые!

— Ваалейкум ассалом!

— Чтоб ты провалился со своим «ассалом!» — едва слышно произнесла Ханифа-кампыр.

— Это что за хашар? Ах, вот оно что, сумалак со-

¹ Сумалак — кашеобразная пища из пшеничного солода и муки.

бираетесь варить,—увидев рассыпанные зерна пшеницы, маклер подкрутил усы и аппетитно облизнулся.— Значит, скоро угощаться-наслаждаться будем!

«На том свете будешь наслаждаться, нечестивец, людоед проклятый!»— послала про себя очередное проклятие Ханифа-кампыр на голову Эшима-маклера.

Эрка-кампыр, сдвинув у переносицы брови, вопросительно глянула в лицо подошедшего. Он сразу же ощутил явную неприязнь старушек.

«Ах вы, чурки сухие,— с яростью подумал он,— еще морщатся! Ладно бы одной — двумя ногами уже в могиле стоят, а все туда же, важничают — куда там!»

Зажав между коленями поводок и палку, которой он погонял осла, маклер достал из-за пояса тыквянку и, насыпав на ладонь понюшку насвая, закинул под язык. Отерев руку о чапан, вновь попытался завести разговор:

— Какие есть новости, товарищ «Последнее известие?» Или мне самому свеженькое выложить, а?

Старушки удивленно переглянулись между собой. Эрка-кампыр наострила уши, сдвинутые брови расправились:

— Ну, что там случилось, Эшим? Петух яйцо снес или вырос хвост у верблюда?..

Будучи с ним ровесницей, Эрка-кампыр обращалась к Эшиму на «ты».

Маклер довольно захихикал.

«Чтоб ты смеялся на своих похоронах»,— подумала про себя Ханифа-кампыр.

— В наш век всякое может случиться,— почесав колена, маклер намерился было слезть с осла, но, увидев все еще хмурые лица старушек, не решился, только ссадил на землю Улугбека.

— Поди, поздоровайся с бабушками.

Улугбек обошел по порядку старушек, склоняясь и подставляя каждой свое плечо. Те разглядывали его с нескрываемым любопытством. От внимательного взгляда маклера не скрылось удивление, написанное на их лицах.

— Внук,— пытаюсь изобразить гордость, пояснил он,— сын Едгоры. Единственного ребенка оставили у нас, а сами поехали в степь!

После этих слов он наконец слез с осла, вручив Улугбеку поводок.

— Иди, попаси его в сторонке,— велел он мальчику

и обернулся к старушкам.— Ну, слушайте. Поехал я на «зеленое поле», ну то, в десять гектаров. Смотрю, под тутовым деревом стоит «виллис». «Будет невежливо с моей стороны не поздороваться с председателем»,— подумал я и, передав Улугбеку поводок, направился в ту сторону. Только сделал пять-шесть шагов — как вдруг дверца машины распахивается, из машины, словно птица, выпархивает женщина и бежит в сторону палванарыка. Ну, каково?

— Ой, надо же! Подумать только!— воскликнула Саломат-кампыр.

Маклер, почувствовав, что слова его попали в цель, присел на корточки под алычовым деревом и не без удовольствия продолжил:

— Не успел я и глазом моргнуть, как машина куда-то исчезла — как сквозь землю провалилась! Тут уж не до травы: повернул было назад, а навстречу мне из тутового сада Азамата-аксакала Азимбек идет — до того взволнованный, что даже поздороваться забыл. Спрашиваю, что приключилось, а в ответ слышу: «Хуже нет, когда женщина у власти!», и мигом скрылся в той стороне. Я так ничего и не понял!..

— Это значит, что бог наказал Азимбека,— Рабия-кампыр, покачивая головой, глянула на Эрку.

Эрка-кампыр никогда не высказывала своего мнения, пока не убеждалась в полной обоснованности услышанного. По этой же причине она стала задавать маклеру наводящие вопросы:

— Какого роста женщина?

— Высокого.

— Худая, полная?

— Худая.

— Какое платье на ней?

— Кто же его знает, какое, выскочила так быстро — и с глаз долой!

— На «зеленом поле» был трактор?

— Трактор?— маклер, будто задумавшись, схватил бороду в кулак.— Точно, был, стоял поблизости от тутовника.

— Какой трактор? С бороной?

— С бороной.

— У дверцы флажок был?

— Да.

Эрка-кампыр гневно сверкнула на него глазами, бро-

ви ее возмущенно взлетели вверх. Не дослушав Эшима, она повернулась к старушкам и закачала головой:

— Пропади все пропадом, так и есть — трактор Соры...

— Неужели?! Может, это не Сора? — с дрожью в голосах зашептали старушки.

Мехри-кампыр, из-за гнусавости никогда не участвовавшая в разговоре, тоже что-то бормотала недоуменно.

Эрка-кампыр немного помолчала, затем горестно заключила: «Эх, что поделаешь, оступилась!» Мнение, высказанное вслух, свидетельствовало о том, что Эрка-кампыр поверила в услышанное.

Никаких других доводов уже не понадобится. Добившись своего, обрадованный маклер позвал Улугбека, и они продолжили свой путь.

Когда они немного отъехали, до их слуха донесся шум голосов — старушки галдели наперебой, точно осы в развороченном гнезде. Ну, теперь им на целый день хватит разговоров.

Улугбек слышал все. Его очень удивили и напугали лживые слова деда. Однажды Олма-буви сказала ему: «Тот, кто солжет, тут же на месте лопнет и умрет». Что если вдруг дед сейчас, по пути домой, разорвется на части.

У маклера же словно гора с плеч свалилась. Он удовлетворенно ухмылялся. Протянув обе руки назад, похлопав по спине Улугбека, даже спросил: «Как устроился?» Затем, насыпав на ладонь насвая, заложил его под язык. Табак был, очевидно, чересчур крепким, так как голова его тут же сильно закружилась, руки-ноги ослабли. А потом блаженный покой разлился по всему телу. Опустив поводок, он закрыл глаза, полностью доверившись воле осла. Он вспомнил о старушках: сердце распирало от радости.

«Сегодня же все и начнется, — думал Эшим. — Эти старые сороки на весь кишлак растрезвонят. А более смелые прямо скажут: «Муж Соры застучал ее с другим». Пока разберутся что к чему — неделя пройдет. А за это время людская молва из мухи слона сделает. Потом развернется самое главное: в пух и прах расчехвостит ее муженек! Во-первых, уже сейчас, наверное, задает ей жару. И если он настоящий мужчина, непременно даст ей развод и с позором выгонит из

своего дома. Так и скажет: «Бери свои шмотки и умайвай отсюда!» А развестись с мужем — все равно что умереть. Вот тогда-то она и схватится за голову, по судам и разным инстанциям забегает!.. Было бы неплохо послать и письмецо куда следует с таким, примерно, содержанием: «Как может такая безнравственная женщина быть депутатом сельсовета?» ...Фу ты, черт поберн, запутался: сельсовета или района? Надо будет при случае выяснить это у Шоды-муаллима¹. Таких языкатых, как эта Сора, только так и следует учить. Вот тогда поглядим, как она будет важничать да подбочиваться! Черта с два! Хашимкул тоже важничал. Как он на свадьбе кричал во всю глотку: «Я выведу тебя на чистую воду, интриган, спекулянт проклятый, подлец кровожадный! Нет человека, которого бы ты не смешал с грязью».

Осел трубно заревел, прервав воспоминания маклера. Позади них, рассекая воздух, раздался ответный рев. Маклер повернулся — кто-то ехал следом за ними на длинноухом.

— Заткнись, проклятый! — маклер в сердцах вонзил острие палки в круп осла. От острой боли у бедняги искры посыпались из глаз. Брыкнув задними копытами, он резко подскочил и бросился в лужу посреди дороги. Не упрись маклер ногами в стремя и не прижмись крепко к шее осла, они с Улугбеком ничком упали бы в грязь. Эшим от злости изо всей силы ударил осла палкой.

— Э, приятель, потише, а не то убьешь бедную скотину!

Услышав голос Салима-кусы, маклер обозлился вдвойне. «Тоже мне, «приятель» нашелся! Я и рядом-то с тобой, куса, никогда не сидел!» — подумал он про себя.

— Далеко путь держишь, приятель?

Салим-куса с худыми плечами и вытянутой длинной гусиной шеей осадил своего осла и, свернув на обочину, остановился. Слегка прихлопывая себя по колену ивовым прутиком с шелковым шнурком на конце и прищурив и без того узенькие глазки, тут же, не дожидаясь ответа, сказал:

¹ М у а л л и м — учитель.

— Если на кладбище, то поворачивайте назад. Люди давно уже разошлись.

Маклер собирался было проехать мимо Салима-кусы, которого он и за человека-то не считал. Но услышав последние слова, поспешно натянул поводок и остолбенело уставился на него. Его бросило в жар: «Интересно, по какому такому случаю люди собрались на кладбище?»

— Что случилось? Зачем вышли на кладбище?— нетерпеливо обратился маклер к Салиму-кусе, с трудом скрывая свое любопытство.

Салим-куса с явным недоверием посмотрел на маклера: уму непостижимо, чтобы этот вездесущий человек так оторвался от жизни! Не насмехается ли? Но не заметив ничего подозрительного в его поведении, Салим стал рассказывать:

— Утром Абдулла оповестил всех стариков, что завтра на могиле его отца будет воздвигнут памятник. Сегодня расчистили и подготовили место. Старший сын покойного Сагдуллы вместе с братом — районным доктором — привезли мраморную плиту. Сам Абдулла привез кирпичи и цемент. Всей бригадой до обеда очистили территорию кладбища. А ведь все мы когда-нибудь — каждый в свое время — будем лежать там! Ну, теперь там настоящий цветник!..

Дальнейших слов Салима-кусы маклер не слышал. Не попрощавшись, он ткнул осла и двинулся дальше. Мальчик молчал.

— Видал, Улугбек,— обернулся маклер к внуку.— Этот проклятый Абдулла нарочно не передал мне приглашение. Утром-то я был дома. А за травой мы ближе к полудню уехали! Потом, если бы и передал в мое отсутствие, бабушка твоя сразу сказала бы мне. У, проклятый!

Доехав до кладбища, он привязал осла к тутовнику, росшему на обочине дороги, и велел Улугбеку сидеть и ждать его возвращения.

Маклер шел по узенькой тропинке, очищенной от лебеды и бурьяна. Земля вокруг могил была окучена, очищена от сорняков. Кое-где на могилах адели полураскрытые бутоны мака-самосейки. Не было вокруг ни сухих листьев, ни сучков, ни привычного раньше мусора. По мере того, как Эшим-маклер поднимался на склон, его все больше и больше обуревал неизведанный доселе

страх. Неужели он будет похоронен здесь и станет пищей для червей?

Эшим будто наяву ощутил на своем теле мерзкое копошение скользких холодных червей, и ему стало дурно. Боже, кажется, только вчера родился он на свет. А смерть не так уж и далека... О горе! Не успеешь и глаза открыть — как помирать приходится! Проклятье! Лучше не думать об этом. Он проживет еще долго. Пускай умирают те, кто постарше его, и больные! Он-то еще совсем здоров, никогда не жаловался на сердце. Самое главное — желудок в порядке.

Пройдя половину пути, он запыхался. Однако не остановился. Он всегда, дойдя до этого места, выдыхается. Ему кажется, что вот-вот под его ногами разверзнется земля и поглотит его, заберет в свои недра. Тогда он невольно ускоряет свой шаг и старается не глядеть в правую сторону, потому что там лежат его дети. Двое из них умерли в младенческом возрасте. Третья могила — Турсунбая. Даже присутствуя здесь на чьих-нибудь похоронах, он никогда не сворачивает в ту сторону. Потому что всякий раз, когда он и осмеливается сделать это, ему мерещится, будто Турсунбай, крепко вцепившись в его горло, тянет к себе и кричит: «Отец!»

Маклер уже решил вернуться назад, но вспомнив, что дух умершего завораживает и призывает к себе, решил разжалобить даже мертвого: «Лежи спокойно, Турсун. Позволь мне пожить еще. Ну, что я видел в своей жизни? Если ты очень скучаешь, так позови лучше свою мать, все равно больная она...» И он прибавил шагу. Чтобы хоть как-то рассеять свои черные мысли, маклер вынул из внутреннего кармана загрязненного старого чапана тыквянку с насваем. Ну, Исмат, ну, пакостник! Ладно бы сам только пострадал, а то и его прошлогоднего насвая лишил. Тысячи, которые сами шли ему в руки, на ветер улетели! Суждено было, что ли, этому проклятому и себе, и людям жизнь портить — в самые последние дни созревания табака прицепился как репей! Недельку хотя бы подождал, а там бы черт с ним! С горечью вспомнив о своей утрате, Эшим закинул в рот насвай и замер в ожидании привычного наслаждения. Преследующий его страх исчез, голова слегка закружилась, по всему телу разлилось блаженное тепло. Он почувствовал себя легко и свободно.

Могилку Хакима подготовили основательно. Выме-

ря шагами цементную кладку, маклер на глаз определил: три метра в длину и три в ширину. У изголовья возвышалась стена из черного мрамора с золотыми буквами — вон как сверкают!

Протерев слабеющие глаза, маклер наклонился и попытался прочесть ту надпись. В глазах зарябило, буквы запрыгали. Посапывая, он присел на корточки. Пальцами водя по буквам, прочел по слогам: «У-ва-жа-е-мый и до-сто-почтен-ный о-тец, Ге-рой Со-ци-а-ли-сти-че-ско-го Тру-да...»

Внутри у маклера что-то оборвалось. Щемяще заняло сердце. «Чтоб ты перевернулся в своем гробу, Хаким! Видно, и теперь не будет мне покоя. Надо было все же прибить тебя тогда на даче у Кабулбека, ох бы, надо! Ведь вокруг не было ни души, ты бы и сам не знал, кто виновник твоей смерти... Сделай я тогда этот шаг, не пришлось бы теперь мучиться даже после твоей смерти! Почет не тебе, а мне бы достался! Удача сама шла в руки, а я, глупец, упустил ее...».

В памяти всплыл тот давний разговор.

«...— Хаким, дружище, возьми и ознакомься с этими документами, а после окажи мне помощь.

— Откуда у тебя эти бумаги?

— Нашел...

— Ложь! Ты прекрасно знаешь, как опасно было бы пользоваться ими. Если хозяин жив, он в любой момент отыщется!

— Хозяина нет в живых. Умер. Из госпиталя возвращался. По дороге ему стало плохо, и тогда он попросил меня: «Возьми мои документы и вручи домашним...» Хаким, дружок, ну, посуди сам: на что теперь им эти документы — и без них ведь пособие дадут. А мне они во как пригодятся!

— Эшим, я и не знал, что ты настолько совесть потерял...

— Хаким, голубчик, жизнь моя теперь в твоих руках!

— Нет, Эшим, я не могу поручиться за твою фальшивую жизнь! Не хочу оскорблять память погибших, да и перед потомками совесть свою мучить.

— Хаким...

— Нет! Хоть убей, не поручусь!..»

Воспоминания разбередили душу. Эшим сам не замечал, что говорит вслух — злобно, с издевкой:

— До конца своей жизни буду помнить твои слова, век не забуду! «Не хочу перед потомками совесть свою мучить!»—смотри какой правдивый! Никому бы и в голову не пришло спрашивать, где Эшим служил. Если б даже и спросили — документы на руках! А тебе лишь бы назло! Не хотел, видишь ли, чтобы я в одном кругу с тобой находился, с одного дастархана чай пил. Ну и черт с тобой! А я жил не хуже некоторых. Когда люди в кишлаке ели от голода жмых, у меня не переводился хлеб, так-то! Когда ты над куском трясея, я деньги пачками пересчитывал. Не радуйся, что почет и уважение тебе достались! Вот умер ты, тлеешь уже, а я стою на твоей могиле и землю топчу, тебя проклинаю. Захочу — лучше твоего памятник себе поставлю. На те деньги, что есть у меня, не то что один — десять памятников поставить можно. Вот увидишь, назло тебе поставлю! Иначе я не я буду, и имя мое не Эшим!

Вдруг неожиданная мысль, как молния, пронзила сознание. Маклер, оторопело вращая выпученными, как у барана, глазами, резко выпрямился. Его неуклюжечное туловище всколыхнулось, и он еле удержался на ногах — еще бы чуть-чуть и клюнул носом в землю. Деньги!..

А кому же он после смерти оставит деньги, которые собирал с таким трудом, сам не ел лишнего, не пил? Но-зик? Ни за что! У нее рука слишком открытая — тут же понесет их своей «сиротке»! Да и не доживет она до того — больная очень, помрет раньше него. Или младшему брату Ташмамату, которого вот уже двадцать лет как не видел? Этому подлому рабу своей жены, который писколько не дорожит собой и своим мужским достоинством? Да хоть воскресни сейчас отец и прикажи ему такое — копейки не даст! До самой смерти не забудет, как тот опозорил его перед людьми в день похорон Турсуна. Плакал навзрыд, причитая на всю махаллю, и кричал: «Из чего только создал тебя аллах, скажи? Откуда у тебя столько злости, жестокости?! Горел бы огнем твой двор, в котором не было приволья единственному сыну, и твой сад, где вырос этот злосчастный гранатовый куст!»

А что, разве лучше жить, как он, Ташмамат, отдать всего себя детям, а под конец заболеть? Вон на старости лет бедолага лишился одной почки и совсем вышел из строя. Ну и какой прок от детей? Из десяти ни один

его от смерти не спасет. Хоть и жил он в достатке, ни в чем не нуждался, а здоровья-то нет. Что ни день, то хуже и хуже. Ни на свадьбы не может пойти, ни на похороны.

Сколько раз после того случая он людей подсылал ко мне для примирения, раскаявшись, видно, в своем поступке. Только я себе цену знаю. Надеялся брат, что хоть на свадьбу я приду, приглашение прислал, а я не пошел. Передал плов — мол, «доля брата», а я все собаке скормил. «Побойтесь аллаха», — со слезами кидалась тогда Нозик. Но я и близко никого не подпустил, пока весь плов собака не съела!

Младший брат... Ах, как он постоянно своими детьми гордился, выставляя всем напоказ! Но он, Эшим, быстро сбил с него спесь. Послал на имя руководителя института, в котором работал один из племянников, анонимку, в которой говорилось, что якобы он за взятку устроил в институт сына Киема-аксакала и внука Хакима-героя из их кишлака. Написал просто так, наугад, уповая на небеса. Правда ли, что тот брал деньги или нет, но только через полгода действительно уволили с работы. Постеснявшись, видно, вернуться в свой кишлак, он прикрылся тем, что собирается что-то там защищать, уехал в Москву или в другой какой город, одним словом, куда-то в ту сторону, в холодные края. Ташмамат, как угорелый, бегал то в райком, то в обком, а под конец слег.

Из четырех дочерей его ни одной путной не выросло — все сами себе женихов подыскали, слуханное ли дело? Не имея другого выхода, Ташмамат, конечно же, был вынужден играть свадьбу за свадьбой, чтоб только перед людьми в грязь лицом не пасть. Он-то думает, что никто об этом не догадывается, а народ смеется, сватов ведь в их дом никто не засылал — так и сидели б до сих пор, женихов дожидаясь, как дочь Абдурасула.

Вот еще один болван! Правильно говорят: «Нельзя ослу прибавлять в весе, иначе он даже своего хозяина перестанет признавать». Точно так и Абдурасул: доверили ему клеверное поле охранять — тут-то он и показал себя. Эшим думал спокойно запастись травкой для скотины, явился косить. Полный мешок уже было набил. А этот чокнутый Абдурасул заметил, подбежал и стал отбирать, тянуть мешок к себе, да притом еще

приговаривать: «Это тебе не тетушкино наследство, дружище, а клевер — колхозное добро!»

Эшим тогда не выдержал и стал поносить его последними словами. Смотрит, этот дурак Абдурасул прет на него и машет в воздухе серпом: «Эй, ты, брюзга! Ты на кого это голос поднимаешь? На моей совести нет ничего плохого, чтобы бояться тебя. Да и контуженый я, на войне ранен, у меня и справка имеется. Хоть десять таких, как ты, отправлю на тот свет — со мной ничего не сделают. Убирайся-ка, пока цел!»

«Вот так да! Он и на самом деле контуженый, вдруг в горячке возьмет да полоснет серпом по животу», — в испуге отпрянул тогда маклер, позабыв о мешке с клевером. О мешке забыл, а про обиду — нет. Через год все же отомстил Абдурасулу. В тот день Эшим маклерствовал на Иштыханском скотном базаре. Стоял, подсчитывал свои барыши от удачно проданных двух баранов и коровы. В это время появился худощавый рыжий мужчина с сыном, ведя на поводу двух породистых волов. Джумавой-маклер тут же ринулся им навстречу, но Эшим, оказавшись расторопнее, опередил его и первым вцепился в веревки. Недовольно пробурчав что-то, Джумавой ретировался.

Маклер заинтересовался, за какую цену хозяева желают продать скотину. Те в ответ лишь пожалы плечами.

— Отдавать на убой жалко, мы их откармливать собирались. А тут вот свадьба... Деньги срочно понадобились. Присмотримся к базарным ценам, а там уж прикинем. Услышали, что на Иштыханском базаре скотина дорогая, потому и пригнали сюда. Сами-то мы из Челаки. Сумеете продать за приличную цену, тогда и магарыч хороший получите, — пообещали хозяева.

Вначале Эшим хотел продать волов тем покупателям, что крутились поблизости. Но, поразмыслив, решил, что скотина, выставленная в этот день на базаре, оценивается очень дешево, ибо зима на носу. А если он придержит волов каких-нибудь две-три недельки, скотина наберет в весе, да и цены к тому времени поднимутся. И тогда он может выгадать за обоих самое меньшее пятьсот рублей.

Зная как свои пять пальцев натуру покупателя и продавца, маклер оценил волов по самой высокой цене и стал настойчиво выжидать закрытия базара. Когда по-

синевший от холода и продрогший худощавый мужчина, посоветовавшись с сыном, был вынужден согласиться продать волов подешевле, Эшим-маклер, тут же развязав свой бельбаг, отсчитал названную сумму. Поблагодарив, рыжий в знак вежливости пригласил его на свадьбу.

— Если суждено, то обязательно приду. Как говорится, что предначертано, того не минуешь. В какие края дочь свою отдаете? — спросил маклер со сладкой улыбкой, довольный выгодной сделкой.

— Не отдаем — берем. Вот, сына женим. Невестка из ваших краев, — ответил отец и, пересчитав деньги, протянул их сыну.

— Счастья и долгих лет молодым! Из какого же кишлака та счастливица, которой выпала честь быть невесткой такого богатыря? — уже без особого интереса спросил маклер.

— Есть у вас такой кишлак — Кунгирокчи, девушка оттуда.

— Э-э-э, постойте-ка, да я ведь оттуда! Кто же отец невесты?

— Абдурасул-аксакал!

Сердце затрепетало в груди у Эшима-маклера: такой статный, красивый парень станет зятем сторожа Абдурасула! Этому негодяю да такое везение? Ну, Абдурасул! Вот и настал черед расквитаться с тобой! Ты отнял колхозный клевер, я у тебя счастье твоей дочери отниму. Посмотрим, кому будет больнее!

Он отвел в сторону отца жениха и, состроив гримасу удивления, шепнул озабоченно: «Скажите, приятель, ваш сын прежде был женат?»

— Нет, — ответил тот, ничего не понимая. — Впервые женится, а что?

— Как что? Дочь Абдурасула не знаете? Перед тем как уехать на учебу — если она в действительности училась — повесилась бесстыжая на шею одному парню и родила от него — без всякой свадьбы и регистрации! Потом, не выдержав позора, подалась куда-то. Вот отец ее распространил слух, будто уехала на учебу. Прошло пять лет — она снова вернулась в кишлак. Рассчитывала, видно, что все забыли эту историю...

Отец жениха буквально окаменел. Стоял, не в состоянии вымолвить ни слова. Немного погодя, он подо-

шел к сыну и забрал у него деньги, врученные маклером за волов.

— Вы уж не обижайтесь,— сказал он, вкладывая бумажки в ладонь Эшима.— Я настоящий дурак, что пошел на поводу у сына. А ведь жена не раз меня предостерегала: «Отец, разве может быть ученая девушка неопытной? Лучше подыщем ему попроще, из своих, местных». Большое вам спасибо, приятель. Вы уберегли нас от большого позора и несчастья. Хорошо, что я пришел сюда, воистину аллах хранит нашу семью.

— В чем дело, отец? — в недоумении спросил парень у отца, когда тот вновь подошел к нему.

— Ну, спасибо, сынок, хороший подарок ты собирался нам преподнести!

— Что-то я вас не пойму. О каком подарке вы говорите?

— Какую невесту выбрал! Довольно, ничего не хочу больше слушать! Женишься на той, кого мы сами выберем тебе в жены.

— Я жить без нее не могу!

— Сможешь, никуда не денешься. Вон сколько достойных девушек...

От души сожалел о том, что не удалось прикарманить чужие деньги, маклер тем не менее с готовностью вернул волов. Главное было достигнуто!

Целых два месяца маклер неусыпно наблюдал за тем, что происходило в доме Абдурасула. Уверенный в скорой свадьбе дочери, тот с приподнятым настроением приглашал на чай всякого, кто проходил мимо их калитки. Как только немного потеплело, он стал приводить в порядок свое хозяйство: подмазал кое-где отвалившийся забор, привел в божеский вид хлев. Все заново побелил, вплоть до туалета. На вопросы соседей: «Эй, Абдурасул, с чего бы такие хлопоты, а, или намечается что?» — он с улыбкой отвечал: «Весна уже на дворе, дома что-то не сидится... И потом, скоро посевная пора начнется, потому и тороплюсь — времени-то в обрез, позже руки до этого не дойдут». А сам все на дорогу поглядывает — не идет ли кто. И как только появится незнакомый человек, кашляет и, заглянув во двор, кричит: «Момогуль! Завари-ка чаю, что-то в горле пересохло, пить ужасно хочется». Ой, смех! Тут же во дворе начинается беготня. Невестка еще раз оглядывает очаг и тандырхану. Младшая дочь наполняет умывальник во-

дой, меняет и без того чистое полотенце. Невеста-дочь поспешно скрывается в соседском доме. Сыновья обходят двор, словно бы разглядывая урючины, на которых только-только начинают распускаться почки.

И так продолжалось изо дня в день на протяжении почти двух месяцев. Затем Абдурасул перестал на глаза показываться. Эшим-маклер слышал от кого-то, будто ревматизм его скрутил. Прежде цветущая, пышущая здоровьем дочь его тоже вдруг захворала — поблекла, осунулась. По сведениям «Последних известий» — вездесущей Эрки-кампыр — он узнал также, что родители того парня, что собирался брать в жены Ферузу — дочь Абдурасула, насильно женили его на другой. И месяца еще не прошло после свадьбы, как парень куда-то уехал. Эшим-маклер ликовал, но и боялся, как бы тот худощавый мужчина, отец жениха, не выдал его. Однако после слов Эрки-кампыр он облегченно вздохнул — словно гора с плеч свалилась; он был восхищен умением отца жениха держать язык за зубами... С тех пор цветущая, словно яблоня, дочь Абдурасула с горя чахла прямо на глазах. Услышав о том, что у нее был парень, уже никто не решался посылать сватов.

Маклер споткнулся. Правая нога подвернулась, и он по самое колено провалился в яму. Действие табака вмиг рассеялось. Сердце бешено колотилось. Маклер с трудом вытащил ногу. Отдышался, двинулся вперед. И сразу почувствовал некоторую легкость. Глянул — на увязнувшей ноге нет галоши. «Оставлять что-либо на кладбище — плохая примета, — невольно промелькнула мысль. — Что же делать? Э, к черту! Суеверие все это», — успокоил он себя и торопливо спустился вниз.

Улугбек только собирался похвастаться перед дедом большим букетом полевых цветов, который он собрал за время его отсутствия, но, ощутив на себе хмурый взгляд, смешался и промолчал. Забравшись на осла, Эшим-маклер чуточку успокоился. Ему даже стало смешно. «Тьфу ты... что за дурные мысли лезут в голову! Чтоб их ветром унесло! Однако... кому все же останутся деньги? Полный сундук денег, а?.. Ой, а если и вправду памятник себе заранее купить? А что? Заказать и спрятать в хлеву. А рядом оставить письмо: «Когда умру, поставьте этот памятник на моей могиле».

Завещание усопшего свято и беспрекословно должно

быть исполнено. Точно! Так и нужно поступить!

Но кому можно доверить деньги, которые уйдут на надгробие? Нозик больна, умрет раньше него. Надо найти более надежного человека. Қием-аксакал подошел бы, он честный, только вот старуха у него никудышная. «Умер человек, на тот свет ушел, кто видел, что он деньги вам дал?» — скажет она ему, и как знать: вдруг аксакал клюнет на ее удочку. Между прочим, можно оставить Шады-муаллиму, он уж точно копейки чужой не тронет...

* * *

Выпустив волов на пастбище, Улугбек спустился к берегу реки — стрекоз ловить. Но все его старания были напрасны: стоило лишь чуточку приблизиться, как маленькие вертолеты с прозрачными крыльями взлетали ввысь с верхушек высокого, с человеческий рост, тростника. Настроение у Улугбека совсем испортилось, и он уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил на противоположном берегу зелененькую-презелененькую лягушку, внимательно наблюдавшую за его действиями. Он завел с ней дружеский «разговор», как когда-то разговаривала с ним Олма-буви.

«Как поживаешь, дружок?»

«Сам видишь, отлично! — проквакала в ответ лягушка. — А ты что невесел?»

«По родителям соскучился... Ужас как хочется уехать отсюда!»

«Уезжай. Кто тебя держит?»

«Знаешь, куда они укатили — ой-ой-ой, как далеко — в самую степь! А я туда дороги совсем не знаю!»

«Я знаю! Нет ни одного уголка, которого бы мы, лягушки, не знали. Если согласен, мы отлично доплывем туда вдвоем с тобой».

«Я же не смогу так долго плыть, как ты!»

«Ой, что в этом трудного? Научись — ни за что на берег не захочешь выйти».

Улугбек пожал плечами: как знать? Как бы обидевшись на недоверие, лягушка надулась.

«Что задумался, Улугбек?»

«У тебя тоже есть дедушка и бабушка?»

«А как же!»

«Дед твой хороший или плохой?»

«И дедушка, и бабушка — оба очень хорошие!»

«Бабушка с дедушкой живут дружно?»

«Конечно! С какой стати им ссориться?!»

«А вот мой дедушка бабушку ненавидит, и меня тоже ненавидит, и других... Всех! И еще — он очень жадный. И обед, и сушеный урюк, и черешню только сам ест... А нам совсем понемножку дает. «Собирает-собирает — и все в могилу с собой заберет», — говорит бабушка».

«Э-э, тогда он действительно плохой. Моя бабушка постоянно твердит: «Живите в мире и согласии друг с другом. Если будете враждовать, весь наш род в тот же день будет истреблен».

В это время из зарослей камыша послышался чей-то плач, прервав их «беседу». Испугавшись странных звуков, зелененькая лягушка тут же плюхнулась в воду.

«Может, кто-то тонет?» — подумал Улугбек и поспешил в ту сторону. И вдруг увидел — чуть в стороне от зарослей, под боярышником, стоят парень с девушкой. Девушку Улугбек уже видел несколько раз. Вид у нее почему-то всегда был печальный, голова понуро опущена. А парень незнакомый. Вот это да! Точно как в кино — стоит перед девушкой на коленях... Наверное, все парни так делают. Улугбек на мгновение задумался: эх, быстрее бы вырасти и встать на колени перед Наргизой. Из всех девчонок в классе она самая хорошая. К тому же отличница. И добрая, не задавака.

— Не надо... — дрожащий голос девушки прервал мечты Улугбека, — теперь уже не надо... Теперь все бесполезно. Не хочу, чтобы она была такой же несчастной, как я! И еще... Нет, все... Не приходите больше!

— Феруза... Я очень виноват перед тобой. Все грехи беру на себя! Только поверь, я жить без тебя не смогу, уверен.

— На базаре, когда выслушивали грязную ложь, вы не были уверены? — голос девушки зазвенел от обиды.

— Но ведь это отец...

— Пожалуйста, не вмешивайте сюда своего отца. Вы уже не маленький ребенок, чтобы поступать по чьему-либо указу, образованный человек...

От их разговора настроение Улугбека совсем испортилось. Он-то думал, что перед ним любящая парочка, как в хороших фильмах. А они ругаются! Нет, он с Нар-

гизой никогда не будет ругаться. И обижать ее не будет. Карандаши для рисования, пластилин пачками будет ей приносить.

— Жаль только...— снова донесся до него голос девушки,— что мою судьбу, мои мечты в течение одного мгновения разрушил какой-то мерзавец.

— Каким же я глупцом был, что пошел на поводу у родителей! — горячо воскликнул парень.

— Поздно, поздно уже сожалеть. Неужели вы могли поверить в эту гнусную ложь! Меня это больше всего убивает. Любой ребенок из нашего кишлака ответил бы вам, кто такой Эшим-маклер. Наверное, нет человека, который бы не пострадал от этого нечестивца.

Услышав имя деда, Улугбек аж подскочил на месте. А потом весь превратился в слух. Колени его дрожали.

— Что говорить о чужих, когда он родного сына из-за какого-то несчастного граната так избил, что он в скором времени умер в больнице. Вот какой это страшный человек!

— Убью! Сейчас же пойду и убью его! — рванулся молодой человек.

— Нет...— девушка крепко схватила за руки парня,— не хватало еще, чтоб из-за Эшима-маклера вы сели в тюрьму!

Улугбек, наблюдавший за ними, не смог удержаться от слез и громко разрыдался.

Девушка, услышав его плач, отпрянула от парня и в испуге скрылась в камышах. Тот, поднявшись с колен, взглянул покрасневшими глазами на Улугбека:

— Эй, малыш, ты кто?

Улугбек горестно взглянул и, всхлипывая, выдал из себя горькие слова:

— Все это правда... Мой Эшим-бобо плохой... И кошку тоже Эшим-бобо убил. И про Сору-холу тем старушкам тоже он наврал. Эшим-бобо плохой, очень, очень плохой...

* * *

Вечером, когда все уснули, маклер осторожно встал с постели и, не зажигая света, вышел наружу. Дойдя до середины двора, остановился, внимательно прислушиваясь, не вышла ли следом за ним и Нозик. Но кроме стрекотания сверчков в густой темноте ночи ничего

не было слышно. Успокоившись, он направился к кладовке, где лежало всякое барахло и куда кроме него никто не входил. Муха — и та пролетит мимо. Помещение, выстроенное между тандырханой и хлевом, маклер специально называл кладовкой, дабы не вызывать у людей подозрений.

Больше месяца маклер не заглядывал сюда: пришлось немного помучиться с допотопным замком. Войдя, он поспешил закрыть дверь на цепной затвор, опустил собранное вверх старое одеяло, прибитое к дверному косяку с обеих сторон гвоздями. Одеяло было ужасно запыленным: стоило лишь дотронуться до него, как в нос резко ударил неприятно-прогорклый запах необработанной овечьей шкуры. Маклер чихнул несколько раз кряду.

Чтобы ни один лучик света не выдал его местонахождения, он плотнее прижал края одеяла к стене. И лишь приняв все меры предосторожности, он вынул спичку из коробка, зажатого в руке, и чиркнул ею. Пауки, ставшие здесь полновластными хозяевами, испугавшись яркого света, попрыгали вниз на своих неприметных глазу парашютах.

Маклер перво-наперво глянул на чапан, прикрывавший отверстие в стене и служивший для него меткой. Все было так, как он оставил в последний свой приход. Никто не входил в его святая святых. Раньше он доверял Нозик: никаких сомнений она у него не вызывала. Но после смерти единственного сына Турсунбая — мальчик всерьез заболел от побоев и умер — стал остерегаться и ее. Боялся, как бы она в пылу гнева не натворила чего. А что? Все может быть. Возьмет да отравит, чего доброго! Он долгое время не притрагивался ни к еде, ни к чаю, пока жена их не попробует. А когда Нозик, отделившись от него, перенесла свою постель в маленькую комнатенку, страх его еще более возрос. Маклер не спал по ночам: ему все казалось, что во время крепкого сна она отрубит ему топором голову и таким образом рассчитается за смерть сына. Успокоился он лишь после того, как вставил новый замок в дверь.

Позже его стала преследовать другая мысль: а что если жена выжидает удобного момента, чтобы обобрать его, отнять накопленное за столько лет, а затем поджечь дом вместе с ним? Страх потерять свое богатство подстегнул его, и он решил построить между тандырха-

ной и хлевом вот этот сарай. Зная боязливость Нозик, для пущего устрашения Эшим пару раз демонстративно вынес из этого помещения дохлую змею, зажав ее щипцами для углей, и выбросил в арык в саду. С тех пор Нозик не то что не заглядывала в сарай, а тщательно обходила это место. Он же, словно паук, постепенно стянул туда все свои накопления и надежно перепрятал их. Сундук, в котором были сложены деньги, поставил посередине сарая, а чтобы тот не привлекал внимания, обложил его вокруг всякой всячиной: здесь были и старый самовар, и заржавленная ножка от железной кровати, и сплюснутые ведра, и вышедшие из строя топоры, и вилы, и кетмени. На противоположной от входа стене Эшим развесил испорченные козьи, овечьи и коровьи шкуры, которые не удалось сплавить на базаре.

Маклер не спеша расчищал путь к тщательно скрытому от людских глаз тайнику. По мере того как он приближался к желанной цели, сердце его колотилось все сильнее и сильнее. Он вдруг ощутил невероятную слабость. Присел на сундук, отдышался. Приподняв полу рубашки, с превеликим трудом развязал ключ, подвешенный на прочной тесемке из овечьей шкуры, который он постоянно носил при себе и с которым никогда не расставался, даже во сне.

Сделав над собой усилие, маклер приподнял крышку сундука — в нос ударил запах, от которого у него в который раз замерло сердце. Дрожащими от волнения пальцами он откинул уголок вылинявшего старого платка и бросил быстрый взгляд на одному ему известную пометку: желтая подушечка с пятаками по углам лежала на том же месте и в том же положении — монеты решкой вверх. Успокоившись, он отодвинул их в сторону, с трепетом взял подушечку в руки. Деньги, запрятанные внутри нее, он собрал за последние годы, занимаясь маклерством. Их должно быть ровно семь тысяч. Распоров подушку, он убедился, что пачки денег, обмененные им в сберкассе, были в целости и хрустели, как новенькие. «Сначала распорю все подушки, а потом все сразу и пересчитаю», — решил маклер и нетерпеливо потянулся ко второй подушке. Эти деньги он скопил, когда работал мясником. Назубок помня сумму, он все же заглянул в бумажку, вложенную в подушку: восемь тысяч восемьсот рублей. Каждый раз он собирается прибавить к ним двести рублей — для круглого счета, но

все время забывает. «Надо будет записать себе на память, черт побери! Иначе опять забуду».

Маклер взял в руки третью по счету подушку. Он никогда не распарывал ее и старался как можно быстрее откинуть в сторону — она обжигала ему руку, словно раскаленные уголья. Часть денег, зашитых в этой подушке, он собрал, работая сторожем в магазине у Сарымсака. Здесь же находятся и деньги, вырученные в ту пору от продажи гранатов. Ох и славный был урожай! А потом — смерть сына... После нее с деревьями что-то стряслось: одно за другим они стали почему-то сохнуть.

Подушку, сшитую из трикотажа, он отложил влево: трудно поддается распарыванию. «Семь тысяч, восемь тысяч восемьсот, четырнадцать тысяч — итого выходит двадцать девять тысяч восемьсот!» — подытожил он, мгновенно сосчитав в уме.

Четвертая подушечка... Вернее, не подушечка, а подушка. Вот когда, можно сказать, судьба по-настоящему благоволила к нему! Если и вправду говорится, что мужчине трижды в жизни сопутствует удача, то эта была одной из самых крупных. В тот год, когда он, так и не добравшись до фронта, вернулся домой и занялся махинациями на должности счетовода, дядя вскоре нашел для него еще более теплое местечко — устроил заведующим птицефермой. То, что он проделывал, будучи на этой должности, не идет ни в какое сравнение с тем, что позволял себе раньше. «Не зря говорят, что птица — чудо: деньги рекой лились. За два года собрал столько, что на всю жизнь хватит с лихвой!»

Маклер с большой охотой начал распарывать шов на этой подушке. В тот год, когда проводили реформу, он поехал специально в Самарканд и обменял их, тогда же и распечатал новенькую пачку. Купюры крупные, считать их куда легче. И потом, если не проветривать, могут отсыреть да сгнить.

Одну-единственную промашку допустил он в то время. Как подумает об этом, так до сих пор простить себе не может. Не сообразил купить себе, несчастный, какой-то диплом! И ведь совсем недорого бы обошелся: один бельбег денег — и дело с концом. Если бы он хоть чуточку умел писать-чиркать, то мог бы взлететь, и ой как высоко! Сглупил, что и говорить... Думал, еще успеется — ан нет, не успел! Война вскоре кончилась, вокруг порядок стали наводить, фронтовики вернулись —

с ними шутки плохи. К тому же, в ту самую пору дядя, на которого он возлагал большие надежды, помер. Пришлось быстренько смотать удочки с птицефермы. Эшим вовремя уволился, вышел сухим из воды и устроился сторожем в магазин к Сарымсаку. Надо же — за три года тридцать тысяч, а? Поработай он там еще пять-шесть лет — дворец из золота построить можно было бы.

Он сгреб в кучу пятидесятирублевки, положил в сумдук. А вот эта круглая думочка из красного кумача для него памятнее всех: маклер называл ее «дрожжами». Потому что все имеющееся у него богатство выросло вот на этих самых дрожжах. Эти деньги он собрал в те годы, когда работал счетоводом, веруя в примету: копейки никому не давать и самому не тратить. Ему казалось: стоит взять хоть копейку — везение как рукой снимет и все его сбережения рассеются по ветру. Да проглотит земля его тайну: когда умерла мать, младший брат долго упрашивал его дать денег. Но он остался тверд. Не то что бы не дал, а просто-напросто скрыл то, что они у него имеются. «На этом свете не доверяй тайну даже самому близкому человеку» — было его принципом. В то время, когда в его руки потекли большие деньги, ему ужасно хотелось похвастать перед Нозик, помахать перед ее лицом хрустящими бумажками, но, вовремя вспомнив чье-то умное предостережение — «если у тебя нет врага, возьми жену», — Эшим обуздал свое желание. Вспомнив сейчас об этом, он обрадовался вдвойне, восхитился своим умом и проницательностью. Ну, на самом деле, умер человек — все, нет его, и как ни почитай, с того света все равно не вернуть. Что он — дурак, чтобы расхотеваться и кормить ненасытную ораву?! «Да и потом, что она для меня сделала как мать? Только и сетовала вечно: «В нашем роду не было никого, похожего на тебя, и в кого ты только уродился такой?» А как она обманывала! Бывало, стоило лишь скрыться с глаз — наберет полный подол фруктов и втихомолку тащит Ташмамату, выводок его кормить. Как-то в один из дней Эшим раньше времени вернулся с работы и застал ее врасплох — она как раз выходила из ворот с узелком в руке, несла яблоки для внучат. Завидев сына, немного растерялась, а придя в себя, стала оправдываться: «Ветром сбило, да так много — ногой ступить некуда. Вот я и решила,

чем зря сгниет, пойду детишек порадовать...» «Кормить детей братца не входит в мою обязанность, а за добро зря беспокоитесь — не пропадет, высушить можно. Так что отнесите-ка все это обратно в дом», — сказал он ей тогда. Ойтаджибиби в сердцах бросила передник с яблоками ему под ноги и, горько рыдая, ушла. Так с тех пор и жила у Ташмамата, позабыв дорогу в дом Эши-ма. Злость он сорвал на своей жене, Нозик, когда та стала приставать к нему с просьбой: «Приведите матушку». Почти с месяц ходила глупая баба вся в синяках. После того, как умерла мать, Ташмамат явился к нему: «Брат, было бы неплохо устроить поминки, одному мне никак не справиться, сами знаете, какая большая семья у меня». «Кто хозяйничал при жизни, пусть тот и хозяйничает после смерти. Наследства, что осталось от матери, тебе с лихвой хватит и на сто таких поминков», — не растерявшись, выпалил маклер брату. Услышав слово «наследство», Ташмамат удивленно вытаращил на него глаза. На эту тему он больше не заговаривал.

Маклер с великой предосторожностью, словно только что вылупившихся из яиц цыплят, взял в руки деньги из подушки. «Сколько же их уйдет на памятник?»

Он отделил часть кредиток сверху... Внутри снова что-то заняло, как уже не раз было: в последнее время он глядел на них с жадностью, не в силах оторвать глаз. Бережно поглаживая, стал обнюхивать купюры. Маклеру почему-то вспомнились слова, слышанные им от людей: «К деньгам примешана кровь, потому они так завораживают и притягивают». Мысленно маклер подтвердил правильность этого высказывания: казалось, что от бумажек действительно исходит запах крови. Интересно, а какую кровь подмешивают — живого или умершего человека?

Вытянув из пачки одну пятидесятирублевку, он внимательно стал разглядывать ее на свет. «Если примешана кровь, то обязательно должен быть красноватый оттенок...»

— Бобол!

Голос Улугбека набатом прозвенел в ушах маклера, сердце зашлось от испуга, и он всем своим грузным телом навалился на грудку денег. «Ух, проклятый! Не спал, значит! А может, даже шел за мною следом?!»

Кровь ударила в голову маклера, вены на висках

вздулись. «Проснется Нозик — дело добром не кончится. Не выдержит баба, тут же побежит и растрезвонит по соседям. Надо поскорее незаметно выйти и показаться им».

Перешагнув через разбросанные по полу кучи денег, маклер направился в угол сарая, стал поспешно снимать с колышка высушенные овечьи шкурки. Затем сгреб все деньги в одну кучу и накинул шкуры поверх них. Боясь выдать себя, он с превеликой осторожностью перешагнул через валяющуюся вокруг старую рухлядь. Задул свечу. Приложив ухо к дверной щели, стал внимательно прислушиваться к окружающему. Говорил Улугбек:

— Гляжу, в сарае свет горит. Я испугался, крикнул деда — и свет погас.

— Тебе, видно, померещилось, детка. К этому сараю и близко не подходи, там живет «длинная тетка», — посылался голос Нозик.

— Какая «длинная тетка», бабушка?

— Сейчас нельзя говорить, днем все расскажу, хорошо?

— Бабулечка, расскажи, а то я не засну. Страшная как Баба-Яга, да?

— Помнишь сказку, где клад охраняет дракон? Никого к этому месту не подпускает? В этом сарае сидит такой же злой дракон и зовут его «длинная тетка». А если серьезно, то прошу тебя, Улугбек, сынок, не смей и близко туда подходить. Ведь зверь, который там обитает, гораздо страшнее любого дракона. Обещай мне это, слышишь!

— Хорошо, бабулечка. Я все понял. Знаю, о ком ты говоришь. Как я ненавижу его за то, что он издевается над тобой! Но я скоро вырасту и заберу тебя отсюда.

— Милый ты мой, — со слезами в голосе произнесла Нозик-буви. Дальше говорить она не могла. Обняв мальчика за плечи, направилась к дому.

Маклер был вне себя от ярости. «Ах ты, карга старая, чтоб отсох твой язык поганый! Знает... оказывается, она все давно знает... Что теперь делать? Куда все перепрятать?»

Он снова зажег свет и заметался по сараю, не находя себе места. «Завтра же перепрячу, — сверлила мозг одна мысль, — вырою во дворе яму и все сложу туда!»

Улугбек проснулся на рассвете от бабушкиного крика.

— Вайдод... что это?! — причитала она, в страхе припав к окну. — Улугбекджан... Беги, скорее беги, буди деда! Дом горит!!!

Улугбек, перепуганный насмерть, в одних трусиках бросился в комнату Эшима.

— Бобо, дом горит, скорее выходите!

Эшим-маклер спросонья вначале ничего не понял. А когда до него дошел смысл услышанного, он вскочил как ужаленный и в чем был кинулся во двор. Мозг пронзила страшная догадка: «Свечу не погасил...» Его предположение подтвердилось: из дверей сарая вперемешку с дымом столбом вырывался огонь.

Нечеловеческий вопль потряс предутреннюю рассветную тишину. Маклер метнулся к тандырхане. В его бешено блуждающих глазах отсвечивали отблески пожара.

«Деньги... Деньги горят! Горят деньги, которые собирал всю жизнь! Нет, нет, этого быть не может! Это лишь сон, всего-навсего сон! Ведь... Ведь только сейчас... совсем недавно держал их в руках, в своих руках держал!» — лихорадочно стучало в мозгу.

Все еще не веря своим глазам, маклер поспешно ущипнул себя, стараясь поскорее отделаться от этого кошмара, но ощутил острую боль — словно осиное жало впилося в его тело. Маклер почувствовал невероятную слабость, тяжкий стон вырвался из его груди. Проклятье... Пусть бы лучше дом загорелся!

«Бог ты мой, с чего бы это мать мне во сне приснилась? Нет, вроде не мать, а ехидная рожа проклятой Эркатош», — маклер вздрогнул при воспоминании от испуга. «Эй, Эшим, — обратилась она к нему с усмешкой. — Скажи-ка на милость, ты зачем наплел такую небылицу про Сору, а? Честную женщину грязью облил — бедняга председатель вот уже десять дней как в больнице лежит».

Огонь бушевал всюду: взвившись высоко в небо, он пустился в шаманский пляс.

Нет, не Эркатош разговаривала с ним во сне. Он отчетливо слышал — голос был матери. Потом... что же она говорила потом? «Сынок, неужто тебе не надоело

жить на свете, как червяку?»— горестно спросила она. Почему она задала такой вопрос? Проклятая, злосчастная старуха, и что ей спокойно не лежится там, чего извиг, чего лезет? Ах, да! Все, вспомнил сон. Собрав деньги в мешок, он шел заказывать себе памятник. Вдруг откуда-то появилась перед ним мать и спрашивает: «Эй, сынок, куда путь держишь?» — «Памятник хочу себе заказать. Затем и иду». — «Нет, детка. Эти деньги не твои, чужие, поэтому тебе они не достанутся. Оставь их тем, кому они принадлежат — их настоящим хозяевам. Я же — твоя хозяйка. К себе тебя заберу... Ты мой!»

Внутри у маклера словно струна лопнула. Перед глазами все замельтешило: огонь, разгорающийся с новой силой, выплевывающий ему в лицо языки пламени и словно издевательски хохочущий над ним; люди, снующие взад-вперед с ведрами; Нозик, замершая изваянием где-то в сторонке и недоуменно вззирающая на происходящее вокруг...

Угасающий взор маклера в последний раз зацепился за маленький сарайчик, и он стал проваливаться в непроницаемо-черную бездну...

РАССКАЗЫ

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Весь декабрь не было снега, и вдруг он повалил — огромными сверкающими хлопьями. Улицы мгновенно преобразились, стали белыми, нарядными. Что за шум, что за крик поднялся, и особенно — возле школы. Ребятишки раскраснелись, глаза у всех сияли — началась захватывающая игра в снежки. Насыр бросил портфель у школьной ограды и принялся лепить «снаряды» — чем больше, тем лучше, удобнее потом будет «воевать». Первый же бросок оказался удачным — снежок попал в первоклассника Камилджана. Удар, видимо, был настолько сильным, что Камилджан схватился руками за голову и заплакал. Мальчишки мгновенно угомонились, а Насыр бросился к пострадавшему. Он осторожно отнял руки от заплаканного лица мальчишки, погладил его по голове, сказал примирительно:

— Ну-ну, кончай хныкать, солдат!

Насыр поднял свалившуюся с Камилджана шапку, отряхнул ее от налипшего снега, нахлобучил на стриженую голову.

— Ну, чего ты раскис, хочешь домой вместе пойдем? Камилджан разом смолк, недоверчиво уставился

круглыми глазами на Насыра — известного на всю школу озорника и забияку.

Тот понял его немой вопрос, весело улыбнулся:

— Да серьезно я, серьезно. Пошли, уж со мной-то тебя никто не обидит.— И он, покровительственно похлопав малыша по плечу, солидно зашагал по улице.

Камилджан поправил шапку, подхватил отлетевший в сторону портфель и засеменил рядом.

— Слышишь, мелкога,— Насыр несильно шелкнул Камилджана по носу,— а ты к приходу Деда Мороза приготовился?

Мальчик приостановился, шмыгнув носом и вопросительно уставился на неожиданного покровителя — эта тема его интересовала. Он слышал, что в школе будет новогодний праздник, да и в их классе вовсю шли приготовления: кто шил маскарадные костюмы, кто песни разучивал. Камилджан, правда, в этих предпраздничных заботах участия не принимал — мама ему наказывала после уроков немедленно являться домой — надо было помогать по дому, да и за младшими братишками больше некому присматривать.

А Насыр продолжал:

— Дед Мороз не только подарки раздает, он и желанья заветные исполняет. Вот, например, захочешь ты...

— Подожди, подожди, Насыр,— перебил его торопливо Камилджан,— а где же Деду Морозу взять столько подарков — на всю школу?! Вдруг кому-то не хватит.

Насыр весело рассмеялся, затем зажал портфель между ног и раскинул руки.

— Во какой мешок у этого бородатого старика. Да что там! Вон, видишь, тот дом, с сосульками?!

Камилджан с восхищением посмотрел на дом, с карнизов которого свисали голубые сосульки.

Но вдруг брови его сдвинулись, он о чем-то напряженно думал. Наконец, мальчишка недоверчиво проговорил:

— Слушай, а как же Дед Мороз поднимет такую гору подарков?

И опять Насыр покровительственно похлопал малыша по плечу.

— Да зачем же ему поднимать такую махину, если у него сани имеются. Ты что, никогда не видел по телевизору, как в санях мчатся Дед Мороз со Снегурочкой, везут всем детям подарки?!

— Видел, видел,— радостно закивал Камилджан,— только я не думал, что они и к нам едут.

— Ты что, думаешь на свете существует сто Дедов Морозов?! Один он! Он такой волшебник, что его волшебства на всех хватит. Вот, например, я в прошлом году попросил Деда Мороза исполнить мое заветное желание — и, пожалуйста, перешел в пятый класс без троек.

Камилджан и не заметил, как они подошли к его дому. Но расставаться с человеком, чье заветное желание исполнил Дед Мороз, не хотелось. Вот бы рассказать об этом случае в классе — да нельзя. Насыр предупредил — не болтай об этом, а то волшебство пропадет, а желание надо загадывать молча.

Вечером Камилджан долго не мог уснуть — все обдумывал услышанное. Как было бы здорово и ему поговорить с Дедом Морозом, попросить этого волшебника выполнить... тут мысль Камилджана замерла... А чего же он больше всего на свете хочет, какое у него самое заветное желание?

Летом он мечтал о складном велосипеде, но мечта давно сбылась — отец купил ему «Каму». Есть у него и футбольный мяч, на котором оттиснуто золотом «Олимпиада-80».

Ни в чем не отказывает Камилджану отец — он добрый. Никогда не кричит, не ругает, как бы Камилджан с братишками ни расшалились — не то что их сосед Халил-ака.

Отец добрый, но... почему же его не любят, не уважают в кишлаке? Неужели только за то, что работает он завхозом в школе? Да нет. Наверное, кому-то не нравится, что отец торгует всякой всячиной — куртом, семечками, леденцовыми петушками?! Да-да, наверное, поэтому — он ведь не раз слышал, как ребяташки на улице, завидев отца, кричали — «майда-чуйдачи¹ идет!» Как обидно становилось в такие минуты Камилджану, с кулаками готов был броситься он на озорников. Вот отца Кабулджана так не называют, дети всего кишлака еще издали ему кричат: «Здравствуйте, дядя доктор!»

Камилджан тяжело вздохнул, он вспомнил, как однажды отец вернулся вечером домой чем-то очень расстроенный. За ужином сказал матери невесело:

¹ М а й д а - ч у й д а ч и — продавец мелкого товара.

— Ну и язык у этой Кумрихон! Точно жало осы! Встретила сейчас, говорит, посмеиваясь: «Агзам-ака, смотрите, не надорвитесь на такой тяжелой работе!»

Мать презрительно фыркнула.

— А вы, отец, слушайте побольше эту пустозвонку! Всякая работа почетна, да и живем мы не хуже людей.

Отец долго тяжело молчал, затем как-то неуверенно проговорил:

— И то верно. Не ворую же я, в конце концов. Работая.

И вновь этот сильный, здоровый мужчина шел после работы на главную площадь кишлака, где продавали все подряд, и появлялись на прилавке семечки, курт, леденцовые петушки.

Камилджан перевернулся на другой бок, закрыл глаза — надо спать, завтра вставать рано.

Но сон почему-то не приходил — наверное, его отпугивали невеселые мысли, что не давали Камилджану покоя.

Мальчик лежал и с завистью думал о своем однокласснике Кариме. Ему хорошо, отец Карима раис — председатель колхоза. С утра до вечера пропадает на хлопковых картах, а в посевную и уборочную так и ноцует на полевых станах.

Мать Камилджана, правда, осуждает председателя, говорит, что давно бы выпроводила такого мужа из дома — что эта за жизнь, когда дети сутками не видят отца. Агзам-ака молча кивает головой в знак согласия, не возражает. А вот Камилджану в таких случаях хочется возразить матери. Разве не знает она, как уважают в кишлаке раиса?

Или взять Надыра. У него отец — мираб¹. Когда проклеваются на полях первые зеленые росточки хлопчатника, когда всходы начинают тянуться к солнцу — самым главным человеком в поле становится мираб. Однажды весной Надыр позвал Камилджана с собой — он должен был отнести отцу ужин. Удивительная картина представилась тогда мальчишкам. Огромное поле было прорезано сетью ручьев и ручейков, блестящих и переливающихся в лучах вечернего солнца, а мирабы точными, рассчитанными движениями направляли течение воды в этих арыках.

¹ М и р а б — поливальщик.

А что если... Камилджан от волнения даже голову приподнял с подушки и замер так, словно прислушиваясь к ночным шорохам. Но все тихо — безмолвно, плавно кружатся снежинки за окном, много, видно, снега наметет перед праздником — Новым годом. Камилджан улыбается счастливой мысли, пришедшей ему в голову, поудобнее устраивается на подушке, вновь закрывает глаза — спать, спать...

...Просторный спортивный зал было не узнать — посреди, касаясь макушкой потолка, стояла роскошная елка. А вокруг нее под веселую музыку прыгали лопухие «зайцы», зубастые «волки», три «медвежонка», две хитрых «лисицы». Тут же были «клоуны и петушки» и даже один «космонавт». И всем этим хороводом управляли Дед Мороз и Снегурочка.

— А сейчас, дети,— громко сказал Дед Мороз,— все вместе танцуем андижанскую польку.

Голос Деда Мороза показался Камилджану очень знакомым. Где же он мог его слышать?! Но долго размышлять над этим было некогда — Камилджан ждал удобного момента, чтобы осуществить задуманное. Но остаться наедине с Дедом Морозом все никак не удавалось — доброго старика плотным кольцом окружили ребята.

Но вот, наконец, Дед Мороз подошел к огромному белому мешку, что лежал под елкой, и дети в зале дружно закричали «ура». Все догадались — сейчас Дед Мороз будет раздавать подарки.

— Это тебе, а вот это тебе. О, да там, кажется, зайчата еще без подарков,— приговаривал ласково Дед Мороз, ловко доставая из мешка яркие пакеты.

Когда Камилджан протянул руку за нарядным пакетом, старик-волшебник как-то хитровато улыбнулся и тихо сказал:

— А тебе, сынок, я дам два подарка, отнесешь своим младшим братишкам.

Камилджан удивился и обрадовался. Удивился тому, что Деду Морозу даже про младших братьев известно. Обрадовался же — его доброте. Значит... есть надежда, что и его заветное желание не откажется исполнить.

Праздник подходил к концу, и Дед Мороз, закинув за плечи пустой мешок, направился к выходу.

Камилджан, расталкивая локтями ребят, бросился вдогонку.

— Дедушка Мороз,— закричал он что было силы,— прошу тебя, подожди!

Белобородый старик обернулся.

Увидев подбежавшего Камилджана, он ласково спросил:

— Что тебе, сынок?

Камилджан быстро огляделся — не подслушивает ли их кто, убедился, что все заняты разглядыванием содержимого пакетов, и торопливо проговорил:

— Дедушка Мороз, я вам... я у вас...

Старик своей огромной рукой в белой с блестящими звездочками варежке осторожно погладил мальчика по голове и сказал:

— Говори, сынок, говори, не бойся...

— Дедушка Мороз, есть у меня заветное желание,— решил, наконец, Камилджан.— Прошу тебя, очень прошу, исполни его...

— Ну-ну,— Дед Мороз внимательно посмотрел на мальчика,— интересно, какое же оно — твоё заветное желание?

— Хочу, чтобы мой папа стал мирабом... или врачом, или механизатором, нет, лучше космонавтом,— волнуясь, проговорил Камилджан. Он на мгновение умолк и уже совсем тихо закончил:— Хочу, чтобы мой папа стал уважаемым человеком...

Дед Мороз неожиданно вздрогнул — белая его фигура всколыхнулась. Куда девался зычный, торжественный голос, которым он только что веселил, радовал ребят!

Тихо, как-то даже виновато, старик забормотал:

— Хочешь, чтобы уважаемым, чтобы...— Дед Мороз, не договорив, повернулся и, сгорбившись, направился к выходу.

Но вдруг он резко обернулся, неожиданно легкой походкой приблизился к застывшему в изумлении Камилджану и твердо сказал:

— Будь спокоен, сынок. Сбудется твоё заветное желание.

А обрадованный Камилджан, благодарно глядя на Деда Мороза, никак не мог понять — почему в его глазах блестят слезы.

БОЛЬШОЕ «А», МАЛЕНЬКОЕ «А»

Он потер слипавшиеся в сладкой дреме глаза, потянулся с удовольствием и шумно зевнул. Соседка по парте, курносая рыжая девчонка, стрельнула в его сторону глазами, прикрыла ладошкой рот и фыркнула. Тут же за спиной кто-то из мальчишек передразнил его.

Худая тетя в очках, что-то писавшая на доске, обернулась на шум. Он испугался, что его будут сейчас ругать, и спрятался за спиной сидевшей впереди толстой девчонки. Но тетя в очках улыбнулась, внимательно осмотрела всех поочередно и сказала:

— Будьте внимательней, дети,— и вновь повернулась к доске.

«Если бы это была воспитательница из садика, она бы уж обязательно узнала, кто шумел,— подумал он, облегченно вздыхая.— Узнала, накричала бы и отвела в угол. А вот тетя в очках не стала узнавать».

Он никак не мог запомнить имя учительницы, оно почему-то все время выскакивало из головы. Может быть, потому, что у него пока не было случая как следует запомнить его? Вот воспитательница в садике так однажды надрала ему уши, что он никогда не забудет, как ее звали.

Едва все это додумал до конца, как вновь услышал голос тети в очках.

— Это — большое «А», это — маленькое «а». Смотрите, дети, внимательно: это — большое «А», это — маленькое «а».

И что она заладила... И так всем ясно: это большое... нет, кажется, вот это — большое, а вот это... э-э... Пусть-ка еще покажет.

Он снова зевнул, но на этот раз постарался, чтобы не было заметно. Опять глаза его заволакивало дремой, и он вспомнил свою белоснежную кроватку в садике и воспитательницу, строго, как командир, отдававшую приказ:

— А ну-ка, всем спать!

Сейчас он простил бы ей даже крики, лишь бы услышать этот сладкий приказ: спать. Воспитательницу как-то назвали «Пышка». Так назвала ее мама Нигоры, когда отругала за то, что воспитательница поставила девочку в угол и забыла о ней.

— Дармовое без конца ешь, стала, как пышка,—

кричала мама Нигоры,— а внутри у тебя пусто. Нету доброты в тебе — одна злость.

Правду она сказала — воспитательница все время что-нибудь жевала. А здесь, в школе, все за деньги в буфете, поэтому, наверное, тетя в очках такая худая. Интересно, а у нее внутри тоже пусто или как?..

— Ну-ка, повторим все вместе: это — большое «А», это — маленькое «а».

В классе поднялся такой крик, что мальчик едва не оглох. Некоторые дети так старались, что даже вскочили с места. Курносая рыжая соседка толкнула его локтем, как бы говоря: «А ты почему молчишь?»

Но ему совсем не хотелось кричать, ему даже слушать не хотелось. Он прикрыл ладонями уши и стал с интересом наблюдать за тетей в очках и ребятами. Получалось здорово, почти как в телевизоре, когда возьмешь и выключишь звук. Он чуточку приоткрыл ухо, стало еще интереснее — будто загудел пчелиный улей, как у дедушки на горной пасеке.

— Кадыров! Ты почему не повторяешь,— прожужжала тетя в очках.

Вернее, он даже не понял, что именно она прожужжала, но почувствовал, что речь шла о нем, потому что учительница направилась к его парте. И опять он застыл от страха, и только в последнюю секунду сообразил убрать руки от ушей.

— Почему не повторяешь, Кадыров? Или тебя это не касается? — голос тети в очках был строгим.

Он вскочил и с готовностью прокричал:

— Это — большое «А»,— это маленькое «а».

— Подойди, Кадыров, к доске, возьми указку и покажи эти буквы всем.

Он даже взмок, пока шел к доске. Какое же «а» большое, а какое — маленькое? Указка как бы сама уперлась в высокую, красивую букву, и он, беспокояно оглянувшись на тетю в очках, не очень уверенно сказал:

— Это — большое «А»,— тетя не возразила, и тогда он радостно закончил,— это — маленькое «а».

— Хорошо, Кадыров. Садись и больше не закрывай уши.

Довольный, он устроился за партой, подперев голову кулаком. Немного послушал, что говорит тетя в очках, и опять почувствовал, что слипаются глаза, а голова становится тяжелой. Голос учительницы плыл над

классом, становился хрупким, далеким, словно уплывал в дальние дали. И убаюкивал. Но что-то мешало, не давало глазам плотно закрыться, что-то внутри его было полно ожидания — вот сейчас прозвенит звонок. То на урок, то с урока, то на урок...

Он едва не свалился с парты — так сильно толкнула его локтем рыжая.

— Эй, не спи,— прошипела она, потому что звуки у нее вырывались сквозь небольшую щель от выпавшего зуба.

Он очнулся и решил, что ему пора кое-куда.

— Тетя в очках,— громко обратился он к учительнице, не дожидаясь, пока та заметит его высоко поднятую руку.— Можно выйти?

Учительница окинула внимательным взглядом класс и только затем направилась к нему.

— Во-первых, Кадыров, я — не тетя в очках, а Муаллима-апа. Неужели ты не запомнил? А во-вторых,— она вдруг замолчала, а потом, махнув рукой, закончила:— Ладно уж, иди.

«А тетя из садика ни за что не отпустила бы. Посмотрела бы строго и сказала: «По глазам твоим вижу, что обманываешь, халаленок. А ну-ка, закрывайся одеялом и спи!» А Муаллима-апа, она хорошая, оказывается».

Он вышел в коридор и задумался — куда же идти. В школе так много комнат, дверей, коридоров, лестниц, что он уже и не помнит, где туалет. Постояв минуты две-три и так и не решившись отправиться на поиски, вернулся в класс.

Не успел сесть на свое место, как сразу несколько человек подняли руки и наперебой затараторили:

— Муаллима-апа, я тоже хочу!

— Можно и мне!

— И мне, и мне!

Учительница недовольно постучала по столу указкой.

— Дети, запомните — для обеда, отдыха и других дел существуют перемены. Кадырова же я просто пожалела. Но это — в первый и последний раз. Запомнил, Кадыров?

Он поспешно кивнул, а тетя в очках, то есть Му... Му... эх, ведь только же она сказала, как ее зовут... продолжала:

— Учитесь быть дисциплинированными, самостоятельными.— Она улыбнулась.— А все из вас знают, что такое — самостоятельный?

Ребята стали переглядываться, толкать друг друга локтями и шепотом спрашивать:

— Ты знаешь?

— А ты?

— Я не знаю.

— Быть самостоятельным,— медленно произнесла учительница,— это значит — уметь все делать самому, и думать тоже, и принимать решения.

Муаллима-апа вплотную приблизилась к первой парте и обратилась к вертевшемуся на ней мальчику:

— Чулиев, ответь, пожалуйста, на такой вопрос: как ты поступишь, если на твоих глазах будут обижать малыша?

Узкие глазки Чулиева сверкнули решимостью, вскочив, он стукнул кулаком по парте и выпалил:

— Я отлуплю этого хулигана!

Кто-то с задней парты громко его поддержал:

— Я бы тоже дал как следует.

Муаллима-апа подняла брови, подумала и подошла к другой парте:

— А ты, Махмудов, что думаешь? Ты как бы поступил?

Махмудов неохотно поднялся и опустил голову. В классе стало тихо-тихо, но все равно никто не расслышал, что он пробормотал.

— Да он сам трус,— крикнул кто-то весело, и весь класс смеялся.

Лицо Махмудова стало красным от смущения.

Муаллима-апа, не выпуская из рук указку, вновь постучала по парте, призывая к порядку. Затем погладила Махмудова по голове — дескать, садись — и объяснила:

— Драться стоит только в исключительных случаях, ну, например, когда на тебя нападают. А в том случае, о котором мы говорим сейчас, лучше всего пристыдить обидчика.— Она посмотрела на них лукаво и спросила:— Ну как, согласны?

Все радостно закричали, да так громко, что почти заглушили трели звонка:

— Согласны, согласны!

В этот день Муаллима-апа больше не говорила про букву «а». Весь последний урок она с классом беседовала. Так, словно они ее друзья. Как с равными. У него даже рот от удивления раскрылся — надо же, оказывается, тетя в очках, которая два дня только и делала, что сверяла их по списку да требовала, чтобы они показывали, где большое «А», где маленькое, знает столько интересных вещей, что заслушаешься.

— Смотрю я, дети, на вас, — сказала Муаллима-апа, — и думаю: «Я вижу сейчас наше будущее».

Дети удивились и стали оглядываться — это какое еще «будущее?»

Муаллима-апа, увидев их недоумение, сначала весело рассмеялась, затем сдвинула густые черные брови, словно обдумывая что-то, и с расстановкой сказала:

— Будущее — это вы!

Но они опять ничего не поняли. А Муаллима-апа подняла рыжую соседку Кадырова, погладила ее по голове и объяснила:

— И вот она — тоже будущее.

Ребята смотрели на курносую девочку, как на чудо.

— Ну-ка, Туйчиева, скажи своим товарищам, кем ты станешь после того, как на одни пятерки закончишь школу?

Туйчиева моргала своими рыжими ресничками, не в силах понять — шутит учительница или действительно верит, что она непременно закончит школу на одни пятерки.

Муаллима-апа ободряюще покивала головой, словно говоря — да-да, так оно и будет, и онемевшая Туйчиева робко пропищала:

— Я хочу танцевать.

Сидевший впереди мальчишка, который, казалось, вот-вот открутит себе шею — так он вертел головой, — протянул удивленно:

— Во дает!

С задних же парт, где не было слышно писклявого голоса курносой девчонки, послышались возгласы:

— Что она сказала?

— Что ответила?

Муаллима-апа громко ответила за рыжую девчонку:

— Она хочет быть танцовщицей. И это прекрасно. Искусство приносит радость.

Учительница посадила Туйчиеву и коснулась плеча Кадырова:

— Ну как, Кадыров, не спишь?

Он вздрогнул, и ребята, видевшие это, рассмеялись. И Туйчиева, которая только что сама стояла красная и не знала, что говорить, тоже смеялась звонко и весело, так, словно она уже давно была артисткой. Он смутился и обиделся на ребят — ведь вздрогнул-то он совсем не потому, что задремал. Просто как раз обдумывал, что ответить, если его спросят о будущем. Отец как-то хвастался перед гостями, что сын его, когда вырастет, станет профессором. Но кто такой профессор? Что он делает? Чем занимается?

— Кадыров, теперь мы тебя послушаем. Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? А у тебя какая мечта?

Он невольно замотал головой, как бы признаваясь, что еще не знает, кем бы хотел быть, но Муаллима-апа не отпускала руки с его плеча, приговаривая:

— Ну-ну, говори же, не стесняйся.

И он решил тогда выдать мечту отца за свою:

— Буду профессором.

В классе наступила тишина, лишь Атаев, самый задиристый из всех, воскликнул:

— Вон чего захотел! Твой отец — тракторист, где же он столько денег возьмет?

Кадыров жалобно, точно прося помощи, посмотрел на учительницу.

— Что ты придумал, Атаев? При чем тут деньги?

— Чтобы заплатить за профессора.— Круглое лицо Атаева сияло оттого, что именно ему приходится объяснять учительнице простые вещи.

Наверное, учительнице стало жарко — на лбу у нее проступили капельки пота. Она сняла очки, протерла стекла платком, надела их, а затем вытерла лоб.

Задумчиво прошлась по классу и замерла возле Атаева:

— Откуда ты это взял? — В голосе учительницы звучали растерянные нотки.

— Знаю,— веско ответил энергичный Атаев.

— У него отец — директор совхоза, вот он и знает про все,— пояснил кто-то.

— Так-так,— забарабанила тонкими пальцами по парте Муаллима-апа.— Что же ты, дружок, еще знаешь?

И Атаев вновь уверенно и веско произнес:

— Все.

— Интересно, интересно,— учительница пристроилась на противоположной парте и спросила:— А откуда ты, к примеру, про деньги знаешь? Ну, что надо...

Лицо Атаева приняло такое выражение, словно он хотел сказать — надо же, а еще учительница, такой ерунды не знает.

Объяснил с достоинством:

— Когда старшего брата на врача устраивали, папе много денег отдать пришлось. Папа сказал: «Еще двух детей устрою в институты — нищим стану, как Кабил-ата». У Кабила-ата тоже сын поступал на врача, но денег не дал — и его не приняли.

Кадыров съежился и еще жалобнее посмотрел на учительницу. Что же это получается — если отец не директор совхоза, а тракторист, значит ему не бывать профессором? Как же быть с папиной мечтой?!

Муаллима-апа заметила его взгляд и поняла, что происходит сейчас с Кадыровым, как ранят его душу слова этого самоуверенного мальчишки. Она покачала головой и решительно сказала:

— Нет-нет, дети! Не верьте всему этому. Так не должно быть.— Учительница поднялась с парты и стала расхаживать по классу.— Вы теперь школьники, а это значит — самостоятельные люди. Ну-ка, скажите мне, когда человека называют самостоятельным? Когда он живет своим умом, умеет думать сам, умеет принимать решения. Так вот, теперь вы должны учиться думать самостоятельно. И ты, Кадыров, не слушай ничьей болтовни, а верь в свою мечту. И тогда она обязательно будет.

Атаев опустил голову, потому что весь класс смотрел на него с недоверием.

После того, как Муаллима-апа защитила Кадырова, все оживились и стали более охотно говорить о своих желаниях, о том, кому какая профессия нравится. Одна девочка, которую все никак не спрашивали, так тянула руки, что под общий хохот чуть не упала с парты. Насмешил всех и Махмудов, заявивший, что никем, кроме министра, быть не желает. Тут уже даже Муаллима-апа рассмеялась на весь класс так, что потом ей снова пришлось снять очки и вытирать платком слезы.

— Ничего-ничего, Махмудов, — проговорила она, ус-

покоившись.— Так оно и будет, ты лишь учись прилежно.

Когда прозвенел звонок, они не сразу стали собирать книги и тетради. Им хотелось продолжить разговор на такую занимательную тему — кем быть.

Домой он возвращался, весело размахивая портфелем и прыгая попеременно то на одной, то на другой ноге. Оказывается, тетя в очках, то есть Муаллима-апа, такая хорошая. Назвала их всех — «будущим». «Вот видите, дети,— сказала она,— кто сидит в нашем классе — будущие врачи, профессора, инженеры, хлопкоробы». Никого не дала в обиду. Вон как пристыдила Атаева. А вот на ее месте тетя из садика сказала бы: «Твоя правда, Атаев. У кого деньги — у того и сила». А что если он и вправду станет профессором?! Вот папа обрадуется, особенно тогда, когда увидит, как его младший сын в очках выступает по телевизору.

— Эй, мальчик, иди-ка сюда! — услышал он скрипучий голос.

Он приостановился, оглянулся.

О! Да это Айпашша-хола! Очень интересная старуха. Целыми днями она сидит на невысоком деревянном ящике под тутовником и продает орешки.

Айпашша-хола — необщительная. Ни с кем не разговаривает, ни к кому не ходит в гости. Только вот с его бабушкой дружит. Бабушка говорит — она обижена на людей. Особенно угрюмой стала после того, как единственный ее сын уехал в город учиться, женился там, да так и не вернулся.

Бабушка ей: «Айпашшаджан, твой сын на большой должности в городе, а ты здесь продаешь орешки. Разве это хорошо?! Брось ты это дело, лучше ходи по гостям, навешай сына в городе. Одним словом, живи в свое удовольствие».

А Айпашша-хола бабушке в ответ: «Мамагулджан, я этим занимаюсь не от голодной жизни, мне моей пенсии хватает. А сижу я здесь у дороги потому, что дома тоска заедает. Жду-жду сына, а он не едет. Обидно мне. Горько».

Бабушка говорит, что Айпашша-хола в городе не умеет жить — все там не по ней. А сюда, в кишлак, невестка ее не хочет ехать — не нравится ей деревенская жизнь. Да и сама Айпашша-хола не нравится.

Интересно, почему такая хорошая старушка кому-то в городе не понравилась?!

— Иди, иди сюда! На-ка вот, держи.— Айпашша-хола протянула ему пригоршню орехов, и пока он пересыпал орешки в карман шортиков, внимательно рассматривала его своими глубоко посаженными глазами без ресниц.

Оставшись довольной результатами осмотра, она растянула впалый рот в улыбке, обнажив несколько крупных желтых зубов.

— Э-э, да ты стал совсем взрослым! Дай я поглажу тебя по вихрам.

Она провела по его голове своей шершавой, в синих прожилках рукой, и прикосновение это, нежное и доброе, ему понравилось. Как понравились и слова о том, что стал он совсем взрослым. А рука старухи уже хлопывала его по спине и даже ранец ощупала. Но вдруг он заметил, что улыбка сошла с лица старушки, и стало оно сразу дряблым и сумрачным. Айпашша-хола покачала горестно головой и тяжело вздохнула.

А он вспомнил, как она говорила бабушке:

— Товба! Что же это происходит? Чем лучше народ живет, тем больше люди эгоистами становятся. Раньше в махалле — что одна семья жили. А теперь не находится ни одного смелого человека, который бы письмо сыну написал, пристыдил его. Слыханное ли дело, мать родную забыть!

— Бабушка,— спросил он тогда.— А почему Айпашша-хола сама письмо в город не напишет.

— Неграмотная она, верблюжонок ты мой,— объяснила бабушка.

Сейчас он смотрел на печальное лицо старушки, на маленькие слезинки, что катились из ее выцветших глаз, и ему пришла вдруг в голову простая и радостная мысль. Сегодня учительница сказала: «Первое, чему я вас научу,— это грамоте». Правда, в грамоте очень много букв, но он будет стараться, он все их выучит, а как только выучит — сразу напишет в город сыну старушки письмо.

— Айпашша-хола,— он торопливо раскрыл ранец и вытащил тетрадь.— Смотрите, вот это — большое «А», а вот это — маленькое «а».

Старуха безучастно смотрела на буквы и совершенно не понимала, чего добивается от нее этот шустрый

мальчишка. Но равнодушные старухи не остановило его. С еще большим жаром он принялся ей объяснять:

— Эту букву я уже знаю — и большую, и маленькую. А когда выучу весь алфавит, напишу вам письмо. Ладно?

Старуха заморгала веками без ресниц.

— Какое, сынок, письмо ты мне напишешь, я ведь его и прочитать-то не сумею. Я — неграмотная.

— Я! Я скоро буду грамотный,— закричал он ей в самое ухо.— И тогда напишу письмо в город, вашему сыну. Муаллима-апа сказала, что мы теперь самостоятельные люди, сами должны решать, как поступать. Вот я и решил...

Лицо старухи посветлело, разгладилось, и крупные зубы вновь обнажились в улыбке. Ободренный этой улыбкой, он спросил:

— Вы верите мне, Айпашша-хола? Верите?

— Верю, светик мой, верю,— рука ее вновь потянулась к его вихрастой голове, чтобы свершить извечный материнский порыв — нежно погладить дитя.

Вскинув на плечи ранец, он вприпрыжку побежал дальше. Через несколько шагов оглянулся — старуха, приложив к глазам руку, внимательно смотрела ему вслед.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Братья вернулись с выгона радостные. Всю дорогу, перебивая друг друга, вспоминали они, как надавали тумачков Даврану с Мавляном, а Даврана даже в грязи вываляли. Лица их покраснелись, глаза сверкали. Вот мама, услышав новость, обрадуется. А этот Давран пусть только еще сунется на дорогу, когда они выгоняют скот, такого схлопочет! Их-то все-таки трое — Мансур, Жасур, Мавжи. А у Даврана всего один брат.

Дети отвели коз и корову на места и подскочили к матери, возившейся у очага.

— Мама! Мама! — закричали они хором, перебивая друг друга. Каждый спешил первым рассказать матери о их победе.

От громких криков мать вздрогнула и, обернувшись, хотела было уже отвесить оплеуху одному из них, но младший — Мавжи — опередил ее:

— Мама, давайте суюнчи!

Мать удивленно вскинула брови, а Жасур ткнул брата кулаком в бок.

— Дурачок, при чем тут суюнчи! — И поспешно объяснил: — Мама, знаете, что мы сделали? Проучили, наконец, Даврана с Мавляном!

— В грязи его вываливали, — торжествующе добавил Мансур.

Мать уперла руки в бока и прикрикнула:

— Да не галдите вы, говорите толком.

— Мы и говорим: Даврана с Мавляном отлупили.

— Какого Даврана, какого Мавляна? В кишлаке десять Давранов и столько же Мавлянов, — рассердилась мать.

Сыновья опять хором стали объяснять:

— Ну, Давран с Мавляном! Те, чья сестра не вышла за нашего брата.

Назимахон нахмурилась, сразу же представив эту рохлю Тухтахон, не сумевшую проучить свою доченьку, сбежавшую в город. Учиться ей, видите ли, захотелось.

Она с остервенением плюнула:

— Чтоб их мамочка сквозь землю провалилась!

И братья разом подхватили:

— Чтоб провалилась!

Мать вновь занялась очагом, а сыновья уже более спокойно заверили:

— Завтра опять их проучим.

Мать поворошила угли, ухмыльнувшись, пробормотала:

— И правильно сделаете.

Старшая ее дочь, Халида, готовившая на айване уроки, отложила книги и подошла к очагу.

— Не стыдно драться? — Она схватила за вихор Мансура. — Только троньте еще раз Даврана или Мавляна, я вам устрою головомойку.

Братья растерянно уставились на мать, словно ища защиты. И та тут же одернула Халиду:

— Не твое дело, отстань от них.

— Интересная вы, мама! Своих детей в обиду не дадите, а чужих, выходит, можно избивать?

Мать вновь оставила никак не разгоравшийся очаг и зло проговорила:

— Ну нет, они не чужие. Они — враги. Эта семейка опозорила меня на весь кишлак.

Халида всплеснула руками:

— Да ведь Кумрихон ничего плохого не сделала. Сейчас многие девочки дальше учатся. А вы — опозорила!

— В город сбежала, наплевав на сговор. Слово нарушила — и это, по-твоему, не опозорила? Чем она лучше нашего Садыка? Брат твой от стыда из кишлака уехал.

— Замуж в наше время выходят по любви, а не по родительскому сговору. Вы не правы, мама!

Халида на всякий случай отступила на несколько шагов, зная крутой нрав матери. Не переносит она, когда ей начинают перечить. Может, поэтому отец никогда не вступает в споры, а коли мать уж слишком разойдется, примирительно скажет: «Ты права, мать. Ты, как всегда, права». Отец-то, наверное, и приучил ее к тому, что другого мнения, кроме своего, она не признает. Вот и она, Халида, до самого последнего времени никогда ей не возражала. Но сегодня, после выходки братьев, терпение у нее лопнуло. Просто дикость какая-то — дети поступают подло, а родная мать поощряет их.

Как только до матери дошел смысл сказанного Халидой, она грохнула шипцами о землю и стала грозно наступать на дочь.

— Ах, вот как — не права я! Что это ты так стараешься — защищаешь бесстыжую? Или и сама собираешься удрать в город? Э-э... верно раньше говорили — никуда не денешься от несчастья, родившегося в собственном доме.

Халида безнадежно махнула рукой — дескать, говорить и доказывать бесполезно — и направилась к айвану. Но мать остановила ее:

— Нет, ты уж постой, выслушай, что мать тебе скажет. Я не стану, как эта мягкотелая Тухтахон, слюни распускать при виде твоей пылкой любви. Выйдешь за того, за кого просватаем. А ослушаешься, останешься, как говорится, при своих интересах.

Халида расплакалась и убежала.

На второй день Мансур с братьями вывалили в грязи уже не только Даврана, но и Мавляна. Мать устроила сыновьям допрос и, выяснив, кто был обидчиком, явилась в дом Назимыхон. Сыновей — как есть грязных — привела с собой.

Открыв калитку, Тухтахон позвала:

— Соседка, а, соседка!

Но Назимахон, стиравшая во дворе белье, сделала вид, что не слышит и не видит незваных гостей.

Тухтахон, подталкивая впереди себя сыновей, приблизилась к ней и громко сказала:

— Здравствуйте, уважаемая!— И ее дети эхом повторили:— Здравствуйте!

Назимахон небрежно поинтересовалась:

— Что такое, в чем дело? Зачем пожаловали?

Кровь бросилась в лицо Тухтахон, у них в кишлаке свято чтили обычай гостеприимства. Она вспыхнула:

— Когда приходят к вам в дом, надо, если уж и приглашаете войти, хоть на приветствие ответить.

— Ну, вот что, не учите меня в собственном доме. Говорите, зачем пожаловали. Некогда мне попусту болтать, не видите — стираю.

Тухтахон поняла, что взывать к совести соседки бесполезно. Ничего не дадут эти препирательства. И она решила перейти к тому, зачем пришла.

— Стирка — дело хорошее. Но и воспитание детей — не лишнее занятие. Поговорите с детьми, уважаемая, особенно с Мансуром. Второй день подряд избивают моих ребят. Посмотрите, на кого они похожи? — Тухтахон подтолкнула своих детей поближе к ней.— В чем они виноваты — скажите?

Назимахон смахнула пену с рук, обтерла их о фартук и приняла излюбленную свою позу — руки в бока.

— Знаешь, милая, ты за своими детьми следи лучше, о моих я и без тебя позабочусь. Понятно? — Распалив себя, она ринулась к воротам, распахнула калитку, продолжая выкрикивать: — Сначала на себя посмотри, а потом других учи. Когда твоя доченька всю нашу семью опозорила, почему ее не учила уму-разуму? Где было твое-то воспитание?

Тухтахон взяла за руки Даврана и Мавляна и молча покинула двор. Когда за ними с грохотом захлопнулась калитка, она не выдержала, расплакалась. Даврану стало жаль мать. И зачем только они с Мавляном ей все рассказали? А вообще-то во всем сестра виновата. Что там в городе интересного? Дома все равно лучше. И мама бы сейчас не плакала. И Мансур с братьями их не лупил бы — ведь были же они раньше друзьями!

Три дня мать не пускала Даврана и Мавляна на улицу, а на четвертый они все-таки удрали, обманув ее. Тухтахон так разволновалась, что, несмотря на занятость по хозяйству, раза два выходила со двора поискать их. Да где там — ребят и след простыл.

Но вечером сыновья прибежали довольные.

— Мы играли вместе со всеми,— выпалил один.

— Нас и пальцем не тронули,— подтвердил второй.

И Тухтахон успокоилась. «Слава богу,— подумала она,— день прошел спокойно. Их обижают — и мне больно. Они довольны — и я счастлива».

А в доме Мансура вот уже который день скандал. Сестра каждый день плачет, клянется, что поступит по-своему. «Умру, но так рано замуж не выйду»,— говорит. А мать кричит, проклятья на голову Халиде посылает. Братья тише воды стали — только попади под руку матери в такую минуту...

И вот как-то утром Мансур с братьями проснулись от нового приступа рыданий. Да только причитала не Халида, а мать! Спросонья они не сразу и поняли, что произошло. Но тут появился отец и протянул плачущей матери лист бумаги.

— Ну-ка, прочти! Будешь хоть знать, куда дочь твоя подевалась. Письмо вот оставила.

— Несчастная я,— заголосила мать еще громче,— да разве в таком состоянии я смогу прочесть. Скажи же, наконец, где она?

Отец на этот раз разговаривал с матерью не так почтительно, как обычно, и братья поняли, что он сильно рассержен.

— Не голоси,— прикрикнул отец на мать,— весь кишлак сейчас соберешь. Сколько я тебе говорил — веди себя разумно. Но ты и слышать не хотела — и вот результат. Разве сейчас такое время — чтобы девушек насильно замуж выдавать? Сыну жизнь испортила и дочери хочешь навредить? Учиться Халида уехала. И правильно сделала!

Мать, еще не дослушав отца, вновь заголосила:

— Вай-вай! Новый позор на мою голову! И эта бесстыжая родителей ослушалась...

Жасур перебрался на постель к Мансуру, тихонько спросил:

— Что, теперь Давран нас бить будет?

Мансур посмотрел на плачущую мать, он не знал, что ответить брату. Вот ведь как получилось: и у них сестра сбежала из дома, и теперь очень даже может быть, что и их в кишлаке будут дразнить. Станут показывать на них пальцем и говорить, что их сестра мать родную опозорила. Нет-нет, это неправда! Она не опозорила... ведь Халида хорошая!

В этот день братья вышли на улицу только после обеда — все не решались. На их обычном месте, на поляне, что за огородами, мальчишки играли в палочку-выручалочку.

Первым их заметил Мавлян. Он толкнул Даврана: — Смотри, Мансур с братьями...

Давран вышел из игры и пошел навстречу обидчикам, остальные ребята, увидев это, направились за ним.

Жасур остановился, сказал Мансору:

— Они нас окружают.

Мансур сделал вид, что несколько не боится, хотя понял, что ребята не на его стороне. Лоб у него мгновенно взмок, губы пересохли. Но он упрямо шел навстречу своему врагу, потому что отступить было стыдно. Ох, несдобровать ему с братьями! Когда Давран подошел совсем близко, неожиданно для самого себя Мансур крикнул:

— Знаешь, папа сказал, что и наша Халида учиться уехала. Наверное, будут с вашей сестрой в одном городе жить.

Мавлян, услышав это, с важностью посмотрел на приятелей, как бы говоря — ну, что... чья взяла?

А Мансур торопился закончить мысль:

— Наши сестрички правильно сделали. Сейчас все учатся.

— А вернутся — нас будут учить, — радостно подхватил Мавлян.

— Да, да. — У Мансура сразу же поднялось настроение. — Папа сказал, что Халида учительницей хочет быть, как ваша Кумри. — Он обернулся к Жасуру и подмигнул ему ободряюще.

Жасур осмелился подойти поближе, он уже понял, что драки не будет. Ему тоже захотелось высказать свое мнение, и он весело крикнул:

— У нас теперь свои собственные учительницы будут.

Все засмеялись, и Жасур громче других. Он подскочил к Даврану с Мавляном и спросил:

— Правда, здорово?

И те дружно ответили:

— Правда, правда!

— Здорово!

Стоявшие рядом ребята тоже решили принять участие в обсуждении этой темы. Поднялся такой крик, что напуганные воробьи стаей вспорхнули с лужайки.

Когда на шум и крик на улицу выскочили соседки, то-то они удивились: дети мчались по улице, поднимая клубы пыли, и кричали нечто невразумительное:

— И меня!

— И меня тоже!

— И меня будут учить!

И тут до них дошел смысл происшедшего. Минуту-другую матери молча смотрели друг на друга, а затем не выдержали и рассмеялись.

СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ МАМОЙ

Когда же, наконец, наступит это долгожданное «завтра»!

Вечером Надырджан принялся в который раз уже плакать и звать свою маму, и тогда отец, ласково погладив его по головке, пообещал:

— Завтра, сынок! Завтра утром я привезу нашу маму. И не одну.

И вот Надырджан проснулся рано-рано и с надеждой посмотрел в окно, за которым едва брезжил рассвет.

Рядом с Надыром спокойно спал отец, и это спокойствие удивило и огорчило мальчика — неужели папа не боится проспать? Ах, скорее бы утро! Скорее бы увидеть маму! Мамочку!

Только теперь понял Надырджан — как это прекрасно, когда мама рядом. Она всегда так нежна, так ласкова и заботлива. Упал ли Надыр, поцарапал ли пальчик — мама тут как тут — вытрет Надырджану слезы, утешит, приласкает, строго скажет: «А вот мы сейчас накажем этот негодный камень, что попался под ноги нашему мальчику». А уж про обидчиков и говорить не-

чего. Стоит кому-нибудь из соседских ребяташек толкнуть Надырчика или, чего хуже, ударить, мама тут же, точно молния, настигнет драчунов. И тот, кому она надреплет уши, уже никогда не посмеет поднять на Надыра руку. А вот сам Надырджан с удовольствием лупит мальчишек. И мама хвалила его за это — настоящий мужчина должен уметь драться.

Однажды, правда, папа попытался вмешаться.

— Настоящий мужчина, — сказал он, — должен уметь постоять за себя, а драться... драться просто так... нехорошо.

Но мама метнула в сторону отца уничтожающий взгляд, и он умолк и уже не пытался вмешиваться в воспитание сына. Тем более, что мама заявила, что лучше знает, как нужно воспитывать детей.

Ни в чем никогда мама не отказывала любимому сыну, называя его самыми ласковыми, самыми трогательными именами: мой верблюжонок, маленький воробышек.

Ах, скорее, скорее бы вернулась мама. Надыр вновь положил голову на подушку, закрыл глаза. И тут ему почудилось, что в комнату вошла мама. Она посадила Надырджана к себе на колени и, склонившись к самому его уху, прошептала: «А сейчас, мой зайчонок, я расскажу тебе сказку, хочешь?» И мальчик радостно закивал: конечно хочу, мамочка!

— Ну, слушай. Жил-был на свете палван Надырджан. Красивый, умный мальчик. Мама и папа его очень любили.

— А бабушка?

— И бабушка, конечно! И называли его все — наш палван, наш чудесный мальчик!

— А Карим?

— Что Карим? — Мама смеется. — Ах, совсем забыла про этого забияку. Как вы его дразните? Курносый?! Ну, если Надырджан был красавцем, сильным, ловким мальчиком, то Карим-курносый был настоящим хлюпиком, все дразнили его нюней.

— А Равшан и Акил?

— И они были обыкновенными слюнтями. Надырджан мог запросто отлупить любого из них. И потом... Надырчику родители купили столько игрушек, что все мальчишки просто умирали от зависти. Они выпрашивали то велосипед покататься, то автомат, то мяч фут-

больный, но Надыр был умным, послушным ребенком, он знал, что мама не разрешает давать игрушки в чужие руки...

— А дальше, что было дальше? — нетерпеливо спрашивает Надыр.

Мама гладит Надыра по голове, ласково продолжает:

— А дальше... Надыр с годами вырос, занял солидную должность, стал самым уважаемым человеком не только в своей махалле, но и во всем городе, ну, а его друзья, конечно, остались обыкновенными людьми и с завистью смотрели вслед шикарной черной «Чайке», на которой разъезжал знаменитый Надырджан.

— Надырчик, Надырджан! Вставай скорее, мальчик, — папа легонько тормозил Надыра за плечо. — Ну, и горазд ты спать! А я уже маму привез, вместе с твоим братиком!

...В доме был праздник — маленькому Кадырчику исполнилось 10 дней, и все родственники пришли поздравить крошку с этим важным событием. Таких ярких, таких красивых игрушек нанесли, что Надыр даже позабыл про чак-чак и слоеные пирожки с повидлом, а ведь он все утро крутился возле бабушки на кухне, с нетерпением поглядывая на пока еще сырое тесто. Игрушки заворожили Надыра, особенно его поразила электрическая железная дорога. Когда все гости уселись за праздничный стол, Надыр осторожно вошел в спальню, где на маминой кровати в белоснежном конверте сладко посапывал виновник торжества — Кадыр, и снял прозрачную целлулоидную крышку с огромной коробки. Сейчас он выстроит стальной путь и пустит по нему блестящий синий электровоз и разноцветные вагончики, они побегут в дальние дали, увозя Надыра в далекое и радостное путешествие.

Но вдруг мечты его прервал резкий мамин голос:

— Ах ты, негодный мальчишка! Как ты посмел трогать чужие игрушки?

Надыр с недоумением посмотрел на свою маму, не в силах понять, что ее так рассердило. Никогда еще она не разговаривала так со своим сыночком, маленьким верблюжонком! Что же случилось?!

А мама с сердитым видом собирала разноцветные вагончики, так и не успевшие отправиться в дальний путь.

— Запомни,— строго сказала мама,— это игрушки твоего младшего брата. Я запрещаю к ним прикасаться.— И, уложив последним синий электровоз, она унесла большую коробку и спрятала ее.

Надыр не заплакал, но с той минуты он невзлюбил вечно посапывающий комочек — малыша Кадыра, к которому теперь были обращены все мамины ласки, все мамины заботы. Он частенько проникал в комнату Кадыра, когда там никого не было, и норовил ущипнуть брата или дернуть его за маленькое розовое ушко. Кадыр принимался жалобно пищать, прибежала испуганная мама и, догадавшись, в чем дело, больно шлепала своего недавнего любимца.

Однажды бабушка вступилась за старшего внука.

— Оставь, Назира, не бей мальчишку,— сказала она невестке,— я думаю, Надырджан не станет больше обижать малыша.

— Стану, стану,— зло прокричал Надыр.— Я не хочу, чтобы мама рассказывала ему сказки, не хочу, чтобы он вырос палваном и ездил на черной «Чайке».

Бабушка осуждающе посмотрела на свою невестку.

— Надыр растет настоящим эгонстом, пока не поздно, надо что-то делать...

— А, некогда мне сейчас им заниматься,— отмахнулась мама,— вы же видите, у меня Кадырчик на руках!

— Ох, невестушка, испортишь мальчишку,— бабушка горестно покачала головой.

Надырджан убежал в самый дальний угол сада и там дал волю слезам. «Никто, никто меня не любит,— думал он.— Мама теперь только ругает, все нежные, хорошие слова говорит этому противному пищашему Кадыру. Когда обижают соседские мальчишки, некому заступиться за меня, отодрать их за уши. Мамочка,— Надыр заплакал еще горше.— Я хочу, чтобы ты любила только меня, жалела, ласкала». Он вспомнил, как радостно бросился вчера к папе, когда тот вернулся с работы. «Подожди, сынок,— отстранил его отец,— Сначала посмотрим, как там наш малыш». Ах, опять этот Кадыр...

Надыр с утра сидит дома, ему несколько не хочется побегать с соседскими мальчишками, покататься на велосипеде. Надыр ждет — когда же мама уйдет в магазин или на базар! Вот тогда он забежит в комнату, где только и делает, что спит его всеми любимым брат, и отомстит ему за все свои огорчения.

Бабушка уже несколько раз легонько стучала в окно, приглашая внука выйти во двор, где она расчищала цветник. Надыр приставил к окну стул, забрался на него и наблюдал за тем, как бабушка сгребла сухие листья, подрезала разросшиеся ветви винограда. Ему и самому хотелось взять в руки дедушкины садовые ножницы и попробовать ими поработать — это, должно быть, так интересно...

Но нет, он должен все-таки дождаться ухода мамы. А вот, кажется... хлопнула дверь... Да, мама, на ходу завязывая косынку, торопливо пересекла двор.

Надырджан спустился со стула, осторожно, крадучись подошел к спальне и приоткрыл дверь. Ему слышались какие-то булькающие звуки. Что это? Надыр подошел к широкой маминей кровати и увидел своего розового братика. Кадыр сумел сбросить с себя пеленки и, радостно дрыгая ножками, издавал победные звуки — агу, агу. Крохотные пальчики на его ручонках смешно шевелились. Надыр схватил лежавшую рядом погремушку и протянул брату, розовые пальчики тотчас с силой ухватили игрушку. Надыр засмеялся — какой он забавный, его младший брат...

Когда бабушка, закончив работу в саду, вернулась в дом, она застала своих внуков мирно спящими — малыш Кадыр лежал на спине, широко раскинув ручонки, а рядом свернулся калачиком Надырджан — светлая улыбка озаряла его лицо.

СНЕГУРОЧКА

— Наргиза, — ласково сказал папа, — доченька, сегодня к нам на праздник придет... мама.

Девочка, пытавшаяся, стоя на табуретке, дотянуться до верхушки елки, чтобы надеть на нее горящую красную звезду, так и застыла с вытянутыми вверх руками.

«Значит, тетя была права», — подумала она и повер-

нулась к отцу так резко, что тот от неожиданности выронил из рук золотую рыбку. С жалобным треньканьем ударилось об пол хрупкое стекло и разлетелось золотыми брызгами.

Будь это в другое время, Наргиза расплакалась бы от жалости к рыбке, вот уже какой год та украшала собой елочку. Но сейчас ей было не до несчастной рыбки, она чувствовала, что ее настигла беда куда большая. Она спрыгнула с табуретки и со злостью пнула крупный осколок, попавший ей под ноги.

Отец растерялся. Какие слова нужны сейчас, как объяснить ей...

— Доченька, ты уже не маленькая.

Глаза Наргизы гневно засверкали. Вот-вот, то же самое говорила ей тетя Фатима. «Наргизочка, весной тебе в школу идти, ты уже не маленькая, думаю, поймешь». Девочка охотно закивала — конечно, не маленькая, ну, конечно, пойму.

И тогда тетя Фатима спросила:

— Папа тебе уже сообщил новость? Ну... насчет новой мамы?

Наргиза ужасно удивилась:

— А что, разве можно иметь новую маму?

С тех пор, как из их дома навсегда исчезла женщина с нежными, мягкими руками, имя которой было «мама», она жила только смутными воспоминаниями о ней, смирившись с тем, что уже никогда и никто так ласково и так осторожно не будет прикасаться к ее волосам.

Наргиза погладила тетю по пухлым, красным щекам сразу обеими ладошками и беспечно сказала:

— Нет, о новой маме он ничего не говорил...

Желтые, точно у кошки, тетины глаза сузились, она как-то вся подобралась, точно готовясь к прыжку.

— Так-так,— голос тети не предвещал ничего хорошего.— Ну, значит, скоро скажет. А ты,— тут тетя Фатима перешла почти на шепот,— ты не будь дурочкой. Скажи, что не нужна тебе новая мама. Пригрози — убегу из дома, мол, если все-таки приведешь... Не бойся. Я тебя в обиду не дам. Пусть только посмеет пальцем тронуть.

Все это было странно и непонятно. Ну, допустим, бывают новые мамы, но почему от них обязательно нужно бежать.

— Тетя,— спросила девочка,— а что, новая мама плохая?

Тетя Фатима холодно блеснула глазами и зло проговорила:

— Пусть пропадет она пропадом, эта новая мама! Приберет она отца к рукам и будешь ты круглой сиротой. Муж ей нужен, квартира нужна, а не ты, глупая.

Нет, не понимала Наргиза всего, что говорила ей тетя, хоть и была уже не маленькая.

— Почему же та мама была хорошая, а эта плохая? — спросила она.

Словно удивляясь непонятливости племянницы, тетя Фатима объяснила с раздражением:

— Плоха уже тем, что неродная.

Почему тетя так расстроилась, почему злится, ведь надо же узнать все по-настоящему.

— Что значит — неродная? Плохая, злая, да? Вот Нигору мама часто бьет, значит она ей — неродная?

Тетя аж фыркнула от огорчения, что ее не понимают, да еще такие глупые вопросы задают. Оказывается, у Нигоры мама родная. По словам тети Фатимы, когда родная мама бьет своих детей, это значит, она наставляет их на путь истинный, а если неродная мать наказывает, то это потому, что желает чужим детям зла и даже смерти.

И тут Наргизе стало страшно. Желать смерти, наверное, может только Баба-яга. Видела она по телевизору, как эта тощая, носатая ведьма... Ой, нет, нет! Она не хочет, чтобы ей желали зла и даже смерти.

Тетя ушла, а Наргиза с затаенным страхом стала ждать — когда же отец объявит ей о приходе в их дом новой мамы. Но прошел вечер, настало утро, день следующий и еще день. А отец молчал. И Наргиза успокоилась и уже стала забывать об этом разговоре. Как вдруг... В этот праздничный вечер...

— Видишь ли, дочка,— голос у отца словно бы виноватый,— нам нелегко с тобой! Тетя то может прийти помочь, то не может. Я на работе часто задерживаюсь, а ты тут без ужина сидишь...

— Не надо мне никаких ужинов! — перебила его Наргиза, уже догадавшись, куда он клонит.— И новой твоей мамы — не надо! Ни за что не надо!

Отец беспомощно огляделся по сторонам, словно ища поддержки, затем осторожно положил большой зеле-

ный шар обратно в картонную коробку и торопливо, чуть ли не бегом скрылся на кухне.

Он всегда так поступал, когда обижался на Наргизу. Никогда не кричит, не ругается, просто уходит на кухню, садится за стол и, подперев голову руками, о чем-то думает. Долго так сидит, до тех пор, пока Наргиза не прибежит и с виноватым видом не бросится отцу на шею. «Мир?»—спросит она. И отец радостно кивает: «Мир».

Сейчас ее мучал страх перед этой неведомой мамой. Она посмотрела на неубранную елку, на разбросанные по ковру нитки и шелестящую бумагу, в которую прятали яркие праздничные игрушки, когда убирали их до следующего нового года, и ей стало обидно и горько. Захотелось плакать и совсем не тянуло на кухню, чтобы обнять за шею отца.

Она швырнула звездочку, которую все еще держала в руках, обратно в коробку и побрела к себе в комнату, всхлипывая на ходу.

Разве им плохо вдвоем? Как дружно они наряжали елку, а как весело им было в прошлом году. Теперь же — всему конец. Папа, еще не появилась эта неродная, уже сердится на нее. Что же будет дальше? Выходит, тетя Фатима права — новая мама лишит ее отца. Но почему, почему она такая злая? Точно ведьма. И почему папе непременно нужно привести ее в дом?

А что если она сейчас появится? Ведьма с крючковатым носом и огромными, каждый с пилушку, глазами. Войдет в квартиру и... Бр-р... Наргиза сбегала, проверила, хорошо ли закрыта входная дверь. Не заглядывая на кухню, вновь вернулась к себе.

Подошла к окну — двор и дома плавали в темно-сиреневых сумерках, с неба летели крупные, точно ватные, хлопья. Как красиво! Настоящий Новый год. Она открыла, несмотря на отцовский запрет, окно и протянула руки навстречу летящим снежинкам. Белые бабочки охотно селились ей на ладошки, но тут же исчезали — таяли. Вдруг ее внимание привлекла неуклюжая фигура. Все ближе, ближе она, вот стало видно, что это женщина в пышной меховой шубе. А вдруг это она, новая неродная мама... У ...какая противная, толстая, вот только не разглядеть — нос крючком или нет. Господи, кажется, идет к их подъезду.

Она захлопнула окно и, затаив дыхание, стала ждать

звонка. Но все было тихо. Нет, не она. А вот еще идет женщина — длинная и в очках. Да нет же, ведьмы в очках не ходят. Не она это.

— Наргиза! Доченька! — донесся из гостиной голос отца. — Иди посмотри, какой нарядной стала елочка!

Ага, отец первым зовет ее, значит, чувствует себя виноватым. Наргиза еще немного постояла у окна, размышляя — простить ли отца. Но уж очень хотелось взглянуть на елку, и она решительно направилась в гостиную. И ахнула — елка сверкала от множества электрических свечей. А кроме того, был уже накрыт и праздничный стол. Когда же папа все успел и даже не позвал ее на помощь.

— Садись, доченька, за стол. Сейчас будем с тобой праздновать, — сказал отец и украдкой посмотрел на часы.

Лицо его было задумчивым и печальным, так что Наргизе даже стало жаль отца. Откуда ей было знать, что его в этот момент мучают сомнения и обида. Почему не пришла она, говорил его тоскующий взгляд. Может быть, я что-то сделал не так, сказал не то? Но вроде бы ничего такого не было произнесено. «Нафиса-хон только прошу вас всегда помнить, что девочка представляет себе мать...» «Не надо о таком просить, — ответила Нафиса. — Доброта не выдается по чьей-то просьбе». «Нафиса, дочь моя росла без матери, я пытался быть для нее и отцом, и матерью. И потому она, может быть, немного капризна». «Ничего, это мы как-нибудь уладим». Вот и все, что они сказали друг другу перед решающей встречей.

Не могла, конечно же, прочесть отцовских мыслей Наргиза, но крохотным своим сердечком почувствовала, что в этот праздничный день совсем непразднично у него на душе.

— Что, не пришла? — спросила она, опуская длинные ресницы.

— Нет... не знаю, — смутился отец так, словно его уличили в чем-то.

Наргиза посмотрела на отца жалостливо и преданно:

— Но ведь я-то... с тобой...

Она не успела сказать всех утешительных слов — в прихожей задребезжал звонок. Девочка, уже решившая по огорченному виду отца, что можно не бояться прихода этой «новой», безбоязненно побежала к двери. Рас-

пахнув ее, она застыла в изумлении — перед ней стояла Снегурочка. Секунду-другую Наргиза, словно осязавая, возможно ли такое чудо, недоуменно хлопала ресницами. Но, наконец, решив, что возможно, радостно закричала:

— Ура! Снегурочка явилась! С подарками!

Подошедший отец спросил с затаенной надеждой:

— Мы пригласим Снегурочку встретить с нами Новый год?

Наргиза захлопала в ладоши:

— Пригласим! Пригласим! — Она взяла Снегурочку за руки и потянула в комнату. — Идем, Снегурочка, не бойся! Никто больше не придет. И ведьма тоже.

Пальто и меховая шапка Снегурочки были запорошены снегом, с ее приходом квартира наполнилась запахами мороза, свежести и тонких, едва уловимых духов.

Снимая пальто со Снегурочки, отец, не скрывая волнения, прошептал:

— Я так боялся, что вы не придете. Какая же вы умница!

Глаза Снегурочки сияли от счастья, щеки разругались — она благодарно пожала руку Кадырджану.

— Наргиза, малышка, принимай подарки! — И она ласково погладила девочку по голове.

От неожиданности Наргиза вздрогнула — какие чувства пробудил в девочке этот трепетный жест? Когда-то вот так же касалась ее волос другая нежная и мягкая рука — рука мамы. Она вскинула на Снегурочку свои огромные глаза — и в них было столько ожидания, столько надежды, что Снегурочка прошептала отцу:

— Обещаю вам, что никогда не обману ее надежд.

А Наргиза уже ничего не слышала и не замечала вокруг — она была занята подарками, такими, о которых мечтает каждая маленькая девочка.

МАТЬ

Утро осеннего дня было теплым и ясным, и тетушка Рузвон с благодарностью посмотрела на чистое небо, радуясь последним погожим дням. Она облачилась в камзол из суровой бязевой ткани, повязала голову белым платком и, подхватив плетеную корзину с яйцами в одну руку, а узелок, где постукивали банки с маслом

и кислым молоком в другую, отправилась в ближайший крупный кишлак. На тропинке, что вела через холмы в Яккатерак, ей были знакомы всякий кустик, всякая былиночка, ведь каждую неделю ходит она той тропинкой на базар — по средам и воскресеньям, когда рынок особенно многолюден.

Путь не близкий, около часа затрачивает тетушка Рузвон, прежде чем добирается до Яккатерака. Идет, правда, не спеша — годы уже не те, чтобы подобно горной козочке по холмам прыгать, — и все думает об одном. А иногда думы эти неустанные как-то произвольно вырываются наружу, и тетушка Рузвон начинает шептать:

— За яйца можно выручить рубля три, да за кислое молоко два рубля, масло еще... Это только за сегодняшней день... Пока дочка приедет, можно будет приличную сумму собрать. О аллах, сохрани меня ради ее счастья... Дождусь ли я, наконец, Кундуз, свет моих глаз.

И вновь молча идет тетушка Рузвон, глубоко задумавшись. Ждала она свою ненаглядную Кундузой этим летом, но написала вдруг дочь, что раньше осени не будет дома, какие-то дела неотложные задерживают ее в городе. И то сказать, дела, видно, важные. Кундуз закончила в этом году сельскохозяйственный институт, стала, как говорит их сосед Акрам-бобо, специалистом. Хотя, с другой стороны, сам председатель справлялся о Кундуз — очень нужны колхозу образованные, знающие работники.

...Воскресный базар встретил тетушку Рузвон многолюдьем, шумом и гомоном. Она скромно пристроилась в молочном ряду, разложила на белоснежном платке свой нехитрый товар и только тогда облегченно отерла пот со лба — ну, наконец-то, на месте.

— Здравствуйте, бабуля, почем яйца?

Тетушка Рузвон вскинула глаза — перед ней стоял длинноволосый молодой человек с веселыми черными глазами. Она улыбнулась в ответ, сказала приветливо:

— Сынок, заплати по совести, себя не обижай да и мне чтобы выгодно было. А может, ты и маслица возьмишь, такого душистого ты отродясь, наверное, не едал. Домашнее ведь.

Тетушка Рузвон приняла от улыбчивого молодого человека деньги, завернула их в краешек платка и со

вздохом подумала: «Вот и Кундуз там, в городе, все в магазине покупает, да по столовкам питается, наверное, соскучилась уже по домашней-то пище. Ну, ничего, вот придет она домой, уж я выложусь, ублажу молодого специалиста. И лагман ей душистый приготовлю, и манты сочные, и плов ароматный...»

День выдался на редкость удачным, торговля шла бойко. И часа не прошло, как разобрали продукты, и тетушка Рузвон, довольная, поспешила в обратный путь.

К своему удивлению, подходя к дому, она заметила возле калитки Рабияхон, жившую в соседней махалле. Конечно, кишлак их мал, тут почти каждый двор — то родня, то соседи, но с Рабиейхон они как-то мало знали друг друга. Здравствуйте да до свидания — вот и все знакомство. Что же привело эту молодую женщину к ней во двор?! А Рабияхон — сияющая и приветливая — уже спешила навстречу.

— Не уставать вам в трудах ваших, тетушка, — начала Рабияхон ласково. — Как ваше здоровье, как здоровье Кундузой?! Скоро ли мы увидим ее в наших краях?!

Тетушка Рузвон по обычаю похлопывала гостью по спине, отвечала на приветствие, а сама все думала — с чем же пожаловала эта женщина.

И Рабияхон, словно прочитав немой вопрос в ее глазах, радостно выложила:

— Пришла пригласить вас на свадьбу. Муниру выдаем замуж, младшую мою сестру, и мама сказала, что только вам доверяет заплести косы невесте.

Тетушка Рузвон улыбнулась, ответила согласием. Ей нравилось, что в их небольшом кишлаке хранили древние обычаи и традиции. Испокон века так повелось — девушке, которую выдают замуж, косы заплетает самая уважаемая женщина кишлака. Вот уже несколько раз подряд ей доверяют эту почетную обязанность, и она благодарна за это доверие, за уважение. В такие минуты особенно остро чувствовала тетушка Рузвон, что не одинока, что нужна людям.

Думая о предстоящей свадьбе, тетушка Рузвон вспоминала, конечно, о дочери. Девочка выросла, получила образование, может быть, Кундуз и не такая уж краса-

вица, но зато воспитана, послушна, обходительна. Уж для такой невесты женихи найдутся. Но кто же Кундуз будет заплетать косы перед свадьбой?.. Э... и за этим дело не станет. Мало ли у них в кишлаке достойных женщин, да вот хоть бы и Зебинисо-хола, и Саломат-апа... Правда, немногие сейчас помнят уже, как правильно исполнять улан¹. А так хочется, чтобы свадьба дочери была настоящей, чтобы ни в чем, даже в самом малом, этот прекрасный обряд не был нарушен.

Счастье дочери! Ради этого только и жила на свете Рузвон-апа. С тех пор, как умер муж, с Кундузой были связаны все ее мечты, желания, все надежды.

Во всем отказывала себе тетушка Рузвон, даже в малой радости, лишь бы досыта накормить, одеть не хуже других дочь — девочкам-то ведь немало надо. А когда Кундузой поступила в институт, мать купила десяток кур, козу и решила — буду-ка понемногу продавать на базаре яйца да молоко — вот и помощь нам с дочкой, а то с пенсии-то не слишком отложишь на свадьбу.

А там и сама Кундузой работать станет, и муж ее. Только почему равнодушна дочь к джигитам из их кишлака? Ни разу не слышала она из уст дочери имени какого-нибудь парня. А может быть, в городе... Матери неприятно было даже думать об этом, и, тяжело вздохнув, она принялась хлопотать по хозяйству.

Ничего не скроешь, не утаишь в маленьком кишлаке — жизнь каждого на виду. Знают, что было вчера, что случилось сегодня. Прислали из города кому-то письмо, и весь кишлак дружно обсуждает новости...

Вот уже два дня, как жители кишлака передают из уст в уста новое известие — дочь тетушки Рузвон в городе вышла замуж. И мало того, что без родительского благословения, так еще и за вдовца, на руках которого осталось двое маленьких детей. «О, аллах,— вздыхали матери,— убереги наших дочерей от подобной участи, а нас — от позора».

У дурной молвы ноги длинные. Достигла она и ушей тетушки Рузвон.

— Нет, нет, не может быть,— замахала тетушка

¹ У л а н — свадебная песня, исполняемая во время проводов невесты в дом жениха.

Рузвон руками, когда соседка Адолят осторожно спросила — правда ли это?

Да мыслимо ли такое? Ее Кундузой, чистое, светлое дитя... Нет, нет...

Мать поспешно позвала соседского мальчишку Абида, попросила срочно написать письмо дочери — сама-то она уже плохо видеть стала, а очки... да когда с ними возиться, с очками! Это ведь надо к врачу идти, рецепт выписывать, в аптеке заказывать.

Продиктовала мальчишке письмо, не поленилась в Яккатерак сходить, на почте в ящик опустить — так быстрее дойдет до города, и стала ждать ответа. Дни эти показались ей долгими и тягучими, даже на базар она не ходила, боялась — вдруг уйдет, а без нее письмо от дочери принесут.

Тетушка Рузвон во дворе была, кусты роз укрывала, на зиму готовила. Разгорячившись, сняла платок, повесила на ветку джиды. И тут услышала стук в калитку. Старый Каримбай, уже много лет (кажется, со времени войны, когда он вернулся калекой) выполнявший обязанности почтальона, протянул тетушке Рузвон конверт. Обычно Каримбай просовывал письмо в щель калитки, а тут решил лично вручить. Наверное, и он был в курсе дела и знал, с каким нетерпением ждет тетушка Рузвон весточку от дочери.

Не успела калитка захлопнуться за старым Каримбаем, как тетушка Рузвон, забыв о платке, простовололая, кинулась за «своими глазами» — Абидом.

— Абиджан, хороший мой, прочти! — рука ее, когда она протянула мальчишке письмо, дрожала.

«Здравствуй, мамочка! Прости меня. Прости. Но то, о чем ты спрашиваешь — правда. Я не в силах объяснить, как это все произошло. Да, я вышла замуж за человека, который намного старше меня, у которого двое маленьких детей. И сказать по совести, даже не знаю, к кому привязалась больше — к Садыку или к его лишившимся матери ребятишкам. Мамочка, знаю, ты бы не одобрила этот брак, не дала бы согласия... Но сейчас... если только захочешь жить с нами вместе, приезжай...»

— Довольно, Абиджан! Не читай дальше, — замаха-ла тетушка Рузвон руками. — Нет сил слышать все это... Как она могла поступить так со своей матерью! Ведь я и на свете-то живу ради нее одной...

Абиджан испуганно смотрел на тетушку Рузвон, ничего не понимая, не в силах осознать своим детским умом, какое на нее обрушилось горе.

Со всем свыкается человек. Поначалу матери казалось, что не хватит у нее сил жить дальше. Поступок дочери был для нее не просто неблагодарностью — Кундузой предала свою мать в то самое время, когда она больше всего нуждалась в ласке, участии самого близкого, самого родного ей человека. Конечно, думала тетушка Рузвон, это плохо, когда девушка — чистое, светлое создание, чью любовь по чистоте и незамутненности можно уподобить горному ручью, попирая все традиции и обычаи, вот так выходит замуж за вдовца, да еще с двумя детьми!

Но еще хуже, когда дочь теряет веру в собственную мать. Ни словом не обмолвилась Кундузой о замужестве — вот это больше всего угнетало тетушку Рузвон. А она-то думала, что нет и не может быть у дочери жизни, скрытой от матери, нет и не может быть тайн. И это право — на доверие, на беззаветную любовь — тетушка Рузвон, как она полагала, заслужила всей своей жизнью.

Да, со всем свыкается человек. И тетушка Рузвон, отлежавшись, отпоив себя травами, вновь поднялась, чтобы хлопотать по хозяйству — ухаживать за козой, курами, ходить в Яккатерак на базар. Порой ей казалось, что уже не имеет никакого смысла хозяйство ее, базар. Но жить ничего не делая — зачем и жить тогда?

Шло время, смолкли постепенно пересуды, что велись в кишлаке вокруг замужества Кундузой, и вновь соседки приветливо здоровались с тетушкой Рузвон. Правда, теперь редко кто расспрашивал ее о дочери, опасаясь, видимо, расстроить сразу как-то постаревшую мать.

А тут вскоре справляли в махалле свадьбу, и тетушку Рузвон, как и прежде, пригласили на той в числе уважаемых жителей кишлака.

Как ни тяжело было это приглашение, мать его приняла. Пока готовила подарок невесте, наплакалась вволю. Не довелось ей быть на свадьбе Кундузой, да и была ли она у дочери, свадьба-то? Самое прекрасное, самое светлое событие отвергла дочь. Как Кундузой выходила замуж, кто был рядом с ней в эти мину-

ты — тайна для матери. Даже в письмах ничего не рассказывает Кундузой.

С тяжелым сердцем переступила тетушка Рузвон порог дома, где вот-вот должен был начаться праздничный той. На женской половине было шумно и весело, но как только в комнату вошла Рузвон-апа, женщины примолкли. Кое-кто приветливо поздоровался, однако нашлись и такие, кто, поджав губы, отвернулся. «Какие же злые люди бывают на свете», — подумал Рузвон-апа, слезы навернулись ей на глаза. Она вышла во двор, где суетились мужчины — одни готовили плов, другие расстилали курпачи для гостей, — и тут к ней подбежали стайкой девушки.

— Рузвон-апа, скорее, мы вас ждем, — обратилась к ней самая бойкая из них. — Невесте пора косы заплетать. Заходите, заходите.

Девушки подхватили тетушку Рузвон под руки, завели в комнату, где одевали в свадебный наряд невесту.

Невеста, совсем еще юная, стояла с заплаканными, но... счастливыми глазами. Тетушка Рузвон, и сама не зная почему, робко приблизилась к ней, ласково спросила:

— Деточка, так ты хочешь, чтобы я заплела тебе косы?

— Конечно, тетушка, — закивала Азада, — ведь вы перед свадьбой заплетали косы и Зебинисо, и Кумрихон...

Не успела Азада договорить, как в комнату стремительно вошла одна из ее родственниц. Она бросила неодобрительный взгляд на тетушку Рузвон, заплетавшую невесте косы, покачала головой и с решительным видом удалилась.

И тут же во дворе послышался ее крикливый голос.

— Вы только посмотрите, что происходит! — обращалась она к окружающим ее женщинам. — Мать, не сумевшая вырастить достойную дочь, осмеливается заплетать невесте косы. Может быть, она еще и улан петь будет!

Тетушка Рузвон вздрогнула, точно от удара. Так вот что теперь думают о ней в кишлаке — не сумела вырастить достойную дочь, а значит, и сама — человек, недостойный уважения!

Тетушка Рузвон, пошатываясь, вышла во двор, вжав

голову в плечи, точно ожидая удара, побрела мимо враз умолкнувших женщин к калитке.

А на следующий день в базарной сутолоке можно было увидеть старую простоволосую женщину со странной улыбкой и ничего невидящим взглядом. Протягивая руки навстречу прохожим, она тихо предлагала: «Вот свежие яйца, а вот домашнее масло. Беру недорого, мне лишь бы скопить немного денег на свадьбу дочери. Берите, берите и заплатите по совести...»

ТАКАЯ СУДЬБА

Мать прямо-таки расцветала в обществе этих милых женщин. Одна была из их же кишлака, две другие — ташкентские. Приезжают уже в третий раз, привозят дорогие гостинцы, говорят неторопливо, с достоинством — слушаешь и хочется пожелать меда на их уста.

Жених — известный художник, обеспечен, хотел бы взять девушку скромную, искреннюю, не испорченную городскими соблазнами. Конечно же, будет невеста учиться дальше, выберет себе профессию согласно пристрастию.

Мать охотно кивала — как хотелось ей, чтобы дочь получила высшее образование, жила в столице, в обеспеченной, культурной семье. Еще неизвестно, сможет ли она и дальше содержать Рахиму, тянуть в институте. Младших детей поднимать надо, а одна-то попробуй-ка...

Приятно слушать речи сватий, и согласие готово сорваться с языка матери, но... не рано ли заводить речь о свадьбе?! Только-только заканчивает Рахима школу, совсем еще ребенок — наивный, чистый. Попыталась мать рассказать о визите ташкентских сватий, девчонка лишь отмахнулась — вот глупости. Да и неизвестно, что в ее сердце — ходит за Рахимой тенью Бахрам, весь кишлак об этом знает. Ходить-то парень ходит, а вот она как?

Нет, и на этот раз мать не смогла дать определенно-го ответа. Рахима... только она может решить свою судьбу...

Легким ветром ворвалась Рахима во двор — походка у нее стремительная, летящая. Мать чутко уловила — нахмуренные брови говорят, что дочь не в настроении. Девушка прошла в свою комнату, с ходу швырнула портфель на письменный стол, сердито пробормотала: «Вот

еще, вот еще!» Это относилось, конечно же, к Бахраму, потребовавшему сегодня окончательного ответа.

— Рахима, так мы едем в Ташкент?

— «Мы», — передразнила она Бахрама.

— Ну да... мы. Мы с тобой. Поступим в сельхоз, станем агрономами... вернемся в кишлак...

Рахиме стало скучно. Ну, сейчас начнет... тонковолокнистый, устойчивый к вилту, небывалых урожаев...

Разные они... Бахрам видит землю, а она — небо. Бахрам считает центнеры, а она — пролетающих в небе журавлей. Для нее воздушная хлопковая коробочка — белое чудо, тайна мироздания, для него — высокий урожай. Он твердо знает, кем станет, а ее мечты расплывчатые, романтичны. И доверяет она их лишь листам бумаги, и прячет свои робкие, но искренние рифмы так далеко, что порой и сама потом не может отыскать. Вот еще, вот еще! Придумал — ехать с ним!

Когда мать вошла в комнату, Рахима уже переоделась и сидела задумавшись за столом. Мать присела рядом, и Рахима, догадавшись по ее торжественному и взволнованному виду, о чем сейчас пойдет речь, принялась торопливо и сосредоточенно листать книгу, изображая занятость.

Мать посидела немного молча, поглядывая то на фотокартонку, что держала в руках, то на сосредоточенно читающую дочь, затем вздохнула и положила снимок на книгу, перед глазами Рахимы.

— У них уже ноги покрылись мозолями. Нельзя ведь так — заставляем их из города туда-сюда ездить. Они люди воспитанные, ничего не говорят, ответа ждут, а мы с ответом-то тянем...

Мать бросила пыливый взгляд на дочь и увидела, как та вспыхнула, щеки розой алой зацвели. Мать облегченно вздохнула — ну, слава богу, хоть слушает, а смутилась — значит поняла, что дело серьезное. Самое главное сейчас — не упустить момента, заинтересовать, заставить задуматься.

— Доченька, ты знаешь — нам надеяться не на кого. Был бы жив отец... Ты моя опора в жизни. Сама хорошо устроишься в жизни и мне будешь помогать. А у них, судя по всему, дом состоятельный...

Рахима нетерпеливо перебила ее:

— Да кто они такие, мама?! Почему именно меня выбрали?

Это уже был интерес, и мать вдохновилась и стала расписывать, не жалея красок, семью, в которую с удовольствием бы отдала Рахиму, хотя, по чести сказать, у нее самой представление об этой семье основывалось больше на эмоциях, чем на точном знании.

— Говорю же — культурные люди, — заключила она свою пылкую речь. — Да вот, и по фотографии видно, что не простой он человек.

Рахима вроде бы равнодушно посмотрела на карточку и удивительно... уже не могла отвести взгляда. Какое странное лицо! Особенно глаза — они как будто широко распахнуты в мир, но где-то на самом доньшке их таится печаль, и оттого выражение лица у этого человека — напряженное, как бы чего-то ждущее.

Но главное было в другом — она знала это лицо и эти глаза. И пыталась вспомнить, где же она видела это лицо?

Вздых матери заставил ее встрепенуться, отодвинуть фотографию, но странные глаза словно притягивали к себе и о чем-то просили. О чем?

И вдруг ее осенило — конечно же, это было на выставке, в Ташкенте. Она ездила к подруге, и Кумрихон, как она выразилась, осуществляя культурную программу, повела ее на выставку молодых художников.

Чуть ли не полдня провели они, обходя картины в трех залах. С непривычки у Рахимы даже голова разболелась — столько красок, столько сюжетов, как впитать это разом! Когда они с Кумри собрались уходить, подруга спросила:

— Ну как, здорово?

Рахима смутилась, но ответила честно:

— У меня перед глазами все, точно в калейдоскопе, вертится. — Помолчала и добавила: — Знаешь, из всего, что здесь есть, я бы в комнате у себя повесила вон те пейзажи.

Кумри с недоумением оглядывалась, дескать, какие это? Рахима подвела ее к понравившимся картинам, и подруга громко и восторженно воскликнула:

— О, ну ты даешь! Разбираешься! Да это же Бахыдир Иногамов, восходящая звезда. Хочешь на него посмотреть?

И не дожидаясь согласия Рахимы, потянула ее в фойе, где группа художников отвечала на вопросы посетителей.

— Вон тот, высокий, в вельветовом пиджаке, можешь пообщаться, если хочешь.

Рахима с откровенным любопытством сельской девочки принялась рассматривать будущую звезду, мысленно удивляясь Кумрихон, у которой, пожалуй, хватит смелости и «пообщаться».

Взгляд ее, видимо, был столь пристальным, что художник стал невольно оглядываться. Встретив восторженные и напряженные глаза Рахимы, он минуту-другую сосредоточенно изучал ее лицо, затем вдруг широко и радостно улыбнулся, как бы осознав, что эта девочка отдает ему дань признания. Баходыр Иногамов улыбался, и глаза его были словно распахнуты в мир.

Вспомнила, она все вспомнила. Даже то, что эта улыбка долго еще потом согревала ее, что свои смутные мечты и надежды как-то невольно соединяла она с этой радостной улыбкой.

Так вот кто он, ее жених! Сам Баходыр Иногамов! Возможно ли такое? Почему именно на ней, незнакомой девочке из кишлака, остановил он свой выбор? Или он пресыщен вниманием столичных красавиц?

Ах, какое заманчивое предложение. Совсем другая жизнь ждет ее впереди — жизнь среди людей искусства, вдохновенных, романтических, одержимых страстью творчества. Вновь предстали перед взором Рахимы пейзажи, поразившие ее на выставке. Она почувствовала в них трепетную, радостную попытку воссоздать гармонию — хрупкую, ускользающую стихию.

И возле пейзажей, словно китайские фонарики, зажглись для нее эти глаза. Рахима радостно вздохнула от пришедшей в голову мысли — такие глаза могут быть только у чистого в помыслах человека, они не способны обмануть. А сейчас с фотографии они смотрят словно бы вопрошающе — что ответишь ты, юная Рахима?

И подчиняясь какому-то неизведанному еще порыву, она чуть было не крикнула — да, да, да! Но присутствие матери останавливало ее, сдерживало от откровенных признаний.

— Знаешь, мама, — сказала Рахима задумчиво, — это похоже на сказку. Нам с тобой обещают золотые горы, а что будет потом... как знать?

Мать покачала головой и с грустью ответила:

— Не думай, что я польстилась на эти самые «зо-

лотые горы». Просто...— она на секунду замялась, затем решительно заключила:— Как ты скажешь, дочка, так и будет. Решай свою судьбу сама.

Рахима сердцем поняла, почувствовала — чего-то не договаривает мать. Она словно бы впервые увидела ее до времени увядшее лицо, раннее, но уже четкие морщинки, вечно озабоченные глаза. И натруженные, с вздувшимися жилами руки. Рахиме стало невыразимо жаль свою мать, и она тут же простила ей ее откровенное, но понятное желание «хорошо устроить» дочь.

— Мамочка,— голос ее дрогнул,— а может быть, это и есть моя судьба?

Губы матери задрожали, из глаз брызнули слезы. Она поднялась, молча поцеловала Рахиму в лоб и осторожно, словно боясь спугнуть пришедшее к ним единодушие, вышла из комнаты.

С задней парты ей услужливо передали заклеенный не слишком-то аккуратно, как тут же отметила Рахима, конверт. Она и без подписи знала от кого — Бахрам не унимается. Ее охватило смущение. После того, как она уже почти дала согласие на свадьбу с Баходыром, читать послания от школьного поклонника вроде бы не тактично. Совсем было решила отправить треугольник назад, на последнюю парту, но любопытство все же пересилило сомнения. Она развернула лист. «Срочно нужно поговорить. После уроков не уходи, подожди меня».

Рахима небрежно пожала плечами. Сколько же их уже было — срочных и окончательных разговоров. Ну уж нет, хватит с нее выяснения отношений. Не собирается она его ждать.

После звонка, схватив заранее уложенный портфель, Рахима выскочила из класса. Но уже во дворе поняла — Бахрам следует по пятам. Она гневно обернулась и, к своему удивлению, встретила... не то чтобы осуждающий, но во всяком случае какой-то непривычный взгляд Бахрама. Рахима уже привыкла, что и глаза его, и весь вид излучали всегда лишь покорную преданность. И вот... Что бы это значило, что с ним такое происходит?

Она решила узнать, в чем дело, и безропотно позволила Бахраму взять из ее рук портфель. Какое-то время они шли молча,— что тоже было непривычным — ведь, как правило, Бахрам тараторил, не закрывая рта,— и наконец она не выдержала.

— Ну, Бахрамчик, что у тебя за очередной важный разговор? Выкладывай.

Но Бахрам не спешил. А потом вдруг забежал вперед и словно бы преградил дорогу. Но это решительное действие как-то не вязалось с растерянным выражением его лица. Судя по всему, он не решался сообщить ей что-то действительно важное.

— Ну, так что же — будем молчать? — нетерпеливо осведомилась Рахима.

— Я, понимаешь, обдумываю... как объяснить одну вещь... вернее...

— Да что ты мямлишь! — вскипела Рахима. — Говори... или я уйду...

Бахрам вздохнул.

— Странно... — он помолчал секунду-другую. — Странно, что ты выходишь замуж за человека, которого совершенно не знаешь!

Рахима густо покраснела, ей было неприятно это слушать. И мать хороша — еще ведь ничего серьезно не обговорено, еще и жениха она не видела, а уже весь кишлак знает о замужестве. Нехорошо это, как-то не серьезно.

Увидев, что Рахима смутилась, Бахрам приободрился.

— Я не верю, что это твой выбор. Мать дочку выдает, а она не смеет послушаться. Верно? — В голосе Бахрама были мольба и надежда на то, что Рахима подтвердит сейчас его догадку.

Но Рахима посмотрела своему верному другу прямо в глаза, и взгляд ее был серьезным и грустным. Она покачала головой...

— Нет, Бахрам, ошибаешься. Я сама, сама дала согласие.

Бахрам в растерянности отступил, как бы пропуская Рахиму вперед. Она взяла у него из рук свой портфель и пошла прочь. Отойдя на несколько шагов, услышала, как вслед ей Бахрам почти выкрикнул:

— Странно! Очень странно!

Рахима обернулась, сказала с улыбкой:

— Ну что же тут странного? Все девушки когда-нибудь выходят замуж.

Бахрам не двигался с места, и она вернулась, взяла его за руку.

— Почему так смотришь? Что, осуждаешь меня?

— Не осуждаю. Просто знаю, ты еще пожалеешь...

В голосе Бахрама было столько горечи, обиды, нежности, что у Рахимы сжалось сердце. Ее решение с замужеством уже не казалось ей столь необходимым.

— Пожалеоу? Откуда у тебя такая уверенность? — тихо спросила она.

И тут Бахрам не выдержал:

— Да ведь он глухой! Разве ты не знаешь? Совершенно...

Рахима замерла, осознавая услышанное. Да нет же, нет, этого быть не может. Бахрам просто смеется над ней. Глаза ее сверкнули гневом:

— Врешь... Злишься на меня, вот и придумал!

Бахрам жалко улыбнулся, вид у него был побитый: он уже жалел, что сказал ей это. Но отступить было поздно.

— Я говорю правду, Рахима. Соседка ваша, ну, которая этих сватий к вам привела, матери моей проговорилась.

Она не помнила, как добрела до дома. Только бы не встретить мать, ни о чем не говорить, не думать. Не думать! А мысли, одна мрачнее другой, терзали душу. Хорошо еще Бахрам предупредил. Вот бы потешались над ней в кишлаке, уж злые языки нашли бы себе работу. Захотела, мол, поскорее замуж выскочить, захотела столичной жизни, прямо без разбора бросилась за первого подвернувшегося.

Но он-то каков — этот знаменитый Баходыр Иногамов! В Ташкенте, видно, не нашлось такой дурехи, так кишлачную решил взять. Она достала из портфеля фотографию, положила перед собой, сказала со злостью:

— Ну я сейчас расправлюсь с тобой! Разорву твою фотографию на мелкие клочки. Подлец ты, а не художник!

Она так разволновалась, что руки дрожали и не повинувались ей. Вдруг взгляд ее наткнулся на конверт, прислоненный к антенне телевизора. Обратный адрес: Ташкент.

Она плотно прикрыла дверь и распечатала конверт.

Сердце ее учащенно билось. Сама не зная почему, она тут же поняла, что письмо от Баходыра, и ей так захотелось, чтобы все, что обрушил сейчас на нее Бахрам, оказалось неправдой.

«Здравствуйте, незнакомая девушка Рахима! Пишу, чтобы выразить искреннее сожаление по поводу всего происшедшего. Дело в том, что лишь два дня назад я узнал о сватовстве. Извините, бога ради, извините мою мать — без моего ведома (а лишь по совету вашей соседки) она послала своих родственниц в кишлак. Простите старой женщине ее желание устроить счастье сына. Но она упустила самую малость, она забыла, что счастье нельзя добыть бесчестным путем.

Я смотрю на вашу фотографию и чувствую, как глаза кишлачной девочки спрашивают: а что ты за человек? Честный, чистый? Нет, Рахима, я не обману ваших юных надежд. От всей души желаю вам найти настоящую любовь, настоящее счастье. А я не имею на вас права, у меня — другая судьба. Нет, нет вы не подумайте, я не чувствую себя забытым, одиноким. Случилось несчастье, после гриппа — вдруг осложнение, но со мной осталась моя высокая любовь — искусство, со мной мои друзья.

Еще раз извините нас, меня и маму, Рахима. И светлого вам пути!»

Рахима, дочитав письмо, бросилась на кровать и рыдалась. Она и сама толком не понимала, отчего рыдает. От радости ли, что все-таки глаза Баходыра не обманули ее, от невыразимой ли грусти, что пора детства кончилась и надо принимать решение, от которого зависит не только ее судьба, но и судьба человека, так неожиданно ворвавшегося в ее жизнь.

Наплакавшись, она еще долго лежала, размышляя, и то улыбалась, то хмурила брови. А когда в окно послала робкий луч первая звезда, Рахима встала, включила настольную лампу и принялась писать ответ. Все, что она передумала, сложилось у нее всего в несколько строк.

«Баходыр-ака! Я все знаю. И я согласна быть вашей женой».

СВАТОВСТВО

Ох, уж эти девчонки — любопытный народ! Если услышат, что кого-то просватали, так загалдят, так пристанут к подружке, что она сочтет за лучшее на все их вопросы ответить подробно и исчерпывающе. Что за парень? Красив ли? Высокий или коротышка? Где учится или уже работает? Нет... пока все им не выложишь, не отделаешься. Такие вот мы, девушки.

Я и сама с удовольствием расспрашивала подружек, пока очередь не дошла до меня.

Однажды, когда я возвращалась из школы, на углу нашей улицы меня остановили две пожилые женщины.

— Дочка,— сказали они,— не покажешь ли нам дом Шариповых? Ну, где хозяина Батырбаем зовут?

Я удивилась, ведь они назвали имя моего отца. Что нужно этим незнакомым женщинам в нашем доме?

— Милая,— сказала та, что постарше.— У Батырбая есть дочь, твоих лет примерно. Ты ее случайно не знаешь?

И тут меня точно жаром обдало — мною интересуются. Неужели...

А женщина, идя рядом, простодушно рассказывала:

— Слышали, девушка она очень хорошая, воспитанная. И красавица. В кишлаке нашем живут дальние родственники Шариповых, так мать Мавжуды частенько их навещает. Эти родственники нам и посоветовали.

Мне стало отчего-то стыдно, я опустила голову, чтобы не увидели они моего пушцового лица.

— Не с тобой ли Мавжуда учится? А какое у нее поведение? Серьезная ли?

Я до того смутилась, что и не подумала, что слова мои могут показаться очень резкими:

— Не знаю, ничего не знаю. И где живут Шариповы — тоже не ведаю.

Женщины даже остановились, удивленные моим ответом, а я чуть ли не бегом бросилась прочь. Вслед мне донеслось смущенное:

— Вай-вай, не сама ли это дочка Шариповых?

Так вот, оказывается, как это бывает. Часто, когда мы болтали с подружками о женихах, я, чтобы развеселить их, говорила — ну, пусть только пожалуют ко мне свахи, угощу их чаем, заваренным чуть теплой водичкой, напьются они этой бурды, сразу поймут, что пришли

сватать недотепу. Сбегут от такой невесты. Ну так вот... пришли они, свахи... Что же делать теперь?

Да и как можно сватать за незнакомого человека? Кто этот парень? Почему именно меня выбрал? Или родители и не спрашивали его, точно так же, как меня?

Мама была во дворе, хлопотала возле летней кухни. Я не стала ей ничего говорить, прошла сразу к себе в комнату.

Не успела переодеться, как услышала стук в калитку — уже знакомые мне женщины вошли во двор. Значит, все точно — именно к нам и шли свахи, по мою душу, вернее... судьбу.

Ничего не хочу слышать, знать. Не выйду к гостям, пусть мама сама их принимает.

Мама принялась хлопотать, угощать женщин, любезно с ними беседовать. Я нет-нет да выскакивала на айван; спрячусь за занавеской и пытаюсь понять — огорчена мама или нет? Но грусти на ее лице не было. Напротив — оживлена, радостна, будто ей золотые горы посулили.

Еле дождалась я, когда женщины уйдут. Как только калитка захлопнулась за ними, я бросилась к маме: — Кто такие, зачем пожаловали?

Мама хитро прищурилась:

— Будто бы не знаешь! Сама ведь их в дом привела, сватий-то своих.

— Что же вы им ответили, мама? Почему у вас настроение хорошее?

Мама рассмеялась.

— Настроение хорошее потому, что дочка у меня хорошая. Плохую сватать не станут.

Я обиделась, мне показалось, что мама легкомысленно отнеслась к визиту сватий. Охваченная гневом, сказала маме зло и резко:

— Зря стараетесь. Весной я в институт поступаю, учиться буду. И вообще замужество — мое личное дело. Поняли?!

Убежала я тогда к подружке Ханифе и там наплакалась вдоволь.

В доме об этом больше разговоров не заводили, и я стала успокаиваться. Даже девочкам ничего пока не говорила, решив, что ни к чему лишние пересуды.

Но сватьи не забыли дорогу в наш дом. Явились с подарками, деревенским угощением. И родители встре-

тили их так, точно замужество мое — дело уже решенное.

Я возмущилась. Особенно разозлил меня отец, заявивший, что он не собирается ждать согласия дочери. Ну уж нет, решила я, меня вы под старые обычаи не подведете. И я твердо заявила:

— Не выйду за человека, которого в глаза не видела. Да и рано еще мне.

И скандалили родители, и уговаривали, но я стояла на своем.

— Сказала не выйду, значит — не выйду.

И тогда мама пустилась на хитрость. Зазвала как-то лучшую мою подружку Ханифу и говорит ей:

— Ханифа, доченька, ну хоть ты повлиай на эту гордячку. Она еще глупая, не понимает, что от счастья своего отказывается. Семья у парня уважаемая во всем кишлаке, сам он тоже дальше учиться намерен. А уж до чего хорош собой, видела я его, знаю. А она видеть не видела, а уже считает, что недостойн он ее. На вот, хоть фотографию его покажи ей.

Я слышала про этот обычай, который, оказывается, и сейчас жив в кишлаках. Если жених и невеста не знакомы друг с другом, сватья фотографии несут. Понравится фотография, считай, согласие получено. Поэтому, прослышав о сватовстве, подружки всегда требуют: а ну-ка, покажи фотографию. Нам понравился, значит, и тебе понравится.

Как-то пришла я в класс и увидела такую картину: все девчонки окружили Ханифу, что-то выхватывают друг у друга из рук и так галдят, что ничего понять невозможно.

Увидев меня, все разом смолкли, и Адиба — самая бойкая у нас в классе — подскочила ко мне и, тыча пальцем в фотографию незнакомого мне парня, сказала с тревогой в голосе:

— Мавжу... если дашь согласие... станешь несчастной.— Она помахала фотографией у меня перед носом и спросила: — Сама-то хоть видела?

Я покачала головой, сразу сообразив, о ком идет речь.

Девчонки опять загалдели, Адиба прикрикнула на них и протянула мне снимок:

— На... посмотри на своего суженого.

Но я отдернула руку и лишь мельком увидела очень юного, улыбающегося парня. Ничего дурного в его ли-

це не было, напротив, оно было даже, как мне показалось, приятным.

— А что, эффектный парень,— сказала Ханифа.— И сразу видно — добрый. Посмотри, какая у него открытая улыбка. Злые так улыбаться не умеют.

— Ты что тут агитпункт устроила? — перебила ее Адиба.— Не свои мысли высказываешь, мамочка Мавжуды тебя упростила. Верно? А иначе откуда бы у тебя фотография жениха появилась.

Ханифа смутилась, а я подумала в этот миг о ней как о предательнице. Действительно, чего бы ей так стараться за незнакомого парня — разве по фотографии можно судить о характере и достоинствах человека?!

Я так разозлилась, что выхватила из рук Адибы лощеный прямоугольник и разорвала его на мелкие кусочки. Остаться в школе в этот день я уже не могла. Домой бежала так, словно там случился пожар. Еще не успев закрыть за собой калитку, я закричала, едва сдерживая слезы:

— Мама! Зачем вы это сделали?!

Мама бросилась с испугом ко мне, решив, видно, что я заболела. А я, как только она подошла ко мне, бросила ей под ноги клочки фотографии.

— Вот так будет и со сватями, если они вздумают еще раз явиться.

Мама мгновенно зажала мне ладонью рот и прошептала в самое ухо.

— Замолчи сейчас же, неблагодарная...

И только тут я заметила сватий, присутствие которых стало уже привычным в нашем дворе. Забыв о правилах приличия, я громко и зло крикнула:

— Уходите, уходите прочь! — и пулей вылетела на улицу.

Домой вернулась поздно вечером, ждала скандала от взбешенных родителей, но все было тихо — со мной не желали разговаривать. Но все проходит, забылось и это.

После школы поступила я в медицинский институт. Курс у нас подобрался дружный, веселый, мы все свободное время проводили вместе. Я относилась ко всем ровно, но вот в отношениях с Анваром чувствовала себя неуверенно.

И сама не могла понять — что со мной происходит. Когда подружки принимались кокетничать с ним, я зли-

лась. Если же он говорил что-нибудь приятное мне, то смущалась и отходила в сторону.

Что-то в нем было мне знакомо. Какое-то смутное воспоминание просыпалось в душе, когда я смотрела на Анвара, на его лучистые глаза и добрую улыбку.

Скоро я уже не в силах была скрывать от себя, что влюбилась. И стала бояться, что невольно — словом или жестом — выдам себя. И так девчонки уже нет-нет да подшучивали надо мной.

А он? Я терялась в догадках — как же он относится ко мне? Никогда словом он не давал мне понять, что выделяет среди остальных. Но вот взгляд его говорил о многом — в нем было столько нежности, столько участия и даже... восхищения.

Господи, говорила я себе, неужели это всего лишь мои фантазии? Неужели я придумываю эти восторженные взгляды, этот интерес ко мне, только ко мне?

Мы окончили первый курс, он уехал на каникулы домой, а я все лето провела в мечтах и в ожидании.

Но когда, наконец, начался учебный год, я растерялась, совершенно не зная, как себя вести. Девчонки, те умели кокетничать, лукавить, хитрить, а я вместо того, чтобы «завлекать» парня, без конца ему говорила дерзости, а потом сама же и расстраивалась, и злилась.

Нельзя так, нельзя, говорила я себе. И вот однажды решилась все-таки на одну из девичьих уловок, чтобы выяснить наконец: нравлюсь я ему или совершенно безразлична.

Один из однокурсников, Муминджан, ходил за мной, точно тень, но я относилась к его знакам внимания равнодушно. Однако это никак не действовало на его пылкие чувства.

Однажды на лекции я написала интригующую записку и послала ее на соседний ряд Муминджану. Тут же получила от него ответ. Посмотрела на Анвара — он записывал лекцию и делал вид, что происходящее у него под носом его не трогает.

Ну, ничего, ничего, подумала я, и послала новую записку... Так мы перебрасывались посланиями с Муминджаном до тех пор, пока на мою руку не легла рука Анвара.

— Ну, хватит,— сказал он спокойно и решительно скомкал очередную записку.

А я смутилась и обрадовалась одновременно: «Вот так, дружок, раскусила я тебя все-таки!»

После лекции Анвар догнал меня, сказал извиняющимся тоном:

— Я поступил грубо...

В голосе — нежность, желание загладить вину. Я промолчала, не могла же я признаться, что проделала все это лишь для того, чтобы разжечь в нем ревность и спровоцировать на признание. Я ждала этого признания, и Анвар сказал:

— Мавжу... вы, наверное, поняли, что я... ревную вас. Теперь вы знаете, что я...

Он замолчал, а сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Впервые я почувствовала себя в его обществе свободно и уверенно, впервые посмотрела прямо ему в глаза и призналась:

— Я и хотела это узнать, — и мне показалось, что он понял, что я имею в виду.

С тех пор мы были неразлучны. Все новые и новые достоинства открывала я в Анваре и уже поняла, что не смогу жить без него.

На зимние каникулы приехали в Ташкент его родственники. Не знаю почему, но я ужасно волновалась. Мне казалось, что Анвар непременно должен был сказать им обо мне. Мать с сестрами погостили несколько дней и уехали.

Значит, Анвар промолчал?

Как-то мы сидели в скверике за учебником. Но то и дело нас что-нибудь отвлекало. Я подняла с земли увядший желтый лист, сказала:

— Так далеко до весны.

Анвар посмотрел на меня задумчиво и неожиданно спросил:

— Хочешь знать, что я сказал матери?

Желтый, сморщенный лист выпал у меня из рук; не помню, как прошептала:

— Что же ты сказал?

Анвар лукаво улыбнулся.

— Сказал: засылайте сватов.

— Как?! Сейчас? Может быть, стоит подождать?

— Да ты не беспокойся, мама и так не дала согласия. — И Анвар весело рассмеялся.

Я растерялась, не знала, как поступить — стыд и обида душили меня. А Анвар продолжал смотреть на меня с беспечной улыбкой. Наконец, видя мое замешательство, он сказал, с сочувствием качая головой:

— Бедная мама боится посылать сватов, ведь однажды их уже выгнали из твоего дома.

Мгновенно я вспомнила ту весну, когда заканчивала десятый класс, и настойчивых сватий, зачистивших в наш дом с подарками. Так вот оно что! Вот кого мне прочили в мужья! Господи, как же я не узнала эти глаза, что навевали смутные, туманные воспоминания!

— Анвар,— воскликнула я в еще большей растерянности,— неужели это ты?!

— Да я, тот самый, за кого сватали строптивую девочку с косичками. Очень мне обидно было тогда, что какая-то гордячка мою фотографию в ключья разорвала.

— Анвар! Если бы я знала! Если бы только знала! Он взял мои руки в свои и спросил:

— Ну, а теперь, когда знаешь, что ответишь?

А я только знала, что не сумею скрыть от него своей радости, своего счастья. И еще поняла, что никогда не догадаюсь по его загадочной, лукавой улыбке, знал ли он, за кем ухаживает?!

ЗАПОЗДАЛОЕ СЧАСТЬЕ

Отчего не уснуть... Оттого ли, что луна сегодня так ярка и ласкова, или это не дают покоя счастливые мысли?

О, разве могла думать Наима раньше, в длинные ночи, когда от горя, от обиды на судьбу хотелось кричать, кусать подушку, разве могла она предположить, что и предчувствие счастья может рождать беспокойство, лишать сна.

Осторожно, стараясь не разбудить мужа, Наима поднялась с постели, босиком подошла к зеркалу.

Как необычна сегодня луна, в призрачном перламутровом свете потонула комната, и чудится, что все предметы в ней куда-то плывут. И сама Наима, отраженная в зеркале, в своей легкой ночной сорочке, словно парит... Наима поднимает руки, точно крылья, и радостно смеется. Но тут же прикрывает рот ладонью и быстро

оглядывается. Нет, нет! Еще рано говорить об этом мужу, рано дарить столь долгожданное известие.

Наима всматривается в отражение в зеркале — неужели эти счастливые глаза принадлежат ей? Ей — женщине, отчаявшейся стать матерью?

И прежде надежда не раз окрыляла ее, но шло время... и ожидание оказывалось напрасным.

А вдруг и сейчас... Она вся сжалась от непереносимой мысли. Но нет, не может быть, ведь достаточно посмотреть той женщине, что улыбается сейчас ей из зеркала, в глаза, чтобы поверить — счастье близко. Глаза эти лучатся, и в то же время в них трепещет, бьется беспокойство. Не то беспокойство, в котором боль, испуг, а беспокойство радостного ожидания, озабоченности, новизны.

Наима нахмурилась — что это она ликует прежде времени! Завтра — обязательно к врачу. Приняв это решение, она на цыпочках подбежала к постели, неслышно, точно птица в гнездо, юркнула под одеяло и, не удержавшись, обвила шею мужа холодными руками.

За завтраком Фархад несколько раз останавливал на жене удивленный, вопрошающий взгляд, точно спрашивал — что бы это все значило. Наконец, не выдержал, сказал, обращаясь к матерн:

— Посмотрите-ка, матушка, на свою невестку, да она просто цветет сегодня.

Фатима-хола улыбнулась, поспешно «поплевала» через левое плечо — упаси аллах от дурного глаза, ласково потрепала молодую женщину по плечу.

— И я, сынок, примечаю, хорошеет моя невестка.

Наима смутилась, бросила взгляд на Фархада и замерла от неожиданности. Муж был смущен не меньше ее.

Но почему? Неужели догадывается? А может быть, и он уже просто боится загадывать, боится верить... Ведь недаром последние дни ведет Фархад себя как-то странно — возбужден, рассеян. Такой вид у мужа, будто он чего-то опасается, что-то скрывает.

Наима ласково улыбнулась мужу и подумала — ничего, мой дорогой Фархад-ака, сегодня — визит к Ахметовой, и я избавлю ваши глаза от растерянности и тревоги, а ваше сердце от мучительного ожидания.

В женской консультации, как обычно, народу было много. Наима заняла очередь к врачу и раскрыла детектив; идя сюда, она всегда брала какое-нибудь легкое чтиво — ее страшили разговоры, которые здесь велись. Но сегодня даже сногшибательная интрига зарубежного детектива не могла отвлечь молодую женщину от одной не дающей покоя мысли — так что же скажет Диля Юлдашевна, врач, наблюдающий ее вот уже пять лет?

В конце двадцатых годов Ахметова окончила медицинский и вот до сих пор работает. Не раз собиралась на пенсию, но тут весь персонал женской консультации буквально восставал — начинались уговоры, просьбы, убеждения — она считалась лучшим специалистом не только в районе, но и в городе.

Однако любили и ценили Ахметову не только за высокий профессионализм, но и за глубокую человечность. Женщины открывали ей самое сокровенное, делились тем, чем ни за что не смогли бы поделиться даже с самыми близкими людьми.

Как умно, терпеливо, понимающе беседовала она с Наимой, когда та в слезах, с отчаянием в сердце приходила сюда, умоляла о помощи.

— Девочка моя, — ласковый голос Дили Юлдашевны действовал успокаивающе. — Ты здорова. Понимаешь ли — здорова. Не надо отчаиваться — семейная жизнь сложна. Я уверена, твое счастье — впереди.

Так что же услышит Наима сейчас?

Она вошла в кабинет, увидела доброе, ласковое лицо старой, столько повидавшей на своем веку человеческой радости и человеческой боли женщины, и нервы ее не выдержали — она разрыдалась.

Диля Юлдашевна, несмотря на преклонный возраст, легко поднялась, устремилась навстречу пациентке, которую она хорошо, ох, как хорошо знала!

— Ну, ну, девочка, успокойся, — тихо заговорила Ахметова. — Ведь ты еще не выслушала приговора, а уже паникуешь. Сейчас все станет ясным.

Наиме не стоило трудиться излагать, с чем она пожаловала, врач прекрасно знала это и без нее.

...Закончив осмотр, Диля Юлдашевна мыла руки, а Наима, сидя на стуле и прижимая руки к бьющемуся сердцу, следила за ее действиями почти безумным взглядом.

дом. Да не молчите же вы, не молчите, кричал этот взгляд.

Диля Юлдашевна, мягко улыбаясь, подседа к Наиме, взяла ее дрожащую руку, тихонько погладила почти ледяную кисть.

— Ну, ну, девочка! Да разве же так можно — надо уметь владеть своими чувствами, особенно теперь.

При этих словах Наима стремительно вскочила.

— Что... что вы сказали!

И вновь Ахметова мягко, но решительно взяла ее за руку, усадила рядом.

— Я говорю, нервничать тебе теперь строго воспрещается, — Диля Юлдашевна ласково улыбнулась. — Ты станешь матерью.

Легкий осенний ветерок трепал ее волосы, золото и пурпур бросали под ноги клены и чинары.

Как красив Ташкент в начале октября! Еще ласковое солнце согревает землю, еще многие деревья стоят по-летнему зелеными, еще царит многоцветье на клумбах, но уже пропитан воздух тонким, нежным ароматом сухой травы, опавших листьев, уже желтые и красные тона начинают главенствовать в природе.

Наима медленно шла по устлавшему асфальт золотому ковру. Какое звучное слово — листопад. Она улыбалась. Но куда же идти?! Возвращаться на работу совсем не хочется. Ну какая сегодня может быть работа, когда у нее... такой день. Может же, в конце концов, женщина хоть однажды позволить себе незапланированные капризы. Домой! Конечно, домой! А до этого стоит зайти в парикмахерскую — сделать маникюр, а может быть, отважиться на какую-нибудь замысловатую прическу? Хотя нет, не надо причесок — Фархаду нравятся ее косы. Правда, многие сотрудницы уверяют, что это уже не современно, что нынче в моде стрижки, а уж если волосы длинные — то их следует укладывать. А вот муж уверяет, что косы — это так женственно.

Фархад! Любимый! Вот и в наш дом входит настоящее счастье!

Дом без детей — что мазар! Как жестока эта народная пословица. Пять лет она бременем давила на сознание двух любящих друг друга людей!

Да — любящих! Ведь только любовь все это время

удерживала Фархада возле нее. Как он был терпелив, как тактичен. Никогда — ни словом, ни жестом — не дал понять жене, что разочарован. А ведь Наима знает, как любит Фархад ребятишек, как жаждет иметь своих.

Наима прекрасно помнит тот случай, когда муж взялся помочь соседке перенести через арык детскую коляску. В коляске лежал крепыш с глазами, точно черные бархатистые сливы. Малыш так энергично «работал» руками и ногами, так трогательно агукал, что Фархад не удержался и взял его на руки. И надо было видеть, как осторожны, как расчетливы были движения этого человека, сколько нежности и... затаенной грусти было в его глазах.

Всю ночь тогда не сомкнула глаз Наима. О! Она уже смирилась с бесцеремонными вопросами соседюшек. Особенно досаждала ей Мархамат-апа. Всякий раз эта, не знающая куда деть свободное время, тетушка останавливала молодую женщину и начинала «сочувствовать». «Лечись, джаным, лечись,— приговаривала она ей, — а то, не ровен час,— тут тетушка бросила взгляд на окна Наимы,— заведет себе Фархад-ака подружку».

Наиму всю передергивало от подобных речей, но... даже с этим смирилась она. А вот как смириться с грустью, не покидающей любимых глаз!

...С легким шорохом падает крупный платановый лист, опускается Наиме прямо на плечо. Она на минуту замирает, оглядывается в поисках скамейки — но тут, на шумной магистрали, присесть негде. Хотя — скоро «Дворец искусств», там чудесный скверик. Так хочется посидеть на воздухе, привести мысли в порядок — обрушившееся на нее радостное известие прямо-таки выбило Наиму из колен.

Но... не волноваться, ни при каких обстоятельствах не волноваться — теперь ей это запрещено. «Ты — будешь матерью!» О, теперь она станет следить за своими чувствами, ей надо быть спокойной за двоих.

Ну, Мархамат-апа, отныне прегради-ка мне только дорогу — уж я сумею независимо и гордо пройти мимо, сумею достойно ответить на твои домыслы насчет Фархада-ака.

Она вспомнила толстую, рыхлую физиономию соседюшки, вспомнила, каким недобрым огоньком горели ее узкие хитрые глазки, когда однажды она «пропела» Наиме чуть ли не в самое ухо очередную сплетню.

— Уж очень ты доверчива, джаным, чиста сердцем.— Прикосновение руки женщины показалось ей тогда липким. А та не унималась:— Что-то не видно по вечерам твоего муженька, джаным, где же это он, красавец, гуляет-пропадает?

Ох, уж эти злые языки, эти ядовитые слова!

Наима, растерянная, встревоженная, взбежала по лестнице на третий этаж, открыла дверь, тяжело дыша, прижалась к косяку.

На кухне хлопотала свекровь, готовя ужин.

Фархад был мужчиной крупным, сильным, любил хорошо, вкусно поесть, и Фатима-хола как могла баловала сына. Сейчас, судя по запаху, готовились манты.

Наима прошла в комнату, не переодеваясь, опустилась в кресло,

Манты — любимое блюдо мужа. Но придет ли он вовремя, пока они будут еще свежими, горячими?

В последние дни все чаще и чаще задерживается Фархад после работы.

Когда подобное случилось впервые, а было это примерно год назад, Наима до глубокой ночи простояла на балконе — прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку. Она не знала, что и думать! А вдруг случилось непоправимое — сердце ее при этой мысли сжималось от боли.

Но вот к дому лихо подкатила светлая «Волга», хлопнула дверца. Она узнала Фархада. Наима подбежала к двери, распахнула ее, не дожидаясь, пока муж поднимется, крикнула:

— Что случилось, Фархад-ака?

А он поднимался тяжелой, неуверенной поступью. На площадке второго этажа задержался, чиркнула спичка о коробок, видно, муж закурил.

Наима повторила вопрос, но он прошел мимо молча, не поднимая глаз.

Долго мылся, громко отфыркиваясь, в ванной, а когда наконец вышел, она увидела, что лицо его как-то странно отяжелело, глаза были красными.

От ужина, который она поспешно разогрела, отказался, но чай пил с жадностью, точно его терзала жажда.

— Так что же все-таки случилось, Фархад-ака?— не выдержала Наима.— Я так волновалась.

Фархад поднял на нее тяжелый взгляд, ответил равнодушно:

— Ну и напрасно волновалась! Как видишь — я жив и здоров. — И видя, что жена не собирается оставлять своих расспросов, закончил: — Я очень устал, прошу, оставь меня в покое...

Наима вздрогнула точно от удара — прежде никогда муж не позволял себе такого грубого тона в обращении с ней.

Накинув на плечи теплый пуховый платок, она вновь вышла на балкон. Слезы обиды душили ее. Ну, конечно, если бы были дети, отец с большей охотой рвался бы домой... А так...

Послышались шаги, и на балконе появился смущенный Фархад.

— Наима, — в голосе его звучали виноватые нотки, — извини.

Сильными руками он взял жену за плечи, повернул к себе, поцеловал в заплаканные глаза, и она, мгновенно забыв обиду, доверчиво прижалась к его большому, сильному телу.

Но с того дня Наима жила в постоянной тревоге. Внимательно стала присматриваться к мужу, взвешивала каждое его слово, придавала значение каждому жесту, каждой мелочи, и от всего этого нервничала еще больше, изводилась сама, изводила своим страдальческим видом мужа.

Все реже бывали теперь у них минуты полной духовной близости, когда двое говорят по душам, когда делятся друг с другом самым сокровенным.

Фархад сдержал обещание — никогда он больше не позволял себе резкости, но... что-то светлое, чистое ушло из их отношений, какая-то недоговоренность легла между ними.

Она чувствовала, что мужа тяготит пребывание дома — он стал пользоваться малейшей возможностью, чтобы отправиться в командировку.

Однажды, когда его отсутствие затянулось, жуткая мысль пришла в голову:

«А что если он ни в какой не в командировке, а...» Додумывать до конца не было сил. Только не это. Она не сможет жить, существовать без его сильных, но таких нежных рук, без его лучистых глаз, которым она не может, просто не может не верить.

Фатима-хола видела, как терзается невестка, женское чутье подсказывало ей, что не так уж все прекрасно в семье, как может показаться. Ей жаль было Наиму, но что она могла сделать, чем помочь?

Однажды хола все-таки не выдержала, обняла Наиму за плечи, принялась ласково увещевать:

— Доченька, не надо так изводиться. Вернется, прилетит скоро наш сокол. Ничего не поделаешь — работа есть работа.

Ее узловатые, загрубевшие от постоянной работы руки почувствовали, как задрожали хрупкие плечи невестки.

— Ах, мамочка,— из груди молодой женщины вырвался не то стон, не то вопль боли.— Неужели... плечи ее затряслись еще сильнее,— неужели Фархад больше не любит меня!

Фатима-хола прижала к груди голову Наимы, принялась гладить своей шершавой ладонью шелковые ее волосы.

— Да что ты, доченька, что ты придумала такое,— голос свекрови дрожал.— Разве найти ему лучше, краше тебя?

— Ах, мама, мама,— с горечью прошептала Наима.— Краше! Да разве в этом дело?! Неужели вы не понимаете, что тоскует ваш сын по детям, по радостному крику и гомону в доме!

...Когда, наконец, муж вернулся, Наима решила поговорить с ним начистоту.

На второй день позвонила в конструкторское бюро и попросила Фархада после работы зайти за ней — чтобы вместе отправиться домой.

— Нужно выяснить отношения,— сказала она строго.

Фархад заволновался.

— Какие отношения, что произошло?

До конца рабочего дня оставалось еще полтора часа, когда муж примчался в ателье. Наима как раз должна была делать примерку заказчице.

Фархад уселся в кресло, взял со стола изрядно потрепанный журнал мод и, скептически усмехаясь, перелистал несколько страниц. Затем посмотрел на пробежавшую мимо жену — та спешила в примерочную кабину с ярко-красным платьем на вытянутой руке. Невысокого роста, с тонкой талией и округлыми бедрами, Наима была статной, какой-то удивительно ладной. А глаза!

Такие глаза не нуждались ни в туши, ни в карандаше. И румянца жене не занимать. А уж волосы — любая женщина позавидует!

Двое шли по вечернему городу — взволнованные, притихшие. Как давно вот так не встречались они. Утром каждый спешил на работу, вечером — он за газетами или у телевизора, она — либо на кухне помогает свекрови, либо устраивает «постирушки».

— Наима, — нарушил Фархад молчание, — а ты по-прежнему красива.

Она повернула к нему лицо — в глазах ее блстели слезы.

— Все по-прежнему, — проговорила она тихо. — По-прежнему красива, по-прежнему люблю вас. Но я, — голос предательски задрожал, хотя она и поклялась себе утром оставаться спокойной до конца, — я на все согласна... даже на развод...

Он посмотрел внимательно на жену и увидел перед собой женщину, сразу вдруг поникшую, готовую смириться с любым ударом судьбы...

Острое чувство жалости наполнило его душу. Он поспешно вынул из кармана белоснежный платок, тот, что так заботливо приготовила она утром, осушил ей слезы.

— Наима, неужели ты думаешь, что, потеряв тебя, я буду счастлив?

На мгновение молодая женщина замерла, а затем, словно весенний порыв ветра, бросилась к мужу, обвила руками его шею.

— Ну скажите, Фархад-ака, что не сможете без меня прожить, скажите, что я самая лучшая на свете!

Прохожие шли мимо, с удивлением оглядываясь на плачущую женщину и смущенно улыбающегося мужчину.

Но какое дело было сейчас этим двоим до прохожих!

...Нет, не пойдет она ни в какую парикмахерскую, лучше поспешит домой да поможет Фатиме-хола приготовить на ужин что-нибудь вкусное — сегодня в их доме счастливый вечер.

Она подняла несколько опавших листьев, самых ярких, самых красивых — пусть они послужат памятью о

сегодняшнем теплом золотом дне,—спрятала в сумку и направилась к дому.

Обычно Наима открывала дверь своим ключом, но тут изменила привычке — энергично и нетерпеливо принялась звонить.

— Да иду же, иду,— послышался ворчливый голос свекрови. Фатима-хола распахнула дверь и удивленно всплеснула руками.

— Ой, доченька, это ты, оказывается! Почему так рано?

Вместо ответа Наима подхватила старушку за талию и закружила по комнате. А когда остановилась, с удивлением уставилась на вещи, разбросанные на столе,— маленькое, подбитое шелком одеяльце, несколько белоснежных распашонок, теплые пеленки.

А Фатима-хола стояла посреди комнаты и смущенно качала головой.

— Не сердись, доченька, но старые женщины никогда не обманываются в таком деле...

Наима схватила распашонку, прижала к своим пылающим щекам.

— Это правда, мамочка! Я только что от врача.

Вдруг взгляд ее упал на спинку стула — там висел пиджак Фархада. Наима недоуменно посмотрела на свекровь — как же так, ведь именно в этом пиджаке муж сегодня утром отправился на работу.

— Да, да, доченька, Фархад приходил,— проговорила хола в ответ на немой вопрос невестки. И уже совсем тихо добавила:— Приходил переодеться. Его неожиданно отправили в командировку. Сказал — по срочному делу. А еще сказал — вернется дня через два...

Фатима-хола вздохнула и поспешила на свое «рабочее место» — к плите.

Наима же, к своему удивлению, ничуть не огорчилась, узнав об отъезде мужа. Ее душа была открыта сейчас только для радости. Что ж, свекровь права — работа есть работа. Но зато какой радостной будет их встреча. Уж она сумеет выпросить, вымолить у него прощение за свои подозрения, оскорбительные для любящих сердец. Она скажет ему:

— Фархад-ака, любимый! Я вздорная, неумная женщина. И как только могло прийти мне в голову, что вы способны... Нет, вы — благородный, вы — великодуш-

ный! Вы верили в наше счастье, и вот теперь мы будем по-настоящему счастливы.

Наима вновь закружилась по комнате.

«Фархад-ака, у вас будет свой крепыш. И вы будете прижимать его к груди, будете подбрасывать своими сильными руками...»

Она подскочила к висевшему на спинке стула пиджаку мужа, схватила его и подбросила несколько раз вверх...

— Вот так, вот так будет взлетать наш малыш!

Из кармана пиджака на пол выпал четверо сложенный листок.

Наима наклонилась, чтобы поднять его, и с удивлением увидела, что это телеграмма.

В их доме не было никогда секретов друг от друга, и, не задумываясь, она развернула бланк и прочла:

«Фархад-ака! Поздравляю! У вас родился сын! Приезжайте скорей!

Ваша Машхура».

ВИНА

Дверь резко распахнулась — в кабинет вошла бледная и решительная Мухаббатхон. Ее гневный взгляд предвещал бурю, и Наим Пулатович как-то инстинктивно втянул голову в плечи; рука, потянувшаяся к пепельнице, чтобы загасить сигарету, заметно дрожала.

Жалкий вид мужа несколько охладил Мухаббатхон. Да что же это такое с ним происходит — сидит сгорбившись, понурился уже сплошь седую голову, взгляд отсутствующий, словно он сейчас мыслями где-то далеко, на другом конце света.

Уловив, что в настроении жены произошла некая «положительная» перемена, Наим Пулатович выпрямился и поднял голову, избегая, однако, встречаться взглядом с глазами Мухаббат.

— Ну, что нового на земле? — сказал он первое, что пришло в голову, чтобы хоть как-то разрядить предгрозовую атмосферу.

Этот полушутливый вопрос напомнил Мухаббат о цели ее прихода, но запал уже несяк, и потому она без особого возмущения, скорее устало, проговорила:

— Что же мне, разорваться между вами, что ли?

Сын говорит одно, муж — другое. Объясните толком, что происходит? Не вы ли три дня назад были согласны взять ее в невестки? Что за шайтан вас с толку сбивает? Этак ведь даже в старые времена молодым людям не препятствовали.

Наим Пулатович наконец-то решился посмотреть жене в лицо — возле губ у нее залегли скорбные складки, а в глазах — печаль, от гнева и следа не осталось.

— Ну, что вы, честное слово, не сошелся же на ней свет клином! — пробормотал Наим Пулатович, и вновь плечи его обмякли и опустились.

— Да вы в своем уме, отец? Ведь сын любит ее! Любит! Почему вы противитесь?!

Муж молчал, сосредоточенно глядя в угол комнаты, и Мухаббат поняла — разговор будет долгим. Она опустилась на старенький диван, и пружины его жалобно заскрипели под грузным телом.

Мухаббат тихоночко, в такт своим невеселым мыслям, покачивала головой. Она не знала, что говорить, что делать, как вести себя. Решение мужа было столь неожиданным и нелепым, что трудно было найти ему здоровое объяснение.

Давно уже всл сын разговоры о женитьбе и даже фотографию своей избранницы показывал.

Все вроде бы шло нормально. Наим Пулатович, глядя на фотографию, пошутил: «О, эта девушка в моем вкусе, наш мальчик умеет выбирать!»

И вдруг это ничем не объяснимое упрямство — отец не дает согласия на свадьбу. Почему, что случилось — Мухаббат терялась в догадках. Девушка красивая, воспитанная. Неплохая, видно, хозяйка — когда Ахмад впервые привел Халиму в дом знакомиться, девушка принесла с собой в модной объемистой сумке солидный кулек печенья. «Угощайтесь, это я сама пекла», — сказала она, лукаво улыбаясь. И с матерью Халимы Мухаббатхон успела познакомиться — Ахмад как-то уговорил ее заехать в гости к будущей невестке. Отца, правда, Халима лишилась рано...

На этой мысли Мухаббатхон словно споткнулась. А может быть... Глаза ее вновь гневно засверкали.

— Послушайте, Наим-ака, неужели вас смущает то, что девочка росла без отца?

И тут она увидела, что муж ее вздрогнул.

— Отец, какой отец? — не проговорил, а будто выдал из себя Наим Пулатович.

— Как это какой? Обыкновенный? У каждого ребенка должен быть отец. Ну, а у нее нет, кажется, он погиб в аварии, как мне Ахмад говорил.

Мухаббатхон поморщилась, видя, что разговора с мужем не получается. Он либо отмалчивается, либо несет такую околесицу — ну, вот хотя бы как сейчас, насчет отца. Ох, уж эти мужчины, и вроде бы знаешь их досконально, каждый шаг предсказать можешь, а они вдруг раз — и преподнесут сюрприз. То ли дело женщины! Ну, вот хотя бы мать Халимы...

— Послушайте, Наим-ака! Ничего плохого в том нет, что мать растила девочку одна. Зато какая это замечательная женщина! Ведь она всю жизнь оставалась верна памяти мужа, целиком посвятила себя заботам о дочери. В наше время мало таких!

Наим Пулатович вдруг резко поднялся с кресла и неуверенной походкой подошел к окну. Распахнул его — казалось, ему трудно дышать.

Мухаббатхон замолчала. Странно — почему ее слова заставили мужа страдать, на нем прямо-таки лица нет. А что если он считает этот брак неравным? Как-никак, Наим Пулатович — директор крупного совхоза, известен на всю область. А Халима? Дочь безвестных родителей?! Но ведь это глупо, да и не свойственно это ее мужу — он человек не кичливый, открытый по натуре.

Наим Пулатович продолжал стоять у окна спиной к жене, и чувствовалось по всему — ему хочется прекратить тягостное объяснение и остаться одному.

Мухаббатхон решила было уйти, но мысль об Ахмаде остановила ее. Сын за три эти дня похудел, румянца на его смуглом, до того всегда жизнерадостном лице как не бывало. Взгляд живых, ласковых глаз стал тусклым. И в то же время решительная складка залегла у губ. Чего доброго, надумает из дома уйти, не получив родительского благословения. Она представила, как Ахмад мечется сейчас по своей комнате, и одна только мысль владеет им — сумеет ли мать уговорить отца перемнить решение.

Мухаббатхон не выдержала, взмолилась:

— Наим-ака, одумайтесь, прошу вас, пожалейте сына, один ведь он у нас, единственный.

Муж, все еще стоявший у окна, резко обернулся и

при этом неловким движением руки уронил с тумбы хрустальную вазу.

В другом случае Мухаббатхон устроила бы мужу порядочный разнос за содеянное, а сейчас она равнодушно взирала на грудю осколков — что ваза, жизнь сына может сломаться. Да и вид Наима Пулатовича пугал ее — болезненный, потерянный.

Вот он тихо приблизился к жене и почти шепотом проговорил:

— Никогда, слышишь, никогда не будет моего согласия...

По тому, каким тоном было это сказано, Мухаббатхон поняла — все! Теперь уж ни мольбы, ни истерика, ни угрозы — ничто не поможет. За четверть века совместно прожитой жизни она убедилась — когда муж начинает говорить с ней вот так тихо, но твердо — это значит, им принято бесповоротное решение.

Жена безнадежно махнула рукой, на глаза ее навернулись слезы; она поднялась с дивана, как-то неуверенно постояла еще несколько секунд посреди комнаты и направилась к выходу.

— Пусть зайдет Ахмад, — услышала Мухаббатхон уже в дверях.

— Проходи, сынок, садись! — в голосе Наима Пулатовича звучала печаль, а глаза смотрели так, словно он искал у Ахмада сочувствия и понимания.

Сын, однако, садиться не стал; скрестив руки на груди, он прошел к окну.

Наим Пулатович прекрасно понимал состояние сына — кто может запретить Ахмаду любить эту девушку! Как объяснить сыну, где найти такие слова, которые бы вместили в себя всю боль, все смятение, которые испытывает сейчас он — его отец!

Как рассказать о прошлом, которое мстит за себя теперь! Ведь именно перед сыном вина его всего больше и непрощительнее!

Наим Пулатович схватился за сердце, дышать становилось все труднее. Ахмад, в упорном молчании смотревший в окно, инстинктивно обернулся. Он видел — отцу плохо, очень плохо, — но ни слова участия не слетело с его плотно сжатых губ.

— Сынок, — Наим Пулатович тяжело опустился в кресло, — скажи мне, сынок, как ты поступишь, если я

все-таки запрешу тебе жениться на Халиме, категорически запрешу? — почти шепотом закончил он.

Ахмад смотрел на отца с усмешкой, на его бледном лице Наим Пулатович прочел решимость, которой раньше никогда не замечал. Да, великое это чувство, любовь! Настоящая любовь! Когда-то и он испытал это чувство, но... предал любовь, и свою, и...

— Сын, выслушай меня. Ты не должен, не можешь жениться на этой девушке... Дело в том, что мать Халимы... Я хочу сказать, что знал эту женщину! Давно, в молодости, но у меня не хватало мужества оставить тебя сиротой. Мы любили друг друга, и вот теперь только я узнал, что Халима... она твоя сестра!

Сын, точно пьяный, пошатываясь, вышел из комнаты.

И тогда вся та громада, что называлась виной, со страшной силой обрушилась на отца.

Наим Пулатович подумал в ужасе — простят ли его сын, Мухаббатхон и та, которую он когда-то любил...

ОДИНОЧЕСТВО

Когда же это успела измениться погода? С утра ярко светило солнце, и вот уже все небо заволокло сплошной черно-серой пеленой, застучали по стеклу редкие, но настойчивые капли.

Разом смолкли за окнами громкие голоса детей, не слышно даже настырных воробьишек, которым, кажется, любая погода нипочем.

В комнате стало сумрачно, и Кумри с трудом различала мелкий шрифт.

Она отложила книгу, посмотрела на настенные часы — до вечера еще далеко, а уже темнеет.

Кумри подошла к окну, распахнула его — со двора повеяло промозглой сыростью. Дождинки падали на лицо, на руки. Серо, неуютно на улице, еще вчера полыхавшие золотом листья, сейчас почерневшие, съжившиеся, плывут в мутных арыках, сбились грязными охапками по обочинам дороги.

Ей стало не по себе — то ли судьба бедной Керри выбила ее из колеи, то ли погода подействовала. На душе, что на дворе сейчас: неуютно, серо, тоскливо.

Листья... Кончился их короткий век, завтра дворник длинной метлой сгонит их в большую кучу, а там...

Кумри поежилась, не хотелось дальше думать. Мысли о коротком веке были неприятны, они вносили в душу тревогу, сомнения...

Скорее захлопнуть окно, не видеть торжества глубокой осени, убивающей летнюю красоту. Надеть теплый халат, согреться... Еще вчера было так тепло, что чудилось — лету и конца не будет. И вот дождь, осень... Как быстро летит время.

Вот и она, кажется, лишь вчера ушла из родного дома, а прошло уже четыре года. Четыре весны, четыре лета, четыре...

Кумри вскочила с тахты, судорожно вцепившись в воротничок халата, вновь подошла к окну.

Идут годы, проходит и может увянуть жизнь, как те листья, на которые обрушилась непогода.

Машинально она принялась одеваться — оставаться одной в сумрачной комнате не было сил. Достала из шкафа юбку, свитер, оделась перед зеркалом — на нее смотрела молодая женщина, все еще стройная и красивая. Кумри подошла поближе, вглядываясь в собственное отражение, — стали заметны в уголках глаз мелкие морщинки, резче обозначилась черточка, залегшая между бровей. Захотелось ударить эту зеркальную гладь! Да она просто изо дня в день уродует Кумри! Раньше-то ведь не было ничего этого — кожа ее напоминала спелый персик, упругий, розовый, бархатистый!

Неужели это правда, что после тридцати женщина быстро стареет. Кумри с беспокойством приблизилась к зеркалу — а ведь еще недавно ее сравнивали с розой! Кумри горько улыбнулась — роза, кажется, отцветает! И когда увянет совсем, не будет нужна никому.

Дождь кончился, а Кумри, не замечая этого, шла к трамвайной остановке с раскрытым зонтом.

Взгляд ее все никак не мог оторваться от листьев, даже в сумерках поблескивающих золотом, которые пока еще чудом держались на ветвях, и тех, что уже потеряли всю свою красоту и прелесть и покорно лежали на мокром асфальте.

Вдруг Кумри замедлила шаг — куда же она идет? Домой? При воспоминаниях о родных тяжело вздохнула — редко, ох, как редко бывает она в родном доме.

И, по совести сказать, в последнее время что-то и не тянет ее туда. Брат, как примерный семьянин, помогает жене по хозяйству, мать занята с внуками. У них свои разговоры, свои, пока еще не понятные Кумри, заботы.

Громыхая на стыках, подошел трамвай. Кумри сложила зонтик, вошла в вагон.

То ли потому, что было воскресенье, то ли из-за дождя, но народу в трамвае почти не оказалось.

Кумри прошла в середину вагона и села поближе к сбившимся в кучу пассажирам.

Она смотрела, как по стеклу сбегали уже последние, редкие капли, пейзаж за окном казался нечетким, словно расплывающимся.

Как, оказывается, хорошо вот в такую погоду ехать в полупустом трамвае и думать, думать о чем-то своем, сокровенном...

— Рустам-ака, поправьте мне, пожалуйста, волосы, а то на глаза падают!

Голос женщины был до того мелодичен и ласков, что Кумри невольно оторвала взгляд от окна.

Напротив сидела молодая женщина с грудным ребенком на руках, муж стоял рядом — в левой руке он держал пухлый портфель, а правой поправлял ей выбившуюся из-под яркого платка черную пышную прядь.

Кумри поразило то, с какой трогательной нежностью молодой муж ухаживал за женой. А в глазах его — счастье.

«Сразу видно — молодожены, — подумала Кумри и еще отметила про себя: — Некрасивая, губы слишком полные.

Некрасивая... а муж, однако, смотрит на нее так, будто перед ним райская гурня».

Чувство зависти и горечи охватило Кумри. А ведь было время, когда и на нее смотрели вот так же трогательно и нежно.

Она повернулась к окну. Дождь усилился, по стеклу вновь застучали холодные капли, напоминая ей горькие слезы.

Кажется, ее остановка. Да, ей выходить! Но вставать не хотелось. Она представила родной дом, мать... Нет, не стоит с таким настроением появляться перед матерью, расстроится она, глядя на любимую дочь.

Сначала расстроится, а потом примется упрекать —

вот, мол, не послушалась родительских советов, а теперь...

Кумри вспомнила тот злосчастный день, в который она приняла твердое решение жить отдельно от родителей, уйти из родного дома.

Невестка тогда в очередной раз принялась уговаривать Кумри выйти замуж за «подходящего жениха», сунув ей в руку фотографию молодого мужчины.

Кумри долго молча смотрела на «очередного претендента», затем отрицательно покачала головой.

Злые огоньки сверкнули в глазах невестки, она вырвала фотографию и выскочила из комнаты. Через минуту Кумри услышала доносившийся из кухни сердитый голос матери.

— Кто же тогда достоин ее, если и этот плох оказался! Один стар для нее, второй слишком молод, третий некрасив! Да разве не прекрасной парой был бы сй Хуснитдин? А Эркин, а Рахимджан? Да у шайтана, наверное, и то более сговорчивый характер! То твердила — пока не закончу институт, замуж не выйду! То в аспирантуру поступила. А теперь что за отговорки... Нет! Сил моих больше нет терпеть такое. Да что же соседи-то подумают! Скажут — не нужна никому!

Кумри вздрогнула, дойдя в своих воспоминаниях до этих жестоких слов, до того момента, когда она, вся краснея от обиды и стыда, вбежала в кухню и крикнула срывающимся голосом: «Хорошо! Я согласна пойти на встречу!» В ту ночь она почти не спала — все думала о своей несложившейся личной жизни. А ведь и правда, Хуснитдин был парень хоть куда. Высокий, стройный. Будущий хирург. Он настаивал, чтобы они поженились, а она заявила, что пока не закончит учебу — замуж не выйдет!

Эркин ей казался гордецом, высокомерным франтом.

С Рахимджаном поссорились по-глупому на первом же свидании. Парень пригласил ее к себе в институт на новогодний вечер. Есть что-то в зимнем празднике — встрече Нового года — неуловимо прекрасное. Кумри любила этот праздник и собиралась на встречу с Рахимджаном радостно, в возбужденно-приподнятом настроении.

Увидев нарядную, раскрасневшуюся от быстрой

хотьбы по морозцу Кумри, Рахимджан застыл в изумлении. Он смотрел на нее в немом восхищении, и Кумри почувствовала, как это приятно — иметь власть над мужчиной, да еще над мужчиной красивым, обаятельным.

Рахимджан провел ее в зал, где уже царило веселье, с трудом отыскал два свободных места за скромными студенческими столиками. Но не успели они устроиться, как перед ними вырос молодой человек и, глядя восхищенно на Кумри, весело проговорил:

— О, прекраснейшая из прекрасных... не отвергайте... приглашаю на танец.

Кумри кокетливо взглянула на Рахимджана. Сегодня она явно имела успех, и это кружило голову. Рахимджан сначала смущенно опустил глаза, но, быстро справившись с собой, широко улыбнулся и сделал вид, что ему все равно — примет Кумри приглашение неизвестного поклонника или нет.

Кумри досадливо дернула плечом — а она-то надеялась, что кавалер сообразит сам ее пригласить на танец. Нет?! Ну, что ж! Она поднялась и положила руку на плечо незнакомцу, а в следующий момент уже кружилась под звуки праздничной музыки.

Когда Кумри вернулась на место, она застала Рахимджана все таким же улыбающимся. Небрежно рассматривая шампанское в бокале, он тихо проговорил:

— Как вы считаете, правда ли, что красивые девушки чаще всего легкомысленны?

Кумри переменилась в лице, от ее прекрасного, приподнятого настроения не осталось и следа. Она вскочила и, не глядя на Рахимджана, бросила:

— Что ж, придется вам поискать подругу посерьезней...

Потом, бессонной ночью, она мысленно согласилась с Рахимджаном — красивые, как правило, бывают легкомысленны. Может быть, оттого, что слишком уверены в себе, в неотразимости своей красоты? И вот чем это кончается! Родная мать уже не верит, что дочь в состоянии самостоятельно найти спутника жизни, требует, чтобы Кумри знакомилась с женихом, «найденным» сердобольными соседками.

...И, конечно же, все произошло именно так, как она себе представляла. Жених с фотографии держался не-

уверенно, смущенно — не знал, что сказать, что делать.

Кумри готова была сквозь землю провалиться от стыда. Ею владело одно-единственное желание — бежать с этого тщательно подготовленного для нее другими свидания.

Вернувшись домой, она долго стояла во дворе, не решаясь зайти в комнаты, ее страшили расспросы матери и невестки.

А наутро вновь доносятся до нее из кухни резкие женские голоса.

Мать и невестка, как всегда, обсуждали проблемы громко, переходя на крик. Кумри прислушилась. Разговор — опять о ней.

— Она ходила на встречу?— в голосе матери слышится надежда.

Невестка начинает причитать и слать проклятия на голову тому, кого еще вчера нахваливала так, словно это был сказочный принц.

— Сын шайтана! Посмел сказать про нашу Кумри «старая дева».

— Проклятый!— вне себя от гнева прохрипела мать.— Пусть этот урод лучше посмотрит на себя. Проклятый!..

Кумри заткнула уши — нет сил больше слышать все это, нет сил все это выносить.

Она ушла из дома, поселилась в общежитии для аспирантов, а через год получила однокомнатную квартиру.

И все это время жила одиноко, скромно, довольствуясь лишь радостями, которые дарит работа.

Не раз и не два бедная мать приходила в общежитие, умоляла дочь вернуться домой. Кумри ласково, но твердо ответила отказом. За эти четыре года она успела не только защитить диссертацию, но и найти свое, пусть пока еще скромное, место в науке. Работа была для нее сразу всем — и любимым делом, и семьей, и отдыхом для души.

И все-таки...

Она невольно вспомнила свой последний визит в отчий дом. Брат с женой еще не пришли с работы, и мать обрадовалась, что сможет посидеть, поговорить с дочерью спокойно, без суеты.

Старушка жалостливо смотрела на Кумри, ресницы

ее были влажными. Но вдруг она улыбнулась и торопливо, словно боясь, что ее перебьют, заговорила:

— Доченька! Может быть, и хорошо это, что мы не отдали тебя рано замуж. Вот и соседи говорят — большим, уважаемым человеком стала Кумри. А будь у тебя семья, дети, разве смогла бы ты...

Кумри вся внутри сжалась от этих слов, а мать смутилась и замолчала, догадавшись, что, желая утешить дочь, невольно причинила ей боль.

— Доченька, а ты что же не выходишь? — Рядом с ней стоял водитель трамвая и смотрел на нее удивленно и сочувственно. — Конечная... здесь все выходят...

Кумри вскочила с места и направилась было к двери, но тут же сообразила, что выходить на конечной остановке ей совершенно ни к чему.

— Ака,— обратилась она к водителю,— трамвай пойдет обратно в город?

Тот покачал головой.

— Да зачем же ты, дочка, ехала-то сюда, если выходить не собираешься?

Дождь перестал. Ребятишки с криками и смехом бегали по лужам, им никакого дела не было до пасмурного неба, до оголенных, озябших деревьев. Кумри с завистью смотрела на их беспечные глаза и с тоской думала о своей одинокой квартире.

Так дальше жить нельзя, надо что-то предпринять. А может, стоит поговорить с мамой — не переедет ли она сюда, к ней, Кумри?

Подходя к дому, Кумри услышала причитания, громкий плач. У соседнего подъезда толпились женщины.

Что-то случилось... Несчастье... Она поспешно приблизилась к женщинам: не решаясь на расспросы, молча встала рядом.

— О, аллах, такая молодая, красивая!

— Ребенка жаль, да и Шерали убивается, смотреть на него жутко.

И тут только Кумри сообразила — что-то случилось с Наргиз. Красавица Наргиз — молодая, цветущая, жизнерадостная.

— Что с ней? — она осторожно тронула за рукав Мархамат-апа.

Та горестно покачала головой.

— Вай, доченька, горе, большое горе у Шерали, нет больше Наргиз, с сердцем у нее что-то случилось, а ведь утром еще сегодня я видела ее, о семье спрашивала...

Мархамат-апа еще что-то говорила, перемежая слова вздохами и всхлипываниями, но Кумри уже не слышала ее.

Шерали... С какой затаенной грустью она смотрела иногда вслед этой супружеской паре — Шерали и Наргиз — и по-хорошему завидовала молодой женщине. Да, наверное, не одна Кумри засматривалась на высокого, стройного мужчину с добрыми лучистыми глазами и мягкой улыбкой.

И вот теперь этот мужчина одинок...

«Господи, да о чем это я думаю в такую минуту?» — Кумри, словно боясь, что кто-нибудь из соседок прочтет ее мысли, поспешила к себе.

Недочитанная история бедной Керри лежала на тахте, Кумри машинально взяла в руки книгу.

А какой же будет история жизни ее, Кумри?

И вновь, против ее воли, вопреки разуму, вопреки всем понятиям о том, что хорошо и что плохо, пришла мысль: «Шерали...»

ВЫИГРЫШ

Он напевал, а зеркало отражало его сияющий взгляд. Жена то и дело заходила в спальню и неодобрительно поглядывала на мужа. Такого она не помнила, пожалуй, со дня их свадьбы. Когда это он так тщательно брился — считай полчаса; когда это заставлял ее наглаживать рубашку и костюм?! О! Ну, это уж слишком: вылил себе за воротник духи — ничего не соображает, они ведь женские.

А Каримджан решительно игнорировал неудовольствие жены — нет, нет, он не позволит сегодня испортить себе настроение, тем более, что выглядит-то он просто настоящим джентльменом. Вот уж действительно — одежда делает человека. Каким он был глупцом! Из-за своей неряшливости выглядел так, что все пятьдесят можно было дать! Жена и та взяла в последнее время дурную привычку причитать — несчастная я, угораздило меня выйти за вас замуж! Пусть теперь посмотрит на своего мужа! Да ей честь оказана, должна быть довольна, что такого мужчину отхватила. Нет, сегодня он не будет реагировать на ее явно провоцирующие вздохи.

Все так же тихонько мурлыча под нос, он вышел из дома, и тут, спускаясь по лестнице, сообразил, что в кармане-то у него ни копейки. Возвращаться не хотелось, он заранее знал, какотреагирует жена на его скромную просьбу — дать немного денег. Но и уйти без денег — никак нельзя.

Хайрихон, увидев мужа, сначала удивилась, а затем, мгновенно вычислив по выражению его лица причину возвращения, уперла руки в бока. Ну, сейчас она, наконец, выскажет ему все, что накопилось на душе за это утро.

Каримджан «сделал обходной маневр» — он просто душно потер руки и улыбнулся, тем самым давая понять, что не собирается вступать в перепалку.

— Мать, — он постарался вложить в это обращение максимум уважения. — Я забыл... деньги забыл! Принеси-ка десяточку.

Слово «десяточка» заставило Хайрихон измениться в лице, и Каримджан понял — шлюзы сейчас прорвутся. Ах, ты господи, ну неужели нельзя без брюзжания,

без вечных упреков в неумении жить. Да к черту умение! Надо жить, просто жить и радоваться... ну хотя бы удаче. Того она не понимает, что им сказочно повезло.

— Я знала, я с самого начала знала, чем это кончится! Не я ли говорила, что не нужна она нам, эта машина.

Визгливый голос Хайрихон был слышен по всему подъезду, и Каримджан торопливо прикрыл дверь. Раз уж не удалось избежать стычки, надо попробовать обойтись малыми потерями и, главное, не защищаться, а наступать.

— Эй, немонясливое существо, неужели до тебя не доходит, что мы теперь — солидные люди. Да разве тебе снилось когда-нибудь, что ты будешь разъезжать на собственной машине?!

«Солидные люди» окончательно вывели жену из себя. Она с сарказмом рассмеялась.

— Ну и шутник вы, уважаемый муженек! Да ваша машина уже выкачала столько, что страшно подумать. Один гараж обошелся в тысячу, которую я берегла на черный день. А мы ведь живем на зарплату. Вы же у нас слишком честный, чтобы...

Каримджан знал — если жена разойдется, ее не остановишь. С тех пор, как его счастливый лотерейный билет принес им такой выигрыш, Хайрихон успокоиться не может. У нее-то были совсем иные планы — продать лотерейный билет, сделать, наконец, в квартире (тут, надо признать, жена права) ремонт, купить мебель. Одним словом, жить как другие.

Но разве радость жизни — в мещанском стандарте? Чтобы все, как у людей! То ли дело машина — скорость, раскованность, ощущение современного ритма жизни! Подумать только, а ведь жена чуть не лишила его этой радости. Ей все равно, «Жигули» они выиграли или самосвал. Буквально на следующий день она нашла покупателя на их выигрышный билет.

— Этот человек согласен на переплату, — радовалась Хайрихон. — Тысячу дает сверху. — Ее глаза сияли гордостью — наклеывается выгодное дело.

Но Каримджан так гаркнул на жену, что она присела от неожиданности. А что делать, как иначе объяснить ей, что тут и до тюрьмы недалеко. Упоминание о тюрьме привело Хайрихон в чувство, с тех пор о продаже она не заикается, но зато придирается по мелочам. То

плата за водительские курсы ей кажется непомерно высокой, то ее не устраивают цены на бензин...

А сейчас, испросив десятку, он ей просто вложил козырь в руки — вот, опять расходы, и это все из зарплаты, а в хозяйстве столько прорех, нужно и то, и это, доходов же никаких...

Да и что ждать от него, от рохли и сидня... Если бы она только знала, когда выходила за него замуж...

Эх, высказать бы ей все, что он думает о добычливых мужьях, да нельзя сейчас, никак нельзя. Надо ведь заполучить все-таки эти десять рублей.

— Слушай, женушка, — Каримджан решил делать упор на уважительность, — как это в притче говорится: верблюд терпел, терпел, а когда до оазиса осталось всего ничего — захромал. Уж сколько мы с тобой понесли расходов — сама же говоришь, — так что для нас составит потратить еще какую-то десятку.

Жена с удивлением глянула на воркующего мужа, а тот, видя некоторую растерянность дражайшей супруги, поднажав на теплые нотки, продолжал:

— Сама посуди, сегодня я впервые приеду на службу на собственной машине. В обед, конечно же, начнутся расспросы, и просто будет несолидно, если я не догадаюсь расплатиться за друзей. И о ком друзья хорошо подумают? Конечно, о моей жене, которая не скупится, не держит мужа в черном теле.

С лица Хайрихон, кажется, сошло агрессивное выражение. Но она все-таки, видно, уже больше для порядка проворчала:

— Друзья, машина ему дороже семьи!

Однако деньги из спальни вынесла.

С десяткой в кармане Каримджан почувствовал себя уверенней, с достоинством уселся за руль своих «Жигулей» и огляделся. Пока разогревал мотор, все соседи, свесившись с балконов, смотрели на сверкающую лаком машину и ее владельца. Или это ему только казалось в его радостном возбуждении?! Да нет, действительно — вон и та толстуха загляделась. О господи, да она что, глухая, что ли — он сигналит, что есть мочи, а ее прямо под колеса несет.

Когда «Жигули» все-таки разминулись с толстухой, он газанул: машина рванулась вперед, и сердце Каримджана возликовало. Ему не терпелось разделить с кем-нибудь радость, хотелось подкатить к какому-нибудь

знакомому, небрежно распахнуть дверцу и крикнуть — садись, друг, подброшу до службы. Но, как назло, знакомые не попадались. «Ну и зря, зря,— бормотал Каримджан,— я-то знаю, как нелегко добираться на работу в часы пик».

Да уж, достоинства городского транспорта ему хорошо известны. Ждешь, ждешь, бывало, на остановке... Ему припомнился вдруг холодный зимний день и толпа, кажется, уже потерявшая надежду дожидаться автобуса. И тут он увидел машину Эшмамата. Радостно замахал Каримджан руками — дескать, стой, сосед, выручай. Эшмамат окинул равнодушным взглядом толпу и неторопливо удалился. Каримджан разозлился. «Ну и негодяй! Видел ведь, не мог не видеть!»

Сейчас не зима, но ему не хотелось бы походить на Эшмамата. Великодушие распирало его в новеньком автомобиле.

На перекрестке Каримджан притормозил — надо пропустить трамвай. Водитель трамвая, заметив, видно, сияющую физиономию Каримджана, показал на его машину и поднял вверх большой палец — дескать, здорово, друг, поздравляю. Каримджан с благодарностью улыбнулся ему, помахал рукой — счастливого пути.

«Нет, день определенно выдался удачным»,— думал Каримджан, с удовольствием крутя баранку. Когда раздался резкий милицейский свисток, он и подумать не мог, что это в его адрес. Но свисток повторился, и постовой указал палочкой — к обочине. Каримджан удивился — с чего бы это. Лихорадочно соображая, не допустил ли где промаха, показал пальцем на себя: дескать, мне ли этот свисток предназначен. Инспектор равнодушно кивнул. Слово инспектора ГАИ для водителя — закон. Каримджан, не обнаружив за собой нарушения, однако же выходил из машины с чувством какой-то вины.

— Товба!¹ Скорость была не выше сорока,— начал было он, приближаясь к инспектору, но тот строго перебил его:

— Попрошу документы!

Каримджан с удивлением отметил, что голос его стал вдруг заискивающим, почти просительным:

¹ Товба — восклицание, выражающее досаду, удивление.

— Уважаемый... э... товарищ инспектор, извините великодушно, но я ведь ваших правил не нарушал...

— Правила движения не наши, а ваши, товарищ водитель, это раз.— Инспектор сурово сдвинул брови.— Ни с того ни с сего мы не останавливаем — это два. Прошу документы — это три.

Каримджан покрылся холодным потом. Ну и ну, что же это происходит — вот они, рассказы приятелей, сбываются наяву. Он неохотно достал из кармана водительские права и протянул инспектору. И только тогда, когда документы оказались в руках блюстителя дорожного порядка, вдруг с ужасом вспомнил о том, что вложил в права ту злосчастную десятку, на которую собирался угостить обедом друзей. Решил пофорсить — сначала он покрутит у приятелей перед носом правами, а потом небрежно вытащит из них десятку и расплатится.

Господи, что же будет, инспектор еще подумает — взятка. Стыд-то какой!

Но, к его удивлению, инспектор, обнаружив десятку, едва заметно ухмыльнулся и виртуозным, почти цирковым жестом засунул ее в карман брюк. Выражение лица его тут же смягчилось, он стал любезен, чуть ли не предупредителен.

— Уважаемый, на первый раз прощаю. Но в будущем... будьте внимательны.

Он вложил в руки Каримджана «отощавшие» документы, и тот, оглушенный происшедшим, забормотав «хоп, хоп», уселся за руль.

Тронул машину, но радости от движения не ощутил. Все словно померкло.

Как же так, ведь он не маленький, точно знает — не было с его стороны нарушения. Почему же этот усатый так бесцеремонно остановил его, ну ладно бы — задержал, сделал выговор... Десятку ведь забрал! А попробуй-ка начни выяснять с ним отношения — он тебе такое припишет! И главное, как легко она ему досталась, эта десятка. Он, Каримджан, день должен «пахать» как проклятый, а этот усатый прямо-таки шутя бизнес делает.

Каримджан представил себе лицо жены, когда она узнает о случившемся. Можно вообразить и тот монолог, который Хайрихон произнесет в этом случае. «Рохля ты, — скажет. — Рохла и неудачник. Настоящие-то мужья ради семьи на все готовы». А друзья что поду-

мают — скряга. И тут ему в голову пришла простая мысль — ну, а почему бы и ему не стать «деловым» человеком. Тем более, что теперь такая возможность есть.

Он еще минуты две-три размышлял над посетившей его идеей, затем ухмыльнулся такой же ухмылочкой, какую видел на лице инспектора, и решительно подрулил к остановке. К машине тут же бросилась женщина, за юбку которой цеплялся малыш.

— Подбросьте, пожалуйста, к детской поликлинике, — попросила женщина.

И Каримджан молча кивнул — садитесь, даже не поинтересовавшись, где она находится, эта поликлиника.

Как только женщина устроила удобно ребенка, она принялась щебетать.

— Товарищ водитель, это недалеко. Мы пока на учете по старому месту жительства, в этом районе недавно.

На минуту она умолкла, раскрыла сумку, порылась в ней и достала пять рублей.

— Вот, — пятерка затрепетала у Каримджана возле плеча. — Это все, что у меня с собой. Три рубля могу отдать вам.

Каримджан и не подумал о таком обороте дела, в кармане у него не осталось ведь ни копейки. Он побагровел от стыда. Проговорил едва слышно:

— Нет у меня сдачи.

Женщина недоуменно уставилась ему в затылок, минуту соображала, чтобы это значило, а затем поспешно проговорила:

— Хоп, хоп. Я согласна, только уж довезите до места.

Когда, наконец, до слуха Каримджана донеслось: «Все, все. Вот здесь остановите», он облегченно вздохнул. «Ну, слава аллаху, прибыли. А то сидишь и чувствуешь себя преступником». Пятерка, оказавшаяся у него в руках, вдруг обожгла ему пальцы. Женщина поспешно удалялась.

Каримджан нелепо уставился на пятерку, не зная, что с ней делать. Вдруг он рывком распахнул дверцу, выскочил из машины и с криками: Стойте! Подождите! — помчался за пассажиркой.

Женщина остановилась, удивленно глядя на запы-

хавшегося водителя. А Каримджан не проговорил, а выдохнул:

— Возьмите, сестрица. Возьмите. Нехорошо получилось...

Когда он вновь положил руки на руль, глаза его сияли. Он покачал головой — ну, «деловой» человек, ну, калымщик. Радостно газанул и развернул «Жигуленка» — надо было спешить на службу.

Краски вдруг вновь стали яркими, сочными, все, как прежде, заглядывались на его новенькую машину, а он ехал и мысленно прикидывал, у кого бы перехватить десятку — друзей-то угостить обедом надо.

СОДЕРЖАНИЕ

Эшим-маклер. Повесть. Перевод З. Наджатовой.	4
Рассказы. Перевод С. Тарбеевой.	
Заветное желание.	60
Большое «А», маленькое «а».	66
Братья и сестры.	75
Сказка, рассказанная мамой.	81
Снегурочка.	85
Мать.	90
Такая судьба.	97
Сватовство.	105
Запоздалое счастье.	111
Вина.	121
Одиночество.	125
Выигрыш.	133

Исаханова Шаходат.

И 85 Заветное желание: Повесть и рассказы: Пер.
с узб.— Т.: Ёш гвардия, 1988.—144 с.

P2

ШАХОДАТ МУРАДОВНА ИСАХАНОВА

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Повесть и рассказы

Перевод с узбекского

Рецензент — В. Новопрудский, член СП СССР

**Редактор Т. Горбонос
Художник Б. Халмурзаев
Худ. редактор Н. Абдуллаев
Техн. редактор В. Демченко
Корректор Э. Коломиец**

ИБ № 2264

**Сдано в набор 23.03.88. Подписано в печать 29.06.88.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура литературная. Бумага
№ 2. Печать высокая. Уч.-изд. л. 7,57. Усл. печ. л.
7,56. Усл. кр. отт. 7,98. Заказ № 3271. Договор 8—88.
Тираж 23000. Цена 45 к.**

**Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия»
700113, Ташкент, Чиланзар, квартал 8,
ул. газеты «Правда», 60.**

**Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана, Ташкент,
ул. Ленина, 41.**

**В 1988 ГОДУ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА
«ЁШ ГВАРДИЯ» ВЫПУСКАЕТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Константин Аксенов
Порывистый ветер
Стихи

Василий Ларцев
Звезды над Регистаном
Стихи

Сборник
Листья чинары
Стихи

Сборник
Барышня-герцогиня
Сказки зарубежных писателей

Сагдулла Сияев
Сказки для мужчин
Юмористические рассказы

Ульмас Умарбеков
Встреча у высоких снегов
Повести

Алексей Устименко
Когда стреляют на перевале
Рассказы

Ходжиакбар Шайхов
Демонстрация на орбите
Фантастические повести и рассказы

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

ВАШИ ОТЗЫВЫ И ПОЖЕЛАНИЯ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ
ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 700113, ТАШ-
КЕНТ, ЧИЛАНЗАР, КВАРТАЛ 8, УЛ. ГАЗЕТЫ «ПРАВ-
ДА», 60.